

Основания опытной психологии святитель Гавриил (Кикодзе), епископ Имеретинский

Предисловие

Предисловие

Предлагая на суд просвещенных людей Основания опытной Психологии, считаем нужным сказать слова два в оправдание метода, которому мы решились следовать при их изложении.

Психологию немногие считают за опытную науку, и хотя есть сотни книг, носящих название опытной Психологии, но в них, по справедливости говоря, весьма мало опытного; по крайней мере, они весьма еще далеки от метода истинно-опытных, т. е. естественных наук. Между тем, по здравом размышлении, мы должны согласиться, что Психология не менее сих наук допускает опытный метод исследований; ибо душа человеческая не есть какое-либо отвлеченное представление нашего ума, которое может быть изучаемо одним умозрением, но есть субстанция, имеющая действительное бытие и обнаруживающая себя во многих явлениях; следовательно она, подобно всем другим субстанциям, может и должна быть изучаема опытами и наблюдением. Правда, душа есть существо невидимое, и ее нельзя наблюдать подобно всем наружным предметам внешними чувствами; но за то самые эти чувства суть произведения души. Следовательно, изучая их, мы изучаем самую душу. Весь наш организм есть орудие души, которая постоянно проявляет себя в его изменениях и состояниях; следовательно, изучая эти состояния организма, мы познаем свойства самой души. Далее и всякое душевное явление, всякий внутренний факт, независимый от организма, также может быть предметом внутренних наблюдений; ибо самосознание наше есть постоянный внутренний опыт. Наконец все душевные силы и способности весьма легко могут быть наблюдаемы в то время, когда они находятся в напряжении, когда они упражняются, действуют. Судя по всему этому, опытный метод изучения предмета нигде не может иметь такого

обширного применения, как в Психологии, и мне кажется, что Психология выиграла бы весьма много, если бы, отбросив в сторону бесплодные умозрения, обратилась к строгому опыту, беспристрастным наблюдениям, анализу явлений и фактов, словом обратилась к тому превосходному методу, который сообщает наукам естественным столь завидную точность, занимательность и основательность.

Вот те соображения, которые руководили нами при изложении Оснований опытной Психологии. Мы старались основывать все рассуждения о душе на Фактах и явлениях, вполне доказанных и объясненных в физиологии и физике, и тем избежать всех бесполезных теорий и гипотез.

Но приступая к изложению самой Психологии, сообразно принятому с давних пор обыкновению, мы должны бы с точностью объяснить, что такое Психология, как она разделяется, какое место занимает в ряду других наук, как надобно излагать её, и прочее и прочее. В особенности же, мы должны бы употребить все усилия доказать, что Психология есть наука весьма полезная во всех отношениях. Но да простят нам отступление от принятого обычая. Нам кажется, что подобные введения в науку излишни, бесполезны и даже отчасти смешны. Все эти истины, доказываемые во Введении, должны быть не началом, а конечным результатом науки. Объяснять на первой странице книги то, что должно быть выведено как следствие всех её изысканий, значит тоже, что начинать строение дома с крыши. Что Психология есть учение о душе, это, без сомнения, заранее известно всякому, кто только возьмет в руки эту книгу. С какими науками она имеет связь, это покажут последствия; есть ли от неё польза, это должен решить сам читатель по прочтении всей книги.

Отделение первое. О бытии, свойствах и действиях души человеческой

Глава первая

§1. Содержание главы

В этой первой главе *Оснований опытной Психологии* мы постараемся анализировать ощущения и свободные движения человека, и посмотрим к чему приведет нас точное познание устройства чувственных и двигательных органов и их отправлений.

А. Ощущение

§2. О зрении

Начнем анализ ощущений со зрения.

Орган зрения есть глаз. Он состоит из следующих частей: спереди находится прозрачная, выпуклая и наполненная водянистой влагой, полукруглая поверхность, называемая *роговою оболочкою*. Она прилегает задней стороной к плоской перегородке, на подобие стекла в карманных часах. Эта перегородка имеет у человека и животных различные цвета, отчего и называется *радужною оболочкою*. Круглое отверстие, находящееся в середине перегородки, служит для прохода лучей света и называется *зрачком*. Позади зрачка лежит мягкое, двояковыпуклое тело – *кристаллин* или *хрусталин*. За кристалином находится влага, которая, по причине сходства со стеклом, называется *стекловидною влагою*. Она вся окружена тончайшей оболочкой, или мешочком, коего внутренняя поверхность покрыта сеткою, или разветвлением зрительного нерва, соединяющего глаз с мозгом.

Глаз действует следующим образом. Лучи света от наружных предметов, падая на роговую оболочку, проходят через зрачок и преломляются на кристаллин, как во всяком двояковыпуклом стекле проходя через стекловидную влагу, снова в ней преломляются и, соединившись на задней светчатой оболочке глазного яблока, производят изображение предмета. Впечатление или раздражение, которое производит это изображение на разветвление зрительного нерва, этот нерв переносит до того пункта черепного мозга, к которому он примыкает и которое называется *чертогом зрительного нерва*.

Итак, орган зрения устроен сообразно строгим математическим законам распространения и преломления световых лучей, и изображение предметов на задней оболочке глаза есть простое физическое явление. Известно, что физики составили из стекол искусственный глаз, в котором лучи преломляются и изображение предметов получается точно также, как в живом глазе. Но между живым глазом и искусственным то существенное различие, что в последнем

изображение предметов есть простое, механическое действие, а в первом оно сопровождается явлением в высшей степени замечательным и важным для Психолога, именно зрением или сознательным ощущением того предмета, которое произвело впечатление. Но спрашивается: где это зрение или ощущение предмета? Иначе, что или кто ощущает цвета, фигуры, величины и другие свойства предметов? На это, по видимому, можно отвечать трояким образом: ощущение предметов, или зрение, происходит либо в самих составных частях глаза, либо в зрительном нерве, либо наконец в мозге.

Но физиологические факты неоспоримо доказывают:

1. Что составные части глазного яблока имеют назначение чисто механическое, именно преломлять лучи света и составлять изображения предметов, но сами не могут ощущать сих изображений. Известно, что если отделить глаз от мозга, перерезав где либо зрительный нерв; то хотя бы глаз и продолжал отражать предметы по-прежнему, но ощущение, или зрение исчезнет. Поэтому очевидно, что хотя человек видит предметы посредством глаза, но видит их не в самом глазе.

2. Зрение, или ощущение света и предметов, происходит и не в зрительном нерве. Зрительный нерв назначен только к тому, чтобы переносить впечатление предмета из органа к центру, т. е. к черепному мозгу. Это доказывается тем же самым фактом, какой мы привели сейчас; ибо где бы мы ни перерезали зрительный нерв, далее или ближе к мозгу, все-таки остальная его часть не будет чувствовать света и сделается мертвой.

3. Остается третье предположение, и все факты уверяют нас, что ощущение действительно происходит в мозгу. На самом деле мы видели, что впечатления предметов на глаза переносятся к мозгу; увидим далее, также, что и все впечатления других органов равно сосредотачиваются в черепном мозге; следовательно другого места для ощущений предположить невозможно.

§3. Психологический вопрос

Физиолог, задача которого состоит лишь в том, чтобы определить назначение и направление органов человеческого тела, может остановиться на этом пункте, потому что ему нет нужды идти далее; но Психолог, желающий изучить невидимую сторону человека, с этого именно пункта и должен начать свои исследования. Проследив впечатления света до самого мозга, уверившись из несомненных фактов, что ощущение бывает не в глазе, и не в нерве, а совершается в мозгу, он должен предложить себе следующей вопрос: самая ли мозговая мякоть, самые ли нервные пузырьки мозга, ощущают свет, звук и проч., или есть особое, независимое и отличное от мозга начало, которому надобно приписать эти ощущения? Этот вопрос очень важен и решителен для опытной Психологии. Но внимательное соображение всех физиологических фактов и верный анализ устройства и действия всех органов приводят нас к такому следствию. Начало, или субстанция, которая в человеке все ощущает и движет, совершенно отлична от мозга и вообще от всего организма. Это есть субстанция невещественная, духовная, основную силу которой составляет – ощущение. Мозг же есть только последний и притом центральный орган, куда собираются все впечатления для того, чтобы окончательно отразиться в виде разнообразных ощущений в этой невидимой субстанции. Полное и всестороннее доказательство этого важного положения будет целью всех исследований этой главы. Мы надеемся, что беспристрастный анализ многочисленных физиологических и физических фактов, приведет нас к убеждению в его истинности.

§4. О слухе

Физика научает нас, что внешняя причина звуков, или физическое явление, производящее в нас впечатление звуков, есть волнообразное движение воздуха. Частицы твердых тел от взаимного столкновения приходят в сотрясательное движение. Это движение передается окружающей их массе воздуха, и последняя также приходит в сотрясательное или волнообразное движение, которое, распространяясь во все стороны с известной скоростью, доходит до органа слуха и производит в нем известное впечатление, или перемену. Чтобы понять способ этого впечатления, надобно познакомиться с устройством уха.

Устройство уха строго приурочено к физическим законам движения и отражения воздуха. Орган слуха состоит из трех главных отделов: наружного, среднего и заднего.

Внешний отдел слухового органа включает в себе наружное ухо и слуховой проход. Наружное ухо видимо всякому и не требует описания. Слуховой проход есть эллиптический или воронкообразный канал, составленный сначала из хряща, а потом из черепной кости. На заднем краю он оканчивается перепончатой перегородкой (*барабанной перепонкой*), которая составляет глухую преграду, отделяющую наружное ухо от среднего.

Средний отдел уха состоит из продолговатой полости. На внутренней части её находятся два отверстия, овальное и круглое, лежащие одно над другим; сверх того, эта полость включает внутри себя цепь маленьких косточек, которые, по сходству своему с известными предметами, называются: *молоток, наковальня, стремя* и проч.

Последний задний отдел уха состоит из целого лабиринта косточек и имеет довольно сложное устройство. Замечательнейшие его части: *преддверие*, маленькая, продолговатая полость, занимающая середину лабиринта, и *полукруглые каналы*, загнутые в виде подковы, и *улитка*.

Весь лабиринт, или все пространство заднего уха, наполнен водянистой материей.

Наконец надобно заметить об одной части уха, весьма важной, именно об *евстахиевой трубе*; это есть канал, который приводит в сообщение задний отдел уха с гортанью.

Наружное ухо назначено для получения и распространения во внутрь воздушных сотрясений.

Наружный слуховой ход – для проведения сих сотрясений к барабанной перепонке. Так как тела твердые проводят сотрясения лучше, то его стенки составлены отчасти из костей. Слуховой проход, сверх того, через отражение от своих стенок увеличивает силу сотрясений.

Барабанная перепонка представляет превосходнейшее принаровление к законам акустики. Известно, что сотрясениям, происходящим в воздухе, ни одна вещь так не отвечает, как натянутая животная перепонка. Посему-то барабанная перепонка в совершенстве воспроизводит все получаемые ей сотрясения. Для принятия сотрясений от перепонки назначены слуховые косточки. Таким образом, через цепь косточек сотрясения во всей чистоте должны достигать до лабиринта.

Но для этого недостаточно одних сотрясений перепонки: надобно, чтоб барабанная полость заключала в себе воздух. И он точно получается здесь из гортани через *евстахиеву трубу*. Не будь здесь постоянного притока воздуха, косточки не приносили бы пользы. Так, при устройстве простых барабанов, оставляют в них отверстие для постоянного притока воздуха.

Наконец физиологи, хотя и не объяснили в точности назначения всех частей заднего отдела, но, вообще можно сказать, что и они воспроизводят и усиливают получаемые от первых двух отделов сотрясения.

Таким образом, столкновения тел производят волнообразное движение воздуха. Оно передается слуховому аппарату, который воспроизводит сотрясение и передает их слуховому нерву. Наконец слуховой нерв переносит это впечатление до черепного мозга, или собственно до того места в мозгу, к которому он примыкает. Но где происходит само ощущение звуков или слух? На это опять можно отвечать следующим образом: ощущение звуков совершается или в

самых частях слухового аппарата, или в слышательном нерве, или в мозгу.

Но, вследствие ясных и доказанных физиологических фактов, мы должны заключить, что слышание или ощущение звуков не происходит ни в самом ухе, ни в нерве слышательном. Ибо, если мы перережем этот нерв и таким образом отделим ухо от мозга; то хотя в нем и будут отражаться сотрясения по прежнему, но звуки исчезнут. Следовательно, хотя человек слышит посредством уха, но слышит не в ухе. Итак, остается заключить, что ощущение звуков происходит в мозге.

§5. Опять психологический вопрос

Здесь, как при анализе зрения, Психолог должен спросить себя: сам ли мозг есть ощущающее начало? Здоровое и беспристрастное соображение всех фактов убеждает нас, что мозг есть только орудие для окончательной передачи впечатлений слуха какому-то невидимому существу, что хотя ощущение звуков происходит в нем, но не самая мозговая мякоть есть ощущающая субстанция. Полное доказательство тому будет предложено далее, а здесь сделаем только некоторые частные соображения.

Во 1-х, мозг есть простая органическая материя, состоящая из тех же почти химических начал, как и все органы тела, с некоторой только разностью касательно количества и расположения атомов; но основательно ли думать, чтобы материальные частицы, хотя бы и органические, могли иметь такую чудную способность, какова способность ощущать? Не забудем, что видеть какой-нибудь предмет, слышать звук – значит сознать явление, судить о феномене.

2. Сравнивая устройство органов зрения и слуха, и следя за ходом впечатлений света в первом и звуковых волн во втором, мы видим, что оба сии впечатления, по своей сущности, весьма схожи; ибо как то, так и другое, есть некоторое раздражение, или некоторая перемена органа и нерва, доходящая до мозга. Но сравните сами ощущения зрения и слуха: есть ли между ними какое-либо сходство? Далее мозг весь, по химическому своему составу, одинаков; но возможно ли, чтобы две одинаковые части материи способны были иметь два столь совершенно различных ощущения: каковы цвет и звук?

3. Последующее соображение еще более убеждает нас в том, что зрение и слух происходят в каком-то особом, невидимом существе. Нерв зрительный примыкает к одному известному пункту мозга до которого доходят впечатления света, и который, как было выше сказано, называется *зрительным чертогом*. Нерв слухательный, без сомнения, тоже имеет свой заворот в другом пункте мозга, до которого и

доходит нервный ток, возбуждаемый впечатлением на этот орган. Следовательно, если слух и зрение суть принадлежности, или способности самой мякоти; то выходит так, что одна часть мозговой материи слышит, а другая видит, т. е. слышит и видит в нас не одно и то же существо, а два разных существа. Но это явная нелепость, ибо ясно, что в нас слышит и видит одно и тоже нераздельное существо, одна какая-то субстанция или монада¹, которая и сравнивает эти два ощущения, и делает из этого сравнения надлежащие выводы.

§6. О запахе

Физика и Химия показывают нам, что запах происходит от тех невидимых малейших частиц, которые, отделяясь от пахучих тел, доходят до органа обоняния и производят раздражение внутренней перепончатой его кожицы. Эти раздражения, или впечатления, обонятельный нерв переносит до мозга, общего центра всей нервной системы.

Таким образом, надобно положить, что самый *запах* или *ощущение* запаха совершается или в носу, или в обонятельном нерве, или же в мозгу. Но что обоняние или чувство запаха бывает не в носу, и не в обонятельном нерве, в том мы можем совершенно убедиться из тех же самых фактов, которые представили выше при анализе зрения и слуха. Самый мозг есть только передаточный пункт впечатления, а не то существо, которое ощущает и различает запахи.

В этом мы окончательно убедимся тогда, когда познакомимся с устройством мозга. А здесь заметим пока следующее: между ощущениями запаха, слуха и зрения мы чувствуем удивительное различие. Что напр. есть общего, или какое сравнение можно найти между белым цветом, звуком колокола и запахом розы? Но впечатления или перемены, какие производят в наших органах свет, волнообразное движение воздуха и частицы пахучих тел не могут по сущности своей так резко различаться, как цвет, звук и запах; ибо органы и нервы, которые воспринимают сии впечатления, не представляют такого резкого различия. Еще более поражает нас в этом отношении следующий физиологический факт: всякое раздражение зрительного нерва производит в нас одно только ощущение света, а раздражение слухового нерва рождает в нас только одни звуки, обонятельного – одни запахи. Напр., пропуская через все сии нервы электрический ток или просто прикасаясь к ним пинцетом, мы получаем в каждом из них одни только упомянутые ощущения. Здесь все три нерва раздражены одинаково, следовательно, и сами получают одинаковые впечатления, и на мозг действуют одинаково и наконец, сам

мозг, по составу своему, везде одинаков, но следствия выходят разительно несходные. В мире материальном не существует такого явления: в нем равные причины или силы производят равные следствия: напр. равные толчки рожают равные движения. Очевидно, что все сии три ощущения происходят не в мире материальном.

§7. О вкусе

Орган вкуса есть язык и вся слизистая поверхность внутри рта. Ощущения вкуса происходят только при непосредственном соприкосновении сих органов с телами, способными возбуждать сии ощущения. При этом вкус происходит только от жидких частей тела, а твердые частицы неспособны возбуждать его. Нет нужды распространяться на счет решения вопроса, где происходит самое ощущение вкуса, после того как анализ трех предыдущих чувств показал нам, что сам акт ощущения нельзя приписывать не органу, не нерву, не даже мозгу. Здесь заметим только еще раз, что одно только соображение удивительного различия между нашими ощущениями может уже привести к той мысли, что они принадлежат миру невидимому и нематериальному. В самом деле, трудно указать какую либо черту сходства между ощущениями вкуса, зрения, слуха и обоняния. Это суть три различных мира; а потому, говорю, нельзя думать, чтобы все они происходили в однообразных, материальных частицах.

§8. Об осязании

Органом осязания служит вся поверхность нашего тела, хотя оконечности пальцев на руках и почитаются преимущественно осязательными орудиями. Все тело ваше покрыто кожей, которая имеет, по своему устройству, способность принимать через соприкосновение с внешними предметами впечатления от них. Ощущения, которые мы получаем от осязания, суть: жесткость, мягкость, теплота, холод, боль со всеми её видоизменениями и проч.

Так как кожа назначена для осязательной чувствительности, а равные поверхности не могут передавать всех оттенков осязаемого тела; то она, сжимаясь различным образом, производит складки и бороздки и проч. Далее, кожа состоит из нескольких слоев, но самый мягкий, нежный слой, расположен на внешней поверхности, для того, чтобы он мог удобно раздражаться от малейшего впечатления. Наконец, надобно помнить, что вся поверхность нашего тела посредством разветвления нервов, соединена с головным мозгом, дабы всякое впечатление переносилось к нему.

Но как и где человек чувствует тепло и холод, боль, твердость, мягкость и проч.? Совершенно также, как и все другие ощущения. Впечатление или раздражение органов осязания, полученное в какой-нибудь части тела, нерв осязания переносит до мозга, и здесь уже происходит самое ощущение, но происходит не от мозга. Уколите палец на ноге; вы в то же мгновение почувствуете боль, но этого мгновения уже было достаточно к тому, чтоб раздражение, происшедшее от укола, достигло до мозга и отразилось опять в ноге в виде боли. Доказательством тому, что ощущение боли произошло не в месте укола, служит то, что отделение ноги, или всякого другого члена, посредством перерезки чувственного нерва от мозга, лишает его всякой чувствительности. Каким же образом ощущение происходит не в ноге, когда нам кажется, что у нас болит именно нога: это мы сейчас увидим.

§9. О том, что человек все чувствует не вне себя, как ему кажется, а в себе

Сколько любопытного и замечательного представляется иногда уму при ближайшем изучении самых обыкновенных и простых явлений! Что может быть, наприим., проще того, что мы ежеминутно видим, слышим, обоняем и проч.? Но, изучивши ближе эти простейшие явления, мы открываем в них многое, чего прежде не думали и подозревать, и что с первого раза, при всей несомненности, может показаться даже невероятным.

Во всех пяти чувствах привычка, приобретенная измлада и обратившаяся как бы в саму природу, заставляет нас делать такие суждения, которые, хотя не заключают в себе ничего ложного по их отношению к сущности самих вещей, вне нас находящихся, но, между тем, показывают в ложном свете их отношения к нам и действие их на наши чувства.

Всякий знает, что мы видим предметы по тем изображениям, которые они производят в глазах. Следовательно, мы видим их в себе, в своем органе, а между тем воображаем, что видим их на тех самых местах, где они находятся. Это происходит от привычки, приобретенной в самых юных летах, в то время, когда ни рассудок, ни понятия наши не были развиты. Известно, что дети, не привыкшие еще судить о расстоянии предметов, ловят ручонками отдаленные вещи у самых глаз, очевидно принимая глазное изображение оных за самую вещь; но после нескольких неудачных опытов они, мало-помалу, догадываются о расстоянии вещей и приучаются различать их отдаленность. В последствии это обращается им в саму природу, так что взрослый человек, по впечатлению предмета, так быстро судит о его расстоянии, что для него ощущение глазного изображения неразрывно сопровождается механическим, бессознательным пониманием самого расстояния предмета. Если к этому прибавим столь же быстрое механическое действие воображения, которое мгновенно переносит, и как бы поставляет нас подле видимого вдали предмета; то легко поймем, почему мы так твердо уверены в

том, что видим предметы на тех же местах, где они находятся. Эта уверенность такова, что человеку не изучившему физики и не умеющему анализировать свои ощущения покажется нелепостью мысль, что он видит предметы не там, где они на самом деле находятся, а в себе, в своем органе. Точно такова сила привычки и во всех других впечатлениях и ощущениях. Слушая человека, играющего на скрипке, мы воображаем, что эти звуки, эта гармония, эти переливы тонов, находятся именно там, под его смычком. Нам и в голову не приходит сколько расстояния, сколько сред и изменений, должны были пройти волны воздуха, колеблемые смычком игрока, чтоб отразиться в нашем сознании в виде звуков. Мы и не воображаем, говорю, что смычок и струны производит лишь одни механические явления, а звуки слышатся в нашем ухе, даже и не в ухе, а еще далее. Но это заблуждение, если только это можно назвать заблуждением, происходит опять от привычки; ибо младенец, слыша звуки, сначала не обращает головы в ту сторону, откуда звуки происходят, но только в последствии, опыт научает его относить ощущения звуков к известным причинам.

Нюхая розу, мы воображаем, что этот прекрасный запах находится в самих листьях розы. Вкушая какое-либо сладкое вещество, мы думаем, что сладость есть как бы составная часть вкушаемого. Когда укололи руку или ногу, то боль чувствуем, по привычке же, в самом месте укола. Но, наблюдая над детьми, можно заметить, что они сначала не умеют определить, где им бывает больно, а только в последствии научаются относить боль к тем местам, где произошло впечатление. Словом, все наши ощущения то мы смешиваем с физической причиной, их производящею (напр., звуки с движением воздуха), то с самим раздражением или впечатлением органа (напр., боль с раздражением от укола)².

Словом сказать, человеку кажется, что он чувствует, так сказать, вне себя, а на самом деле он все внешние предметы ощущает в себе самом, т. е. он видит, слышит, чувствует запах, боль, теплоту в себе, хотя впечатления происходят от внешних, действительных предметов.

§10. Физиологические факты, доказывающие положение предыдущего

Люди, потерявшие ногу, или руку, в сознании своем сохраняют ощущение целостности сих членов. Такой обман встречается не только у тех, кои потеряли часть руки или ноги, но и всю руку по плечо, и ногу по колено³. Потерявшие член не вполне движут им на равне со здоровым во всех случаях, где это движение имеет место, и в сознании своем не отличают, что поврежденный член не цел. Обман чувств открывается только после бесполезно произведенного движения. Люди, носящие деревянную ногу, чувствуя свербение в отрезке бедра, чешут деревяшку. Ходящие на деревяшке, хотя чувствуют место, где остаток бедра к ней прикасается, все-таки не могут в сознании уничтожить ощущения целостности ноги. Много было случаев, что люди об одной ноге, отвязав деревяшку, во время занятий, вдруг вскакивали и падали, и это не один раз, и не от забывчивости. Во время занятий такие люди чувствуют, что неполная их нога находится в том же положении, как и другая здоровая. Многим смачивали отрез бедра холодной водою, и они чувствовали, что не бедро, а пальцы их подвержены действию холодной воды. Обман становился еще разительнее, когда раздражение было направлено на какой-нибудь нерв. Напр., одному придавливали на отрезке бедра место, на котором находится известный нерв, называемый *inchidiacus*, и ему казалось что у него *ходят мурашки* сперва в большом пальце ноги, потом – в остальных пальцах, далее – в ближайшей части ноги, потом – в подошве, за тем с особенною силою – в пятке, икре и т. д.

Наконец, такой обман сознания продолжается у людей, потерявших члены не только в поздние, но и самые ранние годы, и продолжается во всю жизнь. Поэтому сознание целостности потерянного члена не есть следствие привычки действовать двумя членами, а имеет основание в самом центре мозга.

Все сии факты, в соединении с предложенным выше анализом пяти чувств, должны окончательно убедить нас, по

крайней мере, в том, что мозг есть центр иместилище наших ощущений, что все наши ощущения происходят именно в нем; т. е. мы, просто говоря, и видим, и слышим, и ощущаем боль и все в мозге, а не там, где мы воображаем по привычке. Но есть ли он, вместе с тем, самое чувствующее начало, это мы окончательно увидим из рассмотрения устройства самого мозга и нервов.

§11. Описание нервной системы

Мозг разделяется на три главные части, *на большой, малый и спинной*. Все сии три части имеют пункт соединения в *продолговатом мозге*, который находится в начале спинного мозга. Если снять с головы череп и другие оболочки, закрывающие мозг, и смотрит на него сверху; то он представляется в виде сероватой овальной массы, разделенной бороздкою на две части. Если посмотрим на мозг с затылка; то увидим, что из под этой главной массы выступает новая меньшая масса, покрытая бороздками: это малый мозг. Спускаясь еще ниже к отверстию, мы увидим, что из под малого мозга выходит беловатый снурок и поступает в позвонки: это спинной мозг.

Если теперь перевернем мозг, и посмотрим на него таким образом; то оба мозговые полушария представляются разделенными на три уступа. По середине эти полушария сращены особым веществом, которому дано имя *мозголистого*, и которое многие считали резиденцией души. Если разрезать мозг около этой спайки, то в нем откроются *полости*, называемые *мозговыми желудочками*. В тоже время на внутренней его стороне можно отличать более овальное, довольно значительное возвышение: это *чертог зрительного нерва*. Кроме сего, есть также несколько и других частей, носящих разные названия, между прочим шлемковатая, кольцеобразная железа, которая, под именем *grandula pinealis*, почиталась Геленом и Декартом резиденцией души. *Большой мозг и спинной* соединяются между собою и с *малым мозгом* несколькими связками.

Спинной мозг, или так называемая *становая жила*, начинается продолговатым мозгом и идет вдоль спины в виде толстой струны, или дерева, обращенного ветвями вниз. Чтобы узнать назначение отдельных частей мозга, их подвергали различным опытам. Если спинной мозг отделить от головного; то человек теряет всякое чувство и всякое движение во всех членах, и чем ближе к черепу сделан разрез, тем явление это

будет сильнее. Если же мы повредим или надрежем спинной мозг только на правой стороне; то паралич обнаружится по всей правой стороне тела. Если же повредим мозг слева, тогда вся левая часть тела перестанет двигаться и чувствовать.

Малейшее прикосновение к продолговатому мозгу возбуждает страшные боли, а повреждение внутренней его стороны производит конвульсии и самую смерть. Между тем окружность этой части не обнаруживает таких явлений. В большом мозгу некоторые места обнаруживают чувствительность, а другие нет.

Тоже самое и касательно движения. Повреждения большого мозга парализует все члены тела, лишая их способности двигаться. Если у животного вырезать одно полушарие мозга; то половина его тела лишится движения. При вырезке половины, или всего малого мозга, повторяются те же явления, только в меньшей степени.

Общий вывод из всех подобных опытов следующий:

Продолговатый мозг назначен регулятором всех невольных движений, а именно биения сердца, дыхания и проч.

Малый мозг есть посредник в деле добровольных движений и положений тела.

Большой мозг нижней своей частью управляет двигательными мускулами и конечностями всего тела, а остальная его часть есть место умственных отправлений.

§12. Устройство нервов

Нервы суть тончайшие нити, которыми центральные части мозга сообщаются со всеми, даже самыми отдаленными частями тела. Все части и органы тела, находясь в непосредственном соприкосновении с наружным миром, приводят все видимые предметы в сообщение с мозгом посредством сих нервов. Нервы разделяются на два рода: на нервы чувствования и нервы движения. Число первоначальных нервных нитей, покрывающих все оконечности, все части тела, неимоверно велико; но все они сходятся в мозгу, который, кажется, сам есть не что иное, как соединение и окончание этих самих нитей.

Впечатления, переходящие от органов к нервам, сии последние переносят к мозгу. Это действие совершается в них так называемым нервным началом, через дрожание (*oscillatio*) волнообразно. Эта *oscillatio* делает круг в своем движении. Раздражение, получаемое в данном месте периферии, переходит в нервной центр, и из него опять в раздраженный пункт; но уже не в виде боли, а в виде движения. Скорость этого кругового движения неимоверна и едва измерима. Укол булавкою пальца ноги сопровождается в то же мгновение отдергиванием её, но это движение, которое как бы сливается с самим уколом, на деле произошло после того, как раздражение нерва дошло до мозга и оттуда обратно отразилось в ноге. Впрочем, некоторые физиологи способ действия нервов объясняют несколько иначе, что увидим мы во втором отделении Психологии.

§13. Сам ли мозг должно признать чувствующим началом

Беспристрастное соображение всего доселе сказанного заставляет нас признать, что чувствующее начало, или существо, ощущающее свет, звук, запах и пр., не есть сам мозг. Главное и совершенно достаточное доказательство тому находим мы *в единстве и простоте наших ощущений*, единстве и простоте столько противоречащих сложности мозга и всей нервной системы. В самом деле, хотя наши ощущения так между собою различны, что невозможно, напр., найти никакого сходства между светом, звуком, запахом и пр.; но, между тем, очевидно до последней степени, что все эти ощущения принадлежат одному, неделимому существу. Очевидно, что в нас и видит, и слышит, и вкушает одно и то же, а не различные существа. Но такого единства не было бы в том случае, если бы ощущения наши были свойством самой мозговой материи, или какой-нибудь другой жизненной силы; потому что, как мозг, так и всякая материальная сила, есть масса, состоящая из тысячи частей. В мозге нет такого пункта, который бы исключительно обнаруживал все роды ощущений: в нем одни места чувствительны, другие назначены для движений, третьи для – умственных отправлений. Есть места, повреждение которых лишает человека одной способности, напр. памяти. Есть такие места, расстройство которых производит ослабление других способностей. Где же в мозгу это дивное единство нашего сознания и действия? Каким образом эти разные и бесконечно друг от друга удаленные части мозга могут слиться в единстве ощущения? Мы говорим бесконечно удаленные: ибо, в сравнении с простотою ощущений и мыслей, и малейшее расстояние есть бесконечно. Не очевидно ли, что над всеми этими микроскопическими органами мозга господствует какое-то невидимое и простое существо, которое воспринимает все их перемены в виде ощущений?

§14. Возражение

Но, скажут, мозг еще не исследован окончательно: Быть может, в нем есть такой пункт, где сосредотачиваются окончательно все нервы, и где следовательно, могут происходить все ощущения.

Предположим, что в мозге, в самом деле есть такое место или пункт, где сосредотачиваются все впечатления. Но это место, этот пункт, есть или часть мозга, состоящая из нескольких других меньших частей, или один нераздельный атом мозга. Если он состоит из нескольких частей, положим из 10-ти, то возникает вопрос: что составляет единство этих 10-ти частей? Как они могут чувствовать столь согласно? И каждая ли из этих 10-ти частиц ощущает свет и звуки (что составит по 10-ти, так сказать, звуков и запахов), или все они вместе ощущают и сознают один звук? Словом, при этом предположении, единство душевной деятельности делается не изъяснимым. Если же предположим, что этот пункт состоит из одного нераздельного атома, тогда это уже не будет мозг: ибо всякая малейшая частица мозга есть, как ниже увидим, тело химически сложное из нескольких простых атомов, кои до своего химического соединения не похожи на мозг. Таким образом выйдет, что, для объяснения ощущений, мы невольно должны допустить существование чего-то, совершенно не похожего на мозг. Но что такое собственно атомы? Это суть первоначальные частицы материи, из химического соединения которых составлены все тела. Но известно, что эти атомы суть тоже материя, с теми же существенными свойствами. Поэтому совершенно невозможно допустить бытие одного какого-либо атома существенно не похожего на все другие. Первоначальные же атомы отличаются друг от друга только фигурой и весом, а во всем прочем они однообразны.

Химический же состав мозга есть белок, фосфор, жир и еще несколько других частей. Никто не скажет, чтоб белок, фосфор и жир обладали способностью ощущения и произвольного движения. Но какое есть основание думать, чтоб химическое их

соединение, образующее мозг, придало им это новое и чуждое им свойство? Что такое химическое соединение? Это такое явление, когда несколько простых тел, соединяясь в известных пропорциях, образуют новое тело. Какие изменения происходят при химических соединениях? Изменения наружные, напр. новый вид, новая плотность, некоторые новые химические или физические свойства, но допускать, чтоб фосфор, белок и жир при химическом соединении до такой степени изменились, что бы получили способность ощущать и произвольно двигать члены – это нелепо. Словом, какое мы ни сделали бы предположение для доказательства того, что ощущение принадлежит мозгу, или какому либо другому материальному началу, всегда будем встречать, тысячи противоречий. Остается допустить, что ощущение принадлежит какому-то невидимому, непохожему ни на мозг, ни на какое другое тело, существу.

§15. В чем состоит ощущающее начало?

Выше было сказано, что в следствие привычки мы думаем, будто видим предметы именно там, где они стоят, слышим звуки именно там, где произошло движение воздуха, полагаем будто запах находится в самих предметах, а боль ощущается там, где произошло раздражение; но что собственно эти ощущения происходят, как научает нас физиология, совсем иначе. Для уразумения души величайшую важность имеет строгий анализ наших ощущений, строгое отделение причины их производящей от впечатлений ими производимых, а впечатлений – от самих ощущений. Постараемся же еще раз повторить вкратце предыдущий анализ чувств.

Зрение. Физическая причина его – лучи света, исходящие от предметов. Физиологическая его причина – оптическое изображение которое эти лучи составляют в глазу. Это оптическое изображение есть впечатление, или раздражение, переходящее, при помощи нерва, в мозг; но мы сейчас видели, что и мозг неспособен иметь ощущения, – что же происходит в мозгу? – Вероятно такое же раздражение или впечатление, как и в начальных органах: где же находится зрение т. е. ощущение цветов, фигур, величин и пр.? Таких ощущений ни в мозгу, ни в нервах, ни в глазу нет. Следовательно, это ощущение не есть явление не физическое, не физиологическое: *оно есть духовное явление.*

Слух. Столкновение тел производит волнообразное движение воздуха – это физическая причина звуков. Волнообразное движение воздуха воспроизводится в органе слуха также в виде движения и раздражения. Слышательный нерв передает это раздражение или впечатление мозгу, в котором должно происходить также некоторое впечатление или раздражение мозговых пузырьков. Мы не знаем такое же ли это раздражение, как раздражение от впечатлений зрения; не знаем в чем состоит собственно сходство и различие этих обоих раздражений или впечатлений, не знаем также сходства и различия впечатлений и других органов, но очевидно, что все

они суть некоторого рода движения, или перемены органов и нервов. Итак, звук – *явление мира духовного*.

К тем же самым следствиям приводит нас разбор других ощущений. Следовательно существо, имеющее способность ощущать, – есть духовная, не материальная субстанция.

Но скажут: эти самые раздражения мозга и суть ощущения наши, а именно: раздражение мозга, происходящие от впечатлений, доставляемых зрительным нервом, есть ощущение зрения, раздражение от впечатлений слухового органа есть самое ощущение звука и пр. Но нет никакого основания допустить подобное смешение раздражения с самим ощущением. Весь предыдущий анализ показал нам, что первое есть действие механическое, а второе не имеет в себе ничего похожего на механическое движение; но при том, допустив это предположение, мы не могли бы объяснить единства наших ощущений, единства, которое разительно убеждает нас, что не мозг есть ощущающее начало. Мы знаем наконец, и это всего важнее, что существо чувствующее делает из своих ощущений свободное употребление, сравнивая их между собою и делая суждения и умозаключения, чего нельзя было бы делать из чисто механических раздражений.

Предположенные доселе доказательства еще более усиливаются рассмотрением свободного движения.

Б. О движении

§16. Физиологическое описание главных двигательных органов

Все органы движения человека подчинены чистым механическим законам. Аппарат для движения человека состоит: а) из множества разнообразно устроенных и премудро-принаровленных к целям рычагов, – *костей*, и б) веревок, которыми эти рычаги приводятся в движение, и которые называются *мускулами*. Заведывание движением мускулов принадлежит нервам двигательным.

Все кости животного, взятые вместе, составляют *скелет*, или, правильнее, *остов*. Остов, как механический прибор составляет одно целое, но рассматриваемый по частям, обнаруживает многообразные принаровления к потребностям животной жизни. Таким образом, он: а) служит стойкой, штативом для организма, или, просто, вешалкой для мускулов, которые по ней протянуты и прикреплены в различных направлениях, а сверху покрыты одной, общей кожей; б) образуют твердую защиту для главных частей нервной системы, головной череп, напр. – для мозга и наконец с) составляют страдательный прибор для движения.

Мускулы составляют в организме то, что мы называем *мясом*. Мускулы, как мы сказали, служат двигающей силою для рычагов – *костей*. Точками опоры для этих рычагов служат пункты прикрепления мускулов; точками тяжести, или сопротивления, – поднимаемый, наклоняемый и загибаемый пункт органа.

§17. Зависимость движения от мозга

Все члены нашего тела находятся в строгой зависимости от голово-спинного мозга, который управляет ими посредством двигательных нервов. Мы знаем, как легко и почти бессознательно двигаются все наши члены; мы так привыкли двигаться, что воображаем, что рука наша сама в себе заключает двигающую силу, что нога двигается сама собой, и все вообще члены в себе заключают свое движение, но источник их движения, толчок их двигающий, выходит из мозга. Доказательством тому служит то, что если отделить какой либо член от мозга, перерезав двигательный нерв, соединяющий его с мозгом, то член этот перестает двигаться.

Но физиология научает нас, что мозг не одной своею частью управляет всеми движениями тела. Разные пункты мозга заведуют движениями разных органов. Повреждение правой стороны спинного мозга, как мы сказали еще прежде, производит паралич на всей правой стороне тела, а повреждение левой стороны его парализует левую часть организма.

Если у животного вырезать совсем одно полушарие большого мозга, то за тем последует паралич на противоположной стороне тела. Тоже самое бывает и по вырезке половины малого мозга. Продолговатый мозг, как пункт соединения всех частей мозгового центра, обнаруживает те же явления, только в высшей степени. Повреждение одной половины его, с нижнего конца, влечет за собою страшную боль и совершенный паралич одной половины тела; перерезка всего продолговатого мозга имеет следствием быструю смерть.

§18. Где находится двигающее начало?

И так здесь, как и при разборе ощущений, мы дошли до мозга, как источника, из которого истекает всякое движение человеческого организма. Но самый ли мозг производит свободные движения, или есть еще особое невидимое начало, которое через мозг сообщает толчок телу. Все факты и соображения убеждают, что мозг есть только посредствующий орган в движениях, первоначальный же источник, или первоначальная двигающая сила заключается не в нем, а в особом невидимом существе. Доказательства тому следующие:

1. Очевидно, что *двигающее* начало в человеке тождественно с *чувствующим*. Чувствования и движения имеют в нас неразрывную связь. Внутреннее сознание уверяет нас, что члены наши двигает тоже существо, которое получает ощущения. В человеке то ощущения бывают причиной движения, то некоторые движения производят некоторые особые ощущения. Когда я отдернул ногу, почувствовав в ней боль, то очевидно, что это движение произвело тоже самое существо, которое почувствовало боль, оттого-то между этими двумя явлениями, т. е, болью и движением ноги, проходить столь малое время, что они кажутся одновременными. Но если движущее начало тождественно с ощущающим, то очевидно, что оно заключается не в мозгу, ибо мы прежде доказали, что ощущающее начало не есть мозг. Во всех телесных движениях наших, не смотря на их множество и разнообразие, заключается удивительное единство и согласие, что было бы невозможно, если бы движения не имели другого источника, кроме мозга. Мы видели, что движениями тела заведует не один пункт мозга, а несколько; что повреждение одной стороны большого, или малого или продолговатого мозга, производить паралич в одной половине тела, а повреждение другой стороны их лишает движения другую часть тела. Но что приводить в согласие эти части мозга? Очевидно, что не сами они взаимно себя согласуют, а есть какое то, особое невидимое существо, которое через них согласно движет всеми членами. Зададим себе

следующий простой вопрос: одно ли и тоже существо двигает наши правую и левую руки? Сознание, внутреннее ощущение отвечает нам, что одно и то же; но если мы, кроме мозга, не допустим особого невещественного начала, то выйдет, что левую руку двигает одно существо, а правую – другое.

Наконец неоспоримее всего убеждает нас в невещественности и духовности двигающего начала разумность и намеренность наших движений. Движения членов человеческого тела тем отличаются от движений всех прочих безжизненных материй, что здесь каждый член двигается с намерением, рассчитано, следовательно их двигает не слепая какая либо сила, а разумная. Поэтому надобно поневоле допустить, что источник движения их есть сила разумная, невидимая, духовная.

§19. О тождестве ощущающего и мыслящего начала

Еще более убеждаемся мы в невозможности того, чтоб мозг был способен к ощущениям, когда подумаем, что ощущения наши суть зародыши мыслей и рассуждений, что существо ощущающее есть вместе с тем и мыслящее, что ощущение, мышление и сознание происходят в одном и том же нераздельном существе. Не нужно много усилий к тому, чтобы доказать тождество мыслящего существа с ощущающим. Наше сознание, наше внутреннее чувство, уверяют нас в том; но если бы мы, не доверяя нашему чувству, вздумали отделить ощущения от мыслей и приписать их двум разным субстанциям, то впали бы в самое нелепое противоречие. Это значило бы рассечь самую мысль на две части: тогда бы выходило так, что предметы внешние видит одно существо, а судит о них совершенно другое. Но повторяем, это нелепо до последней степени; ибо видеть человека, слышать его речь, значит уже судить о нем. Здесь ощущение и суждение неразрывны между собой. Но если мыслящее начало одно и тоже с ощущающим то допуская, что мозг имеет возможность ощущать, надобно признать и то, что он может и мыслить. Вот на этом-то именно основывались многие материалисты, когда отвергали в нас бытие нематериальной души; но если мы до сих пор умели, как кажется, неоспоримо доказать, что мозг не может ощущать, то еще легче и неоспоримее можно доказать, что он тем менее в состоянии мыслить. Все то, что было сказано выше в доказательство невозможности приписать мозгу способность ощущений, приобретает двойную и тройную силу, будучи сказано для доказательства того, что мозг не может мыслить. Посему нет нужды, как нам кажется, усиливаться доказать, что мозг и вообще материя не в состоянии мыслить. Мы питаем убеждение, что при нынешнем развитии естественных наук и при тех опытах, какими теперь обогатилась физиология, не будет уже повторяться заблуждение, которое было возможно только при недостаточном их развитии, и в этой мысли

утверждает нас свидетельство знаменитого Либиха, патриарха
нынешнего естествоведения.

§20. Свидетельство Либиха⁴

Либих в своей первой лекции, сказанной в Мюнхенском Университете, 1856 года, торжественно признал самобытность духовного над вещественным в органических существах. В словах знаменитого ученого мы увидим также и подтверждение всего, что было сказано доселе об ощущениях наших. Вот его слова: «Эти дилетанты (так называет Германский ученый людей поверхностных, занимающихся наукой мимоходом, для удовольствия), эти младенцы в знании законов природы хотят убедить несведущую и легковверную публику в том, что они могут дать ей ясное понятие об образовании в нас мыслей, о сущности и свойствах нашего духа. Духовный человек, по их словам, есть только произведение своих чувств. Мозг одним вещественным изменением порождает мысли, и его отношение к ним такое же, в каком печень находится к желчи. Как с печенью уничтожается желчь, так будто бы погибает и дух наш, с разрушением мозга».

Разоблачите выводы этих господ от их мишурных блесков, которые в глазах серьёзных исследователей не более, как освещенный туман, и останется только то, что ноги даны человеку для беганья, а мозг для мышления, и что мышлению надобно учиться подобно тому, как дети учатся беганью; что без ног нельзя бегать, а без мозга – мыслить; что повреждение орудий движения мешает ходьбе, а повреждение орудий мысли изменяет самое мышление. Но ведь мясо и кости, из которых составлены ноги, сами собою не движутся, – их двигает причина, которая не есть ни мясо, ни кости; они – только орудия силы; мыслит не мякоть, называемая мозгом, она – только орудие причины, порождающей мысль. Мозг есть единственный внутренний орган, на который человеческая воля действует непосредственно. Ни на движения сердца, ни на деятельность желудка воля не имеет прямого влияния, но, кстати, данная пощечина действует даже, подчас и на уразумение математической аксиомы. Не глаз видит свет или телá, не ухо

слышит музыку: они только орудия к восприятию волн света и звука.

«Дилетанты утверждают, что мысли суть произведения перемен мозгового вещества, как желчь есть произведение вещественных изменений печени».

Но настоящая физиология до сих пор еще ничего не знает об отношениях желчи, как отложения, к вещественному изменению печени, как органа отложения, а все, что выследовано здесь химией, доказывает, что стихийные начала желчи не находятся ни в каком отношении к стихийным началам печени. Духовный человек не есть произведение своих чувств, но действия чувств суть произведения разумной воли человека.

«Мы знаем, что изменение вещества сообщает силу паровой машине. Дерево, угли сгорают или изменяют свои первоначальные свойства при соединении с кислородом. Вследствие этого сгорания является теплота, превращающая воду в пары, которые, производя давление на стены котла, приводят машину в движение. Через изменение вещества в гальваническом столбе, через растворение металла в кислоте, возникает ток электричества; проведите его в металлическую проволоку, она сделается магнитом; магнит имеет свойство притяжения, которое, будучи превращено в давление, тянет машину. Посему можно догадываться, что и в теле животных механическая сила, обуславливая произвольные движения членов, находится в связи с изменением вещества, и именно в мышечной системе, но самое отношение их между собою нам еще совершенно не известно».

«Одно только мы знаем положительно, что сила в организме возникает не так, как в паровой машине, и ее нельзя объяснить из известных нам законов электричества. Мы знаем, что изменение вещества совершается во всех частях тела, что трата механической силы имеет влияние на все орудия, на целый механизм тела, что воля утомленного бегом или тяжкою работою человека теряет часть своей мощи над орудием мышления, мозгом; но об изменении мозгового вещества, будто бы рождающем мысли, естествознание ровно ничего не ведает. Все, что мы знаем по этой части, сводится к одной дюжинной

истине, что голова без мозга не могла бы ни думать, ни чувствовать».

«Исследователи, которые действительно желали изучить законы органической жизни, естественно обращали свое внимание на подмеченные в ней химические и физические силы, как на предмет знакомый им и из других явлений. Они на время оставили в стороне вопрос о жизненной силе с целью исследовать, насколько физика и химия способны объяснить жизнь и её процессы; но там, где это оказывалось недостаточным, везде являлось действие нового еще неизвестного начала, которого объем и сущность старались тут же определить. Эта метода временного исключения была многим неизвестна, многими непонята, и вот от чего многие думали, будто естествоиспытатели отвергают самобытность органической жизни, между тем как они старались только уяснить химические и физические условия этой жизни».

«Но, чтоб не быть несправедливым даже и к проповедникам материализма, надобно сообразить, что взгляды их в сущности только крайние результаты той реакции, которую возбудили против себя различные учения, бывшие в ходу еще несколько лет тому назад. Физиология, построенная на выводах, так называемой, «философии природы», не имела в основании своем точных исследований, надежных указаний опыта; все процессы питания, дыхания, движения, объяснялись в ней одною воображаемою причиною, которую называли жизненною силою; в органическом теле, полагали тогда, химические и физические силы нисколько не участвуют; тело само в себе и по-своему порождает и потребное ему железо и теплоту. Точные исследования доказали, что все силы вещества принимают действительное участие в органическом процессе, а крайняя реакция утверждает теперь в противоположность прежнему взгляду, что одними только химическими и физическими силами обуславливаются все жизненные явления, что вообще нет ни какой другой силы в теле. Но как прежде натуральные философы не в состоянии были доказать, что все производится одною их жизненною силою, так и новейшие материалисты не могут доказать, что все производится лишь не органическими

силами и что достаточно их одних для порождения организма и самого даже духа. Все их положения основываются не на знании, а как и прежде, на совершенном незнании дела. Истина же лежит в середине: чуждаясь односторонности, она признает в органической жизни образовательное начало, господствующую идею, которая проявляется не только вместе с химическими и физическими силами, но действует и в них самих».

Таков произнесенный устами великого химика окончательный вывод современной науки.

§21. Замечание о трехчастном составе человека

Прежде чем приведем еще другое свидетельство из физиологии нашего отечественного ученого, остановимся минуту на замечании Либиха о жизненной силе, которую в 18 столетии объясняли все отправления организма. Эта пресловутая жизненная сила имела, и доселе продолжает иметь влияние на пишущих и учащих Психологию. До сих пор во многих Психологиях встречается мысль, что человек состоит из трех начал или существ, а именно: тела, души и духа. Но подобное мнение очевидно не может быть допущено.

Причина, почему многие вводили в Психологию это среднее существо, или, лучше, раздробляли духовное начало человека на две части, на душу и дух, была, кажется, та, чтобы легче объяснить соединение в человеке духовного и телесного начала, между которыми душа, по мнению их, есть как бы посредствующее звено. Но этой хитрой теорией не только не объяснили таинства природы, таинства никогда не объяснимого, но еще более его запутали: ибо если прежде непонятно было как соединяются душа и тело между собою, то с изобретением новой теории, к тому еще прибавилось другое затруднение – объяснить способ соединения души сначала с телом, а потом с духом.

Нет нужды доказывать невозможность этого тройственного состава человека, но что сказать о тех Психологах, кои придумывают еще более странные деления человека и толкуют о душе в обширном значении, о душе в тесном смысле и о духе? Это уже более чем смешно.

§22. Слова из физиологии Г-на Жемчужникова⁵

«Мы уже знаем, что тело животное отличается чувствованием и движением, и что толчок, возбуждающий движение, сообщается нервами. Теперь спрашивается, что такое действует в нервах? Каким образом через них можно действовать и двигаться?»

«Ни один нерв, взятый отдельно от своего центра, не имеет ни самостоятельной жизни, ни самостоятельной деятельности. Правда, в первые мгновения, по отсечении, обнаруживает и то и другое, но последующее омертвление ясно показывает, что в нем истощился запас того начала, которое оживляло и приводило его в деятельность, и что оно само собою не может вознаградить этого начала. Какое же это начало? Как оно дает жизнь нервам и как возбуждает их к деятельности».

«Начало, оживляющее нервы и возбуждающее их деятельность, не подлежит нашим чувствам: мы видим только влияние его на нервы, знаем, что без него нервы представляют мертвый, механический прибор, машину без движущей силы».

«На этом физиология останавливается. Она приводит нас путем опыта к убеждению в присутствии в нашем теле души; раскрывает её влияние в частностях отправлений нервной системы; но что такое душа сама в себе? Этот вопрос вне круга задач, решением которых физиология занимается».

§23. Что такое жизнь?

Рассмотрим здесь некоторые возражения против нашего способа воззрения. Из них главное заключается в том понятии, какое многие имеют о жизни. Ни одно слово не играет такую важную роль в естествознании и в самой философии, как слово жизнь. Понятие, заключенное в этом слове, до крайности не определено. Иногда ему приписывают многие, совершенно противоположные значения; но чаще всего оно, в устах людей, не привыкших отдавать себе отчета в своих словах, означает какую-то таинственную силу, коей старались объяснить все непонятное и темное в бытии существ растительного и животного царства.

Растения от многих почитаются живыми существами, и потому многие допускали жизнь растительную, жизнь растений и проч.

Но если основываться на том только, что до сих пор известно о возрастании, питании и вообще о бытии растительных существ; то жизнь растительная есть ничто иное, как действие одних только химико-механических сил. Это подтверждается тем, что все явления внутри растений совершенно удовлетворительно объяснены одними химическими и механическими законами. Но приверженцы таинственных сил хотят допускать в растениях нечто более и выше, чем простые механические движения, и в подтверждение приводят несколько явлений, будто бы доказывающих, что в них есть чувствительность и произвольное движение. К таким явлениям принадлежит движение некоторых растений в ту сторону, откуда идет к ним свет, напр. луковицы в темном подвале пускают отпрыски в сторону света, подсолнечник обращает головку к солнцу, многие цветы закрываются вечером и открываются днем и проч., но подобные явления не выходят из круга механических сил. Очевидно, что в представленных примерах действует простое притяжение солнечного света, которое имеет величайшее влияние на растительность. Вообще более опытные испытатели природы никогда не допускали в

растениях ничего похожего на ощущение и произвольное движение.

Переходя от растений к животным, многие полагали, что чувствительность и произвольное движение в сих последних есть следствие какой-то органической жизни, или той особенной силы, которая, не будучи духовною, есть результат органической формы развития материи. Доказательство тому находили во многих явлениях животного царства.

Если бы в природе существовали одни высшие классы животных, имеющих все органы и все признаки животной жизни, то не было бы никаких недоумений и споров касательно основного начала их жизни; но в ней встречаются такие животные, формы которых, образ жизни, способ размножения, питания и прочие свойства, по видимому противоречат всем нашим понятиям о начале ощущений и произвольных движений. В самом деле нельзя не согласиться, что странные явления в некоторых родах животных могут привести мыслящего человека в недоумение. В природе встречаются существа, о которых трудно сказать животные ли они, или растения: таковы, например, зоофиты. Но это еще не важно. Многие виды этих существ представляют весьма странные явления, напр. если у полипа отрезать голову, у ней вырастает другая, если гидру разрезать на несколько частей, то из каждой части образуется новая гидра, мало того, есть особый вид полипов, который можно искрошить на мелкие части и из каждой части снова произойдут новые животные подобные прежним. Наконец, при объяснении жизни подобных существ, и то уже составляет величайшее затруднение, что в них не отыскали никаких орудий или органов для ощущений и произвольного движения, а между тем в них существует движение, и как будто заметили, также, ощущения. Эти самые явления и были причиной, которая заставила многих думать, что ощущение и движение может быть принадлежностью органической материальной массы. Не станем отвергать важности подобных возражений, не станем также придумывать никакой гипотезы для соглашения их с нашими прежними положениями, хотя попытка может быть более чем уместна, судя потому, как мало вообще известно об

упомянутых животных. Но смело и с полной уверенностью на согласие всех беспристрастных умов скажем, что нет никакого благоразумия и последовательности основать какие либо психологические выводы на явлениях столь загадочных. Судить об основных свойствах жизни можно лишь на основании изучения тех животных, кои достигли до известного развития и выказали все свои принадлежности; но нет возможности узнать что-либо верное при изучении таких существ, которые находятся как бы в зародыше. В самом деле, возможно ли основать какие либо суждения на способе бытия таких существ, о которых еще не решили, животные ли они, или растения? Конечно нет! Истинных свойств жизни надобно искать там, где она вполне развилась, а не там, где она только зарождается. При изучении особей неразвитых, представляющих только зачатки животного, мы можем впасть во многие погрешности, что и оправдывается историей развития естествознания. Известно, что многие мнения, считавшиеся прежде истинными и противоречившие основным положениям науки, напр. мысль о возможности зарождения животных и растений без семени, вполне опровергнуты последующими открытиями.

Итак, судя по всему, жизнь состоит лишь в ощущении и произвольном движении и она никаким образом не может быть принадлежностью собственно материи. Где есть эти два признака, там неизбежно должно предполагать присутствие нематериального, духовного начала.

§24. Имеют ли животные душу?

Из предыдущего следует, что одно из величайших заблуждений философов состояло именно в том, что они часто отвергали бытие души в животных. Одни, именно материалисты, с намерением старались поддерживать ту мысль, что животные не имеют души, а только жизнь или жизненную силу, которая есть свойство органической формы, одаренной чувствительностью. Цель их была очевидна. Если существа, которые не имеют души, говорили они, при помощи одного дара ощущений достигают до понятливости изумительной и до соображений, а во многих случаях обнаруживают даже силу умозаключения (ибо из одних явлений заключают о бытии других явлений): то человек, имея кроме этой силы ощущений дар слова, не нуждается уже в какой то нематериальной душе. Но очевидно, что существенная их ошибка состояла в мысли, что материя может иметь ощущения. Другие, напротив того, отнимали душу у животных из опасения унижить человека. Но здесь также является ложное суждение и предположение. В самом деле, какое есть для человека унижение допускать душу в животных?

Если в мире материальном мы видим предметы разительно несходные по совершенствам, напр. простой камень и брильянт: то в мире духовном тем естественнее надобно предполагать многообразные степени.

Душа, как существо способное к усовершенствованию, может иметь в тысячу раз более степеней по своей сущности и совершенствам чем материя. Душа животных столько же ниже души человеческой, сколько простой, дикий камень, ниже брильянта. Если считали унижительным для человека допустить душу в животных: то удивляюсь, почему за одно не стали доказывать и того, что животные ничего не слышат, не видят, не понимают, не имеют памяти, привязанности, верности и пр., ибо во всех сих случаях они еще более сходны с людьми. Нет! не в том состоит отличие и достоинство человека, что он больше знает нежели животные, или имеет душу нематериальную, а

животные не имеют ее. Величайшее преимущество человека, делающее его существом высоким, бесценным – это его вера, его единение с Творцом мира. Бог открыл себя только человеку; мало того, что открыл, Он соединил его непосредственно с Собою. Вот что делает человека выше всей вселенной!

§25. Ощущения не должно смешивать с чувствованиями сердечными

Заметим здесь еще, что во многих Психологиях способность ощущать или способность видеть, слышать, осязать и пр. всегда почти смешивали с так называемыми сердечными чувствованиями, или душевными состояниями, каковы: печаль, радость, удовольствие, грусть и пр. Но очевидно, что оба эти явления совершенно различные. Первые суть зародыш представлений и познаний, они ясны и определены до последней возможности: что может быть, например, яснее ощущения света, фигуры, величины и пр.? Напротив того, душевные состояния или чувства удовольствия и неудовольствия обыкновенно бывают темны и безотчетны.

§26. Заключение главы

Льстим себя надеждою, что приведенных в сей главе доказательств достаточно для убеждения всякого беспристрастного человека в той истине, что ощущения наши суть явления мира духовного; что видеть, слышать, ощущать запах, вкус, боль, холод и тепло, может только существо духовное, нематериальное; что следовательно в человеке есть нечто совершенно отличное от его организма, и следовательно он имеет душу, нематериальную, духовную. Если же одна способность ощущений достаточно убеждает в невещественности души: то нечего уже говорить о способности рассуждать, умозаключать, иметь свободу и пр. Эти высшие способности еще неоспоримее убеждают в том, но нет никакой нужды прибегать к ним; достаточно доказать, что ощущать может только духовное начало. Отсюда же видно и то, как важно и необходимо психологу стараться доказать невозможность ощущения вне мира духовного, но эта необходимость лучше всего открывается из истории происхождения материализма 18 века и из тех оснований, на которых она постоянно опирается. Кто знает мнения Вольтера, Дидерота, Гельвеция, Даламберта и других философов: тот легко мог убедиться, каким путем дошли они до своих ложных убеждений и чем обыкновенно защищали их. Вследствие недостаточного развития физиологии и химии, тогда существовало мнение, что способность ощущать принадлежит организму, что мозг есть единственное существо, которое видит, слышит, осязает и пр. Отсюда стоило сделать один только шаг, чтобы дойти до убеждения, что мозг и рассуждает, и умозаключает; ибо очевидно, что кто в нас видит, тот и умствует о виденном. Точно тоже повторяется и с нынешними материалистами. Кому случается встретиться с людьми, зараженными материализмом, тот легко может заметить, что единственный опорный пункт их заключается в той мысли, что будто бы способность ощущения принадлежит организму. Доказать таким людям, на основании физиологии, что организм

не способен к ощущению, значить поразить их собственным их оружием.

Глава вторая. Анализ душевных способностей⁶

§27. Содержание главы

В предыдущей главе мы доказали бытие духовного начала или души в человеке, а в этой постараемся объяснить: какими одарил ее Творец способностями и силами. Для этого мы также будем пользоваться указаниями опыта; но опыт, которым мы здесь станем руководствоваться, несколько отличен от того опыта, который служил основанием первой главы. Желая узнать, какими душа обладает способностями, мы постараемся наблюдать ее в то время, когда она обнаруживает свои силы, именно когда она старается приобретать познания, или исполнить какое либо намерение.

§28. Разделение способностей души

Действия души бывают двоякого рода: она или обращает свои усилия к приобретению каких либо познаний, или же к удовлетворению своих потребностей. Поэтому душа обнаруживает двоякого рода способности: *познавательные* и *желательные* или, иначе, *деятельные*. Такое разделение душевных способностей основывается и на предыдущей главе: ибо те два признака, которые послужили вернейшим доказательством бытия в человеке нематериального начала, именно ощущение и движение, – суть два основания душевных способностей: первое – познавательных, второе – деятельных.

§29. Об основной силе, или способности душевной

Исследования предыдущей главы показали нам также и то, что основная сила души, коренная способность её, есть способность ощущения: ибо мы потому и доказали бытие человека, нематериального существа, что это существо обнаруживало себя в своих ощущениях. – Хотя способность свободного движения также есть первоначальная её сила, но очевидно, что она есть уже следствие чувствительности: ибо душа не приводила бы в движение своих членов, если бы не была к тому побуждаема ощущениями. И так чувствительность, или способность ощущать, есть основание и зародыш всех сил и способностей души. Во 1-х, по времени, ибо всякий знает, что по рождении младенца, в первые дни его жизни, в нем не заметно никаких других способностей, кроме чувствительности, и в следствии уже чувствительности – движений членов. Все прочие силы и способности появляются в последствии и мало-по-малу. Во 2-х, сила ощущений есть основная способность потому, что из неё, как из своего источника, истекают все прочие способности души человеческой.

А. О способностях познавательных

§30. Внимание

Когда я смотрю на множество предметов разом: то можно сказать, что ни один из них не вижу по надлежащему. Но если я хочу изучить их как следует: то на каждом из сих предметов, хотя на несколько мгновений, я должен остановить глаза так, чтобы в эти мгновения я ничего более не видел и ни о чем более не думал, кроме рассматриваемого предмета. Другой пример: если я слышу множество голосов разом, то ощущение слуха бывает смешанное, неопределенное. Но если я хочу разобрать голоса, узнать кому или чему они принадлежат, то я должен к каждому из доходящих до меня звуков прислушиваться отдельно. Еще один пример: положим, что я вхожу в оранжерею, наполненную пахучими цветами; обоняние мое ощущает разом множество запахов, и это ощущение бывает смешанное, неопределенное. Но если я хочу разобрать какой запах принадлежит каждому цветку, то я должен каждый цветок *обнюхивать* отдельно. Эта остановка глаз на предметах, или *всматривание*, это *прислушивание*, это *обнюхивание*, есть действие души, или та её способность, которая называется *вниманием*. Итак, внимание есть то действие души, когда она, из множества возникающих в ней ощущений, останавливается на каком-нибудь одном, или на каждом поочередно. По отношению же органа, внимание есть направление его к тому, чтобы получить то самое впечатление, которое душа избирает предметом своего внимания.

Очевидно, что вниманием начинается всякое познание: ибо нельзя знать того, на что мы не обратили внимания. Сила внимания свидетельствует о силе самой души, и не даром говорится, что гений есть глубина и сила внимания. Но величайшая важность сей способности для Психолога заключается в том, что она есть первое свободное действие души. Душа в своих ощущениях не вольна: ибо она поневоле чувствует то, что представляют впечатления органов. Она не может не видеть, когда открыты глаза; не может не слышать, когда близко раздаются звуки; и притом она не может иначе

ощущать, как только пятью своими органами, но внимание есть свободное её проявление.

Когда она видит много предметов: то от неё зависит остановить глаза на том или другом предмете, и остановить на такое или другое время. Когда она слышит много звуков: то от неё зависит прислушиваться к тому или другому из них. И притом чем с большею энергией, чем с большим напряжением она пользуется этой силою, т. е. чем пристальнее обращает внимание на что-нибудь, тем бóльшую обнаруживает свободу; ибо для сего требуется значительное усилие воли. Бывает, что человек, засмотревшись на один какой либо предмет, ничего более не видит и не слышит; погрузившись в какую либо мысль, бывает, как говорят, слеп и глух ко всему.

Но не все способны к такому напряженно внимания, некоторые не умеют ни на чем долго остановиться: такие люди называются *рассеянными* – и это название прекрасно выражаешь их недостаток: ибо они как бы блуждают чувствами и вниманием с одного предмета на другой.

Если же эта способность так важна, что без неё невозможно никакое познание, а напряжение её свидетельствует о даровании и силе самой души: то не удивительно ли, что во многих Психологиях, изданных и издаваемых в нашем столетии, об ней не упоминается ни слова. Очевидно, что изучение душевных способностей должно начинаться с внимания: ибо сама душа всякую познавательную деятельность начинает обращением внимания на предмет познаний.

§31. Сравнение или суждение

Когда внимание души остановилось на каком-либо предмете: то она тотчас замечает его свойства и отличительные признаки, или, иначе, находит в нем известные принадлежности. Если предмет бывает видимый, чувственный: то душа замечает в нем цвет, фигуру, величину, положение между другими предметами, а потом, при более внимательном наблюдении, замечает и все его физические свойства. Если же душа обращает внимание на какое-либо отвлеченное представление, собственно в нас пребывающее, не имеющее чувственных свойств: то она замечает, из каких признаков составлено это представление, какое имеет отношение к другим представлениям и пр.; словом, на видимый ли предмет устремляется внимание, или на отвлеченное представление, душа всегда отыскивает в нем какие либо признаки. Если же она обращает внимание на два предмета разом: то замечает их сходство или различие и вообще их взаимное отношение. Следовательно, обратить внимание на один или два видимые или умственные предмета значит уже сравнить их между собою; следовательно, судить о них. И так сравнение есть внимание, обращенное на два предмета разом, или, что тоже, на один предмет и его качество. Эта самая сила души называется *рассудком*, а действие или обнаружение её – *суждением*.

Итак лучше судит тот, кто скорее находит свойства предмета и его сходство и отличие от других предметов. Поэтому очевидно, что достоинства и недостатки сей способности отчасти заключаются в качествах внимания, т. е. кто вернее умеет почувствовать отличительные свойства предметов, тот и судит вернее. У некоторых бывает острый рассудок, т. е. способность скорее и вернее находить сходство и различие предметов, а у других, напротив того, тупой, т. е. неумение отыскивать черты сходства между вещами. Рассудок глубокий и сильный видит в предметах такие свойства и отношения, которые неприметны для рассудка поверхностного. Свобода суждения и его самостоятельность открывается из

того, что оно исправляет часто впечатления чувств, напр. иногда звуки нам слышатся не с той стороны, откуда они приходят; иногда предметы далекие представляются близкими и наоборот; иногда болезненное состояние изменяет цвет, вкус предметов и пр. Во всех сих случаях рассудок не слепо приемлет впечатления, а исправляет их.

§32. Размышление

Душа может постепенно переходить своим вниманием от предмета к предмету, от представления к представлению и по мере перехождения, сравнивать многие предметы, или части предметов, многие качества и явления и, сравнивая, может судить об них. Когда душа делает таким образом ряд суждений, она как бы отражается вниманием своим от одной вещи к другой, а потому это действие души названо размышлением (*reflexio*). Посему размышление есть ничто иное, как внимание от одних представлений переходящее к другим и их сравнивающее. Следовательно, эта последняя способность души вытекает из внимания как сие последнее, в свою очередь, из способности ощущения. Но в этой новой способности еще более проявляется свобода и самостоятельность души, чем во внимании: ибо душа еще более и легче может управлять своим размышлением, давая ему известное течение, останавливаясь на одних предметах и понятиях более, на других менее, по мере надобности.

§33. Воображение

Когда укрепившееся внимание запечатлело в душе множество образов и чувственных свойств предметов; когда душа уже получила и запомнила достаточное число ощущений, заметила многие качества предметов и отношение их между собой; в особенности же, когда человек научился значению и правильному употреблению слов: тогда можно сказать, что о каждом предмете он составил уже представление, тогда всякое слово рождает в нем *представление* того предмета, которое оно означает. Это первая ступень воображения, и она очевидно, имеет предметом своим образы мира действительного. Посему, собственно говоря, представления можно иметь только о чувственных предметах. Но слово *представление* прилагается и к отвлеченным предметам, а также и невидимым существам, напр. представление об Ангелах и пр. Человек все старается облечь в чувственные формы, и потому самые отвлеченные и невидимые предметы он представляет в формах видимых предметов.

Но внимание наше может вдруг устремиться на такие предметы и образы, кои хотя находятся в природе, но отдельно. И в таком случае душа соединяет в один образ такие представления, соответственные предметам коих существуют в природе отдельно. Напр., оно может отобрать от всех людей самые лучшие их качества: мудрость, геройство, милосердие, красоту, любовь и пр. и соединить все в одном лице, что составит так называемый идеал человека. Это действие души зависит от способности *воображения*. Его называют творческой способностью, и в самом деле, оно как бы творит предметы: ибо соединяет такие качества и свойства, кои в природе существуют раздельно.

Высшая степень сей способности называется фантазией, и ей преимущественно принадлежит творчество. В фантазии сильнее всего проявляется свобода души: ибо, при всех других действиях, она стесняется и ограничивается уже тем, что предмет познания есть нечто данное, и познание вполне должно

с ним согласиться, а фантазия сама творит для себя новый мир и новые предметы. Вот почему произведения поэтов и художников называются плодами свободного творчества.

§34. Умствование или умозаключение

Некоторые из суждений, выраженных словами, заключают в себе скрытно другие суждения. Напр., когда я говорю: Петр есть человек, то в этом суждении заключаются еще другие суждения: – Петр смертен, Петр имеет душу и тело и пр. Ибо если я Петра назвал человеком, то тем самым приписал ему и все то, что прилично человеку. Или если я сказал: камень тяжел: то этим самым сказал и то, что он будет падать вниз, потому что в понятии тяжесть заключается понятие о падении. Последние суждения суть следствия первых, и стоит только вывести из них эти следствия, как явится новое суждение. Такое нахождение новых суждений, скрывающихся в других суждениях, и вывод их, называется *умствованием*, или *умозаключением*. Действие умозаключения можно еще определить так: умозаключение есть способность верить или, так сказать, измерять два предложения третьим, связующим их между собою. Так в первом примере два предложения: Петр есть человек – следовательно, Петр смертен, проверяются и измеряются третьим предложением, истинность которого очевидна, именно, человек смертен. Петру приписывается смертность от того, что ему приписывается понятие человека, которому в свою очередь, принадлежит смертность. Таким образом очевидно, что умозаключение есть дальнейшее развитие внимания, и оно имеет зародыш свой в том общем источнике, из которого истекают все наши способности.

Случается очень часто, что хотя одно суждение и заключается в другом, но не так ясно, чтобы это можно было видеть с первого раза; так что иногда, для открытия связи двух предложений, надобно пробираться через целый ряд посредствующих предложений, переходя всегда от известного к неизвестному. Чтобы употребить близкий пример, возьмем следующее предложение: человек имеет душу нематериальную. Оно заключается скрытно в другом: человек имеет способность ощущать. Или другое: ртуть стоит на известной высоте в барометре, заключается в следующем: воздух тяжел. Но

поскольку связь между сими предложениями не тотчас видна: то надобно употребить много посредствующих суждений, чтобы открыть её. Так в предыдущей главе мы привели целый ряд посредствующих предложений, т. е. целый разбор всех пяти чувств, чтоб открыть связь между двумя предыдущими предложениями. В этом и состоит все искусство доказательств, искусство столь великое и необходимое в науке. Способность умозаключения, или умствования, у других Психологов называется умом или разумом. Она есть высшее проявление познавательной деятельности души.

Сила её делает человека глубокомысленным и проницательным: ибо что такое проницательность, как не умение видеть прямо и непосредственно связь таких предложений, которые для ума обыкновенного не имеют никакого отношения между собою. Глубокомысленный ум прямо видит все следствия, какие заключаются во всяком суждении, все отношения, какие оно может иметь к другим суждениям. Словом, он прямо понимает то, на что другому надобны объяснения и упорный труд.

§35.Память

Когда душа напрягает внимание к тому, чтобы возобновить в себе всё бывшее в ней прежде, т. е. все ощущения, представления, умствования, суждения, словом, все приобретенное способностями: то действие её называется памятью. Память составляется из следующих трех частей: 1-е *восприятия*, 2-е *удержания*, или собственно *памяти*, и 3-е *воспоминания*.

Чтобы память могла удержать все переданное ей на сохранение, для этого надобно, чтобы душа употребила надлежащую силу внимания. Только то и сохраняется в памяти твердо, на что было устремлено твердое и, так сказать, пристальное внимание души, а что только скользнуло по ней, что было предметом мгновенного внимания: то никогда не может поступить в область памяти.

Собственно память есть та сила, которая сохраняет все бывшее в душе для того, чтобы при первом требовании обнаружить свой запас. Эту способность души, кажется, труднее всего понять. В самом деле, где и как душа хранит такое множество имен, вещей, суждений, чисел, событий, образов, словом всего, что она видела и знала в продолжении многих лет? В каком виде сохраняется в памяти все это, т. е. фактически ли, или только в возможности возобновить снова все, что было в душе. Решение этого вопроса много занимало ученых, которые делали тысячи предположений для объяснения сущности сей способности.

Наверное известно только одно, что здоровое состояние организма, в особенности мозга, имеет величайшее влияние на память. Сильные болезни ослабляют ее, а малейшее расстройство мозга надолго ее уничтожает. В особенности замечательно, что человек после болезни иногда забывает часть своих представлений и часто однородных; напр., представление чисел, или собственные имена, или какой либо чужестранный язык и пр. В старости и от беспорядочной жизни память также ослабляется. Все это дает повод заключать, что

мозг принимает сильное участие в деятельности сей способности; а потому физическая причина памяти, по мнению некоторых, мнению более заслуживающему вероятия, есть навык мозга, или те впечатления, те следы, какие идеи и мысли оставляют в мозгу, и которые легко могут возобновляться при всяком удобном случае. Более подробный разбор этого мнения будет представлен в следующей главе.

Самое действие памяти называется *воспоминанием*. Качества и достоинства его зависят от первых частей памяти.

§36. Понятие

Чтоб объяснить значение понятия, как способности, разберем происхождение самого слова *понятие*. Оно произошло от славянского слова *понять*, которое первоначально означало, да и теперь на славянском языке означает, – взять с собою, присвоить, усвоить. Когда же это название усвоили душевной способности: то, без сомнения, разумели нечто подобное этому действию. И на самом деле понятие означает ту способность души, которою она усваивает себе все познания: следовательно, оно есть как бы общее название всех способностей. Все, что мы приобрели посредством внимания, суждений, умозаключений, воображения и что передали на хранение памяти, все это есть понятие. Точно такое же употребление делаем мы из этого слова, когда спрашиваем: понял ли ты это? Составил ли ты об этом себе понятие? Посему понятие не есть какое-либо особенное действие души, а совмещает в себе все другие её действия и способности.

Б. О способностях или силах деятельных

§37. Нужда

Человек рождается и живет с известными нуждами и потребностями, удовлетворение которых и составляет предмет его земной деятельности. Посему первоначальное побуждение к обнаружению деятельных сил в человеке есть нужда. Чтоб вернее понимать слово нужда, надобно помнить, что не только удовлетворение естественным потребностям, но, даже отсутствие какого-либо привычного удовольствия становится для него нуждою, потребности. Слово страдать обыкновенно принимают за чувствование чего-нибудь неприятного, но и отсутствие удовольствия, к которому мы привыкли, рождает в нас такое же неудовольствие. Не иметь чего-либо и быть лишенным чего-либо – две различные вещи. Если мы не имеем того, чем никогда и не пользовались и к чему не привыкли: то это для нас не есть еще нужда. Но если мы лишились того, к чему привыкли, то здесь является лишение, нужда.

§38. Беспокойство

Всякое лишение производит в человеке неприятное чувство, тяжесть. Это состояние беспокойно, ибо заставляет нас делать известные движения, лишает нас тишины душевной. Чем более представляется преград к освобождению себя от беспокойства, т. е. к удовлетворению нужды, тем оно делается сильнее и иногда переходит даже в мучение.

§39. Желание

В состоянии беспокойства, происходящем от какой-либо нужды, человек устремляет свое внимание и все способности к получению удовлетворения. Рассудок говорит ему сколько необходимо получить требуемое; воображение рисует то удовольствие, какое он мог бы получить от удовлетворения нужд; размышление указывает средства к его удовлетворению; словом, все силы души заняты этой нуждой, и такое состояние души называется *желанием*. Следовательно, желание есть произведение представлений.

§40. Страсти

Желания наши имеют свои степени. Сильные желания, непрерывные стремления к чему либо, носят название *страстей*.

§41. Надежда

Если с желанием соединяется та мысль, что мы можем получить желаемое, то происходит *надежда*. Итак, надежда есть мысль, суждение, что мы можем получить желаемое, что нет непреодолимых препятствий к получению его.

§42. Воля или хотение

Воля есть самая уже решимость души, самое определение её употребить свои силы к удовлетворению желания. Она является вследствие нашего суждения, что мы в состоянии сделать то, что желаем, к чему устремляет нужда. Я хочу, значит, я желаю, и ни что мне не мешает достигнуть желаемого. Следующий пример заключает в себе все описанные действия желательных способностей. Когда человек долго не ел, то является *нужда* в пище. Эта нужда производит *беспокойство*, которое называется *голодом*. В этом состоянии, т.е. в голоде, человек начинает устремлять душевные силы к удовлетворению сей нужды, т. е. рассудок говорит ему, как необходима пища; воображение представляет то удовольствие, какое принесет ему пища, – это состояние души есть *желание*. Наконец, человек видит хлеб и решается взять его. Это решение, которое, разумеется, соединено с мыслью, что он может взять хлеб, что нет к тому препятствий, есть *воля*, *хотение*.

§43. Самое дело или действие

Наконец вследствие всех сих процессов душевных, а в особенности вследствие решимости воли, – является самое дело, поступок. Очевидно, что этот последний акт, этот поступок, стоит во всегдашней, необходимой связи с волей: ибо воля, повторяем, является лишь тогда, когда в нас есть убеждение в возможности совершить известное действие. Вследствие решения воли, мы начинаем действовать, непременно, хотя иногда и не достигаем исполнения желаемого, по независящим от нас причинам.

§44. Мысль

Слово *мысль*, *мышление*, есть общее наименование всех душевных действий, всех сил как познавательных, так и желательных. Следовательно, оно имеет значение еще более общее, чем понятие, которое означает только познавательную деятельность души. Мыслить значит обращать внимание на что-либо, судить, размышлять, делать умозаключение, иметь понятия, желания, надежды, волю, словом, мыслить значит обнаруживать все душевные способности.

§45. Сознание и самосознание

Душа может устремить свое внимание, и действительно устремляет его, на собственные свои действия. Она может делать себя и свое бытие предметом своего суждения, своих умозаключений, и это действие её есть сознание или самосознание. Естественно, что всякое наше внутреннее душевное явление, начиная с простых ощущений до самого высшего действия ума – умозаключения, напоминает нам о себе самих, внушает нам чувство своего бытия. Ибо когда я что-нибудь ощущаю, то это ощущение приписываю себе; когда я размышляю, то имею мысль о себе. Еще более напоминают нам о себе наши пожелательные способности: ибо нужда, беспокойство, желания, страсти, суть такие явления, которых предмет и поприще – собственное наше бытие, наше я; а потому очевидно, что при всех сих явлениях, мы более всего думаем о себе, о своем бытии, о своих нуждах и потребностях. Следовательно, сознание есть способность, сопровождающая все душевные действия: она входит как составная часть во всех других способностях. Если нужно и можно различать сознание от самосознания: то можно сказать, что сознание есть чистое ощущение, чувствование чего-либо; а самосознание есть чувствование или, вернее, раздельное представление или мысль о себе, о своем бытии. Дитя имеет сознание, ибо оно имеет ощущения но не имеет самосознания; ибо не умея еще рассуждать, оно не составило еще понятия о своем бытии, у него не укрепилось еще внимание. Точно также животные имеют сознание, ибо чувствуют себя, понимают свои нужды, отличают себя от других предметов, но они не имеют самосознания, ибо не могут о себе мыслить или представлять себе свое я.

§46. Нравственное самосознание

Самосознание получает новый оттенок, когда обращено к обсуждению достоинства наших действий и поступков. Оно называется тогда совестью и есть одобрение или осуждение своих собственных поступков, и происходящее от того чувство удовольствия или неудовольствия.

Таков основанный на опыте разбор самосознания. Оно есть чувство, мысль, о своем бытии; следовательно, это не есть какая либо новая способность; – это тоже внимание, только предмет его сам человек.

§47. Как определяется самосознание у других Психологов

Анализ душевных способностей, предложенный нами, очень прост. Он до такой степени прост и удобопонятен, что может показаться даже подозрительным для тех, кои о достоинстве философских исследований привыкли судить по их темноте, длине и едва проницаемой для простого смертного глубине. Признаемся, что мы сами, сравнивая длинные, с бесконечными дроблениями, со странными терминами, описания душевных способностей, с тем анализом их, который здесь предложен, часто падали в сомнение на счет достоинства сего последнего, а потому решились разобрать объяснение хотя одной какой-либо способности, предложенное в какой-либо другой Психологии. И так раскроем хоть Психологию Г. Новицкого⁷ и посмотрим, как в ней анализируется, напр., самосознание.

«Предмет или, правильнее говоря, содержание самосознания есть внутренняя действительность, а именно самая душа с её свойствами и способностями, с её действиями и состояниями». Это определение действия или предмета самосознания совершенно согласно с нашим взглядом. Если самосознание имеет предметом наблюдение самого себя, своих сил и действий: то проще говоря, это есть внимание души, обращенное на самую себя, размышление её о себе. Но послушаем далее.

«Что душа наблюдает себя, в своей непосредственной деятельности, это открывается во 1-х из того, что если бы она знала себя через размышление: то должно бы предполагать в ней посредственную мысль, или естественное представление о себе, но такой мысли и такого представления нет о душе; есть только слово душа, но и оно имеет живое значение, только при самонаблюдении».

Невозможно найти столько явных противоречий, так смело поставленных друг возле друга. С одной стороны утверждается, что душа наблюдает саму себя в своей деятельности; а с другой говорится, что душа знает себя не через размышление. Но что

такое наблюдение души над собою, как не тоже размышление её о себе? Возможно ли, что-либо наблюдать, не размышляя однако же о наблюдаемом? Наблюдать над чем-либо значит отыскивать в наблюдаемом предмете признаки, свойства, действия; так когда душа наблюдает над собою, то она хочет открыть свои силы и способности, хочет изучить себя, составить о себе понятие. Но представьте себе, что душа наблюдает себя, но ничего этого не открывает: тогда это наблюдение будет тупое, бессмысленное и бесполезное. Далее, что такое естественное представление или посредственная мысль, и чем она отличается от всяких других представлений и мыслей, – это трудно понять. Мы имеем мысль или понятие о себе, иначе мы и не могли бы рассуждать о своей душе. Душа составляет о себе мысль и представление, наблюдая свои собственные действия и вместе с сим составляя о себе суждения. Далее говорится следующее: «Внутреннее наблюдение собственно не есть ни знание, ни чувствование: для первого не достаёт у него предметности в его содержании; для второго противоположения, – приятного и неприятного ощущения, так как содержание этого наблюдения и не ограничивается одними только состояниями».

Невозможно что-либо наблюдать и в то же время не познавать наблюдаемого; а потому знание содержится в наблюдении как следствие. Слово: наблюдать, замечать, именно и значит – узнавать что-либо, составлять о чем-либо понятие. То еще не есть наблюдение, когда я смотрю глазами на что-либо и не замечаю в нем никаких свойств, или когда верчу в голове какое-либо представление и ничего в нем не открываю. Мы уже сказали, что когда душа внутренне наблюдает себя, то это делает она с той целью, чтобы познать себя. Итак сказать: внутреннее наблюдение не есть знание – противоречиво. Гораздо вернее сказать: что наблюдение есть знание. Но если вы ищете строгой точности в выражениях, то надобно говорить: наблюдение есть причина знания⁸.

§48. Можно ли разделять способности души на низшие и высшие?

Еще одно обстоятельство кажется нам чрезвычайно странным во всех психологических исследованиях о способностях души, это – разделение способностей на низшие и высшие. Такое разделение не только не имеет никакого основания, но оно обнаруживает недостаток знания души и её способностей.

Во 1-х, все способности души имеют такую тесную связь, заключаются друг в друге и действуют так нераздельно и единовременно, что отнимите у души хотя одну из них, даже ту, которую называют низшею, душа не будет в состоянии вовсе мыслить. Напр.: внимание есть первое проявление познавательной силы вообще, но отнимите его у души, – она не научится ни чему.

Во 2-х, хотя и замечается некоторое разъединение способностей познавательных от деятельных, напр.: человек отлично может мыслить и познавать, также сильно желать, но не иметь воли: но разъединение это не дает нам права рассматривать саму волю отдельно от целости других способностей, ибо воля все-таки бывает следствием других способностей и отдельно от них не существует.

В 3-х, способности души суть проявления самой души. Где душа действует одной из своих сил, там непременно есть уже и другие силы и способности, там есть вся душа, и трудно себе представить или найти случай, где бы душа действовала исключительно одной способностью, без всякого участия других её сил.

Итак, для правильного мышления способности души равно необходимы, а потому они не должны быть различаемы как низшие и высшие. Но если неосновательно даже простое разделение душевных способностей на низшие и высшие: то что же сказать о том, как в некоторых рукописных Психологиях самую душу, или мыслящее существо, разделяют на две части: на низшую и высшую, и приписывают низшие способности

первой, а высшие – второй? Очевидно, что тут обнаруживается странная и неосновательнейшая замена действительности теорией, происходящей от любви к гипотезам.

Глава третья. О познании

§49. Содержание главы

Изложивши анализ способностей души, постараемся дать понятие об их деятельности, или о том, как человек посредством их приобретает все познания. В предыдущей главе мы с намерением ограничились одним только кратким изложением понятия о способностях души, дабы всякий легко мог видеть постепенность их развития и взаимную их связь. Если бы после каждой способности излагать подробно её деятельность, то легко бы можно упустить из виду их взаимные отношения.

§50. Ближайший анализ ощущений

Прежде чем исследовать чему мы научаемся из ощущений, сделаем последний и ближайший их анализ.

Для того чтобы иметь верное понятие о деятельности чувств, надобно помнить, что всякое ощущение складывается из трех вещей, кои суть: 1-е, физическое явление, или внешняя причина, их производящая; 2-е, физическое впечатление, или перемена, происходящая в органе тела; и наконец 3-е, самое ощущение.

1-е. Физические причины наших впечатлений и ощущений суть те явления, вне нас находящиеся, которые имеют силу производить в наших органах известные перемены, называемые впечатлениями. Таких явлений бесчисленное множество, но все они, по тем органам, на которые действуют, разделяются на несколько групп. Самая большая группа явлений действует на зрение; сюда относится цвет предметов, фигура, величина, расстояние, взаимное соотношение их и проч. Несколько меньшая группа явлений действует на осязание, менее – на обоняние и вкус, а самая незначительная на слух, который может судить только о свойствах звуков и их расстояниях. Но замечательно, что все эти явления действуют на наши органы по одному способу, именно механическим прикосновением, или толчком, а потому остроумно кем-то замечено, что все чувства суть видоизменение осязания. И в самом деле: в зрении, лучи света действуют на глаза непосредственным соприкосновением; в слухе, волнообразно движущийся воздух поражает уши; в запахе, частицы пахучих тел касаются перепонки носа; во вкусе же и осязании механическое соприкосновение очевидно само собой.

2-е. Физиологическое впечатление, или перемены органов чувств, труднее определить во всех частях, т.е. можно узнать, что происходит в самих наружных частях органов, но следить далее за впечатлениями очень трудно. В органе зрения составляется физическое изображение предмета; орган слуха сотрясается, или приходит в дрожание; перепонка носа и языка

известным образом раздражаются; но что потом происходит с нервами зрения, слуха, осязания, обоняния и другими? Каким способом они переносят впечатления до мозга? Физиология отвечает, что посредством кругового движения какого-то нервного начала, или нервной жидкости.

Еще труднее понять, в каком виде отражаются в мозгу сии впечатления или, иначе, что происходит от них в мозгу? Вероятно опять какие-либо механические раздражения или, быть может, некоторые химические изменения мозговой мякоти и вероятно, различные, от различных нервов.

Наконец 3-е. Следствием всех сих физических причин бывает ощущение, т.е. зрение, слух, запахи, вкусы, боль, жар, холод и пр. В первой главе было уже доказано, что сами эти ощущения суть явления духовные.

§51. Об отношении наших ощущений к самим явлениям

Из анализа чувств, представленного в первой главе, мы отчасти видели также какое есть отношение между нашими ощущениями и бытием самих вещей и явлений природы. Зрение состоит из ощущений цветов, фигур, величин, расстояния и пр., все сии ощущения, очевидно, имеют свои причины в соответствующих им явлениях, но ощущение цветов, не похоже на физическую причину, его производящую. Свет, как наше ощущение, не похоже на то физическое явление, которое произвело его в нас. Наружная причина, производящая в нас это ощущение, действительно существует в природе, иначе пришлось бы думать, что мы сами в себе возбуждаем ощущение света; но говорю, что она отлична от самого ощущения. Но все прочие свойства вещей, изучаемые зрением, как то: фигура, величина, расстояние, без сомнения, таковы же в природе, каковы и в нашем ощущении. Тела, конечно, имеют крайние линии и очертания, кои мы называем фигурою; они также имеют относительную величину и расстояние и пр.

Отношение слуха к физическим явлениям совершенно сходно с отношением к ним зрения. Здесь физическая причина – волнообразное движение воздуха и ощущение звуков, – две вещи различные, но повторяю, причина звуков все-таки есть действительное явление: она подлежит изучению, законы её определены верно и отчетливо.

Запах, как ощущение наше, различен от физической причины его; ибо запах есть наше и субъективное явление, а причины его – малейшие частицы, способные производить то раздражение, которое возбуждает в нас ощущение запаха.

Вкус – также наше ощущение, которого причина заключается в известных состояниях некоторых тел.

Осязание, если только теплоту и холод не относить к нему, показывает нам предметы вполне такими, каковы они на самом деле. Когда я осязаю руками плотность тел, или фигуру их, то здесь уже не может быть никакого различия между явлением и

его ощущением. Посему-то и говорят, что одно только осязание доставляет нам непогрешительные сведения о бытии вещей, но впечатления других чувств всегда должны быть поверяемы и анализируемы рассудком.

§52. Возражения против подобного объяснения ощущений

Но многие находят подобное объяснение ощущений неверным.

В Психологии Г. Новицкого выставляются четыре главных недостатка в предложенном нами способе объяснения ощущений.

1-е. Понятие о чувственном наблюдении, как внутреннем процессе, уничтожается тем самым, что для своей собственной возможности, оно должно предполагать совершенно другое непосредственное наблюдение внешней действительности; в противном случае, без этого непосредственного наблюдения, нельзя было бы мыслимого, чувственного впечатления, преследовать от внешних предметов, через среду, до чувственного органа, и – от органа, через нервы, до души: потому что всякое вступающее в душу впечатление было бы простым представлением о предмете, а не самим предметом, находящимся в нас. Таким образом, прежняя теория процесса чувственных наблюдений, как скоро хочет разъяснить себя, сама уже выглядывает за круг представлений, которыми она покушается ограничить наблюдение.

Чтобы видеть всю неосновательность этого возражения довольно сказать, что в нем отвергается действительность впечатлений, производимых предметами на органы: следовательно, отвергается факт, который яснее солнца, факт доказанный опытом, науками и собственным нашим наблюдением. Отвергать такой факт, значит идти против здравого смысла, стать в противоречие со всеми опытами и точными науками. Подобными утверждениями, подобными противоречиями положительным наукам философия и потеряла уважение многих людей. Если Психология не хочет быть мечтательной наукой, то она должна факты принимать за основание своих выводов, а не отвергать их.

Кроме того несправедливо, чтобы при помощи одних ощущений нельзя было проследить чувственного впечатления.

Для того Бог и одарил нас рассудком, чтобы мы размышляли, изучали, догадывались и узнавали причину и сущность явлений. И размышление верно довело людей до понимания того, как впечатления возникают от внешних явлений и возбуждают в нас ощущения.

Второе возражение выражено словами: «не понятно, как чувственные впечатления входят через нервы в душу». Правда, мы не можем знать каким образом раздражение одних нервов производит в душе зрение, других – слух, боль, запах и пр.; но этот секрет заключается в тайне соединения души с телом. Это одна из неразрешимых тайн бытия. Но если какой-либо факт непонятен, следует ли из того, что он и не существует? Есть тысячи явлений действительных, но непонятных. Вот, если бы теория, предложенная в упомянутой Психологии, объяснила нам этот секрет, тогда можно бы смело с нею согласиться.

Третье возражение есть следующее. «Непонятно, как душа распоряжается с принятыми ею впечатлениями». Объясняя эту мысль, автор говорит, что раздражения нервов должны быть бесконечно разнообразны, но как душа может различать, какие ощущения происходят от каких раздражений? Как она может узнать, какое впечатление есть фигура, какое – вкус, запах и пр.? Почему она знает, что известное впечатление есть дом, город, лошадь и пр.? Далее, как душа может известные впечатления отнести к глазу, другие к уху и пр.? Но возражение это очень слабо. Нет никакого труда, тем более ничего невозможного для души, различать ощущения, когда они сами по себе так различны между собой. Когда глаза мои открыты, я получаю известные впечатления; а когда закрываю их, то эти впечатления исчезают; когда заткну уши, то не имею тех ощущений, которые называю звуками; когда я вижу пред собой предмет, который называю домом, то стоит только отвести глаза, дом исчезнет для меня, и явятся другие ощущения. Словом, природа и опыт легко научают нас различать впечатления и ощущения и относить их к известным предметам: посему странно спрашивать почему мы знаем, что одно известное впечатление есть дом, другое лошадь? Кажется

впечатление дома и лошади слишком между собою различны, а потому и различат их не трудно.

Наконец, как следствия из всех сих возражений, автор, вместе со всеми противниками опыта, выводит ту мысль, что если наблюдаемые предметы суть одни только чувственные представления, то мы не знаем вещей в их действительности и дойдем до идеализма.

Но в предыдущем § мы видели, что во 1-х, осязание наше показывает вещи так, как на самом деле существуют: ибо плотность, протяжение и проч., суть такие же в ощущениях, как и в действительности; во 2-х, и глаза наши представляют фигуру величину, расстояние и расположение предметов совершенно сходно с действительностью; и в 3-х, прочие наши ощущения также, без всякого сомнения, имеют свою причину действительные явления; ибо если бы не было известной причины, мы не имели бы ощущения звуков; если бы не было атомов, способных возбуждать чувство запаха, не имели бы ощущений запаха. Одним словом, все наши ощущения суть превосходнейшие средства для изучения действительных свойств предмета. Оптика и акустика, две важнейшие части физики, обязаны своим развитием зрению и слуху.

§53. Новая теория чувственного наблюдения и рассмотрения

Посмотрим теперь, какой теорией хотели заменить то объяснение ощущений, которое основано на опыте и опытных наблюдениях?

Эта теория называется *выступлением сознания*. «Тела и их процессы подпадают сознанию от того, что душа выступает к ним и поставляет себя в непосредственное с ними соприкосновение».

В объяснение сих слов говорится, что нервная система не есть проводник чувственных впечатлений, а проводник сознания от средоточия её к предметам; что душа живет везде по нервной системе, воспринимает впечатления на месте; что душа может даже выступать за нервную систему, впрочем не оставляя ее, и двигаться частью в действиях тел, а именно в процессах света и звуков, а частью достигать к самим телам; что различные чувства суть видоизменения сознания; что в чувственных нервах сознание движется разными способами и с разной свободой и чистотой и проч.».

Величайший недостаток сей теории заключается, во 1-х, именно в том, что она есть теория, а не наблюдение, не опыт, и притом теория придуманная для объяснения такого явления, которое понятно само собою. Когда мы анализировали, как человек видит, слышит, ощущает: то не теорию придумывали, а изучали сам организм, прибегали к физике и физиологии. Но не смешно ли, скажу более, не преступление ли против науки и здравого смысла выдумывать теорию там, где она не только не нужна, но и противна опыту! Это все равно, если бы физика для объяснения законов движения и действия света вздумала строить теории, вместо того, чтобы делать опыты. Итак, если бы даже разбираемая нами теория была очень остроумна, то и тогда она была бы бесполезна.

Во 2-х, физиология ясно доказала, что все впечатления органов, переносятся к мозгу и оттуда к душе: это говорю, неоспоримый физиологический факт. Здесь же, напротив,

утверждается, что душа сама выступает из мозга и поставляет себя в соприкосновение с предметами. Но неужели перерезка зрительного нерва мешает душе выступать из мозга и поставлять себя в соприкосновение с телами? Да и для чего такое принаровление глаз к законам света и – ушей к законам звуков, если душа должна из них только выступать? Физиология приводит тысячи доказательств того, что без раздражения глазного нерва, без впечатления, произведенного на него физической причиной, нет ощущения света. – Вот один простой опыт, который нам представился сейчас, и который можно сделать всякому, во всякую минуту. Закройте глаз и прижмите пальцем веку так, чтобы глазное яблоко подалось назад: вы увидите или ощутите круг темный внутри, но окаймленный светлым ободочком, составленным из нескольких цветов радуги, особенно ярко будет в нем блистать желтый цвет. Спрашивается, от чего произошло это ощущение и куда выступила душа для его получения? Очевидно, что здесь ощущение произошло единственно от раздражения зрительного нерва, и душа ощутила это раздражение, не выступая никуда. Таков и тот опыт, о котором мы говорили в первой главе, именно: если пропускать гальванический ток через каждый из пяти нервов главных чувств, то человек получает соответствующие каждому органу ощущения.

И сколько смешного в этой теории! Из неё следует напр.: что, если Гершель видел на небе в своем гигантском телескопе туманные пятна, то это произошло от того, что душа его сквозь телескоп поставила себя в соприкосновение с ними. Славные же скачки производила душа Гершеля!

В 3-х, говорится, что нервная система устроена не для принятия чувственных впечатлений, а для выступления по ней сознания; что душа воспринимает впечатления на месте раздражения нервов и проч. Все это еще более противоречит опыту, физиологии и физике. Повторяю еще раз – и не перестану повторять всегда, что если Психология будет ставить себя в такое явное противоречие с доказанными фактами, то она потеряет последнее доверие точных умов. Эти уклонения от фактов и опыта были причиной упадка философии, причиной

охлаждения и пренебрежения к ней общества, а подобные чувства весьма вредны для успехов мышления. Вместо того чтобы противоречить опытным наукам, не лучше ли пользоваться ими при исследованиях и объяснениях свойств души!

§54. Что человек приобретает посредством ощущений?

Показавши, как совершаются наши ощущения, приступим теперь к изложению тех познаний, какими они обогащают нас. Так как все свои познания, все, что ни есть в душе, мы приобретаем посредством описанных выше способностей, а между способностями души раньше всего проявляется ощущение, которое притом есть основание всех других: то первые свои познания или, вернее, первые зародыши будущих познаний мы приобретаем посредством ощущений. Но то, что мы приобретаем посредством своих чувств, называется различно у разных Психологов. Одни все приобретаемое чувствами называют идеями; другие – представлениями; третьи – даже понятиями, хотя последнее название неверно. Мы будем употреблять первые два названия. Надобно при этом еще помнить, что ощущения наши только тогда начинают служить материалами для познаний: когда внимание наше довольно уже укрепилось, потому что только посредством внимания люди замечают и сравнивают свои ощущения и следовательно обращают их в познания.

§55. Что мы узнаем посредством осязания?

Первое и основное наше чувство есть осязание. Простейшие представления, приобретаемые нами осязанием, суть следующие: 1-е, представление протяжения вещи, или её непроницаемости, а потом и представление о пространстве; 2-е, представление большей или меньшей плотности тел; 3-е, представление различной температуры. Из этих представлений развивается множество других, которые можно назвать производными. С каждым прикосновением к предмету мы осязаем одну из сторон её поверхности. Взяв в соображение все стороны, ограничивающие предмет, и сличив их относительное положение, мы представляем себе, 4-е, форму того или другого тела. Отличая одно тело от другого мы, 5-е, составляем понятие о числе или количестве. Сравнивая форму или протяжение одного тела с протяжением другого мы, 6-е, замечаем, что они равны или неравны между собой; отсюда истекает понятие об относительной величине. Таким же образом мы узнаем различную величину мест и расстояний. Формы и расстояния узнаются первоначально не через зрение, как это кажется с первого взгляда, а через осязание, как доказали опыты над людьми слепыми, коим было открыто зрение. Осязая стороны предмета не вдруг, а постепенно одну после другой, замечая также, что предмет не всегда находится в одинаковом от нас расстоянии, мы находим новый признак бытия – движение. Предмет переменяет свое положение с большею или меньшею быстротою; при одинаковой скорости движения переход через различные расстояния бывает неодинаков; отсюда представление о продолжении движения, – о времени. 8-е, представление о жесткости, 9-е, об упругости и 10-е, о тяжести приобретаются через сравнение большей или меньшей степени сопротивления, которое встречает орган осязания. Таким образом, даже с одним этим чувством, даже несчастный от природы, лишенный зрения и слуха, находит неизмеримый источник познания и наслаждения. Чрезвычайно трогателен и поучителен в этом отношении рассказ знаменитого

Английского литератора Диккета, «в Путешествии по Америке», об одной несчастной девушке, лишенной зрения, слуха и языка, которую один благодетельный доктор сумел столько образовать, что она получила понятие даже о многих отвлеченных предметах.

§56. Следствия из сказанного в предыдущем §

Ежели человек, лишенный зрения и слуха, двух важнейших и благороднейших органов, отсутствие которых еще тем более важно, что человек глухой бывает и нем, следовательно бывает лишен величайшего пособия для образования души своей; ежели, говорю, такой человек, при помощи одного только осязания, может возвыситься до уразумения столь отвлеченных идей, каковы идеи о пространстве и времени, бытии, особенно об отношении человека к Богу и родителям: то из этого Психолог может и должен вывести заключения, имеющие величайшее значение в деле познания души человеческой. Выходит, что душа человеческая, в своем развитии, не рабски подчиняется телесным органам, а стремится заменить недостаток одних органов и ощущений другими органами и ощущениями. Выходит, что совершенство ума и степень развития души не находятся в неизбежной зависимости от совершенства организма; что душа человеческая есть существо энергическое, заключающее в самом себе все условия и зародыши к известному усовершенствованию и образованию; и что следовательно весьма ложно думают те философы, которые причину всех совершенств души человеческой ищут в высшем развитии её телесного организма, или в даре слова.

Кроме того, что многие животные имеют органы чувств и вообще устройство организма сходное, и даже почти равное с человеком, эта возможность заменить одним осязанием другие чувства и приобрести посредством него общие идеи ясно указывают, что душа человеческая сама в себе заключает стремление к высшему образованию; и следовательно она по самой сущности своей выше животной души. Слепые от рождения, конечно, не знают что такое цвет и свет, глухие, конечно, не имеют понятия о звуках и мелодии; но между тем и для них доступны самые высшие идеи Богословия, физики, математики: следовательно душа человеческая и при недостатке телесных орудий достигает своего назначения⁹.

§57. Что душа узнает посредством вкуса и обоняния?

Из всех чувств, вкус и обоняние сообщают душе наименьшее количество ощущений, и притом ощущений довольно неопределенных. Чувства эти даны человеку, кажется, только для поддержания телесной жизни; и впечатления их только личные, телесные, но для образования души они мало приносят пользы. В самом деле, много ли может узнать душа через эти чувства? Какие общие идеи или понятия может вывести из сих впечатлений? Даже самый язык представляет мало слов, означающих впечатления, производимые разными предметами на сии чувства. Все слова выражают определенные и общие понятия о свойствах предметов, но горькость, сладость, кислота, выражают собственно наши ощущения, и притом, что одному кажется приятным на вкус, то другому часто представляется не приятным, и наоборот. Но, несмотря на скудость и неопределенность впечатлений чувств вкуса и обоняния, и они доставляют небольшую долю сведений для души. И хотя они меньше других чувств содействуют образованию души человеческой, но для телесной жизни они, кажется, необходимее всех других чувств.

§58. О том, какие впечатления и ощущения рождаются в душе от органа зрения?

Впечатления органа зрения гораздо многообразнее, ощущения ими производимые в душе многочисленнее и следовательно, свойства вещей и понятия, сообщаемые ими, в душе многочисленнее. Через зрение мы можем узнать: 1-е, протяжение в длину и ширину; 2-е, цвета; 3-е, фигуру предметов; 4-е, величину; 5-е, движение. Отсюда очевидно, что представления, приобретаемые душою через зрение, сходны с теми, кои она приобретает через осязание, так что часто они сливаются в душе и трудно бывает различить что душа знает через осязание, и что через зрение.

Только одни цвета предметов и ощущение света и темноты суть такие представления, кои исключительно принадлежат зрению и никакими другими чувствами даны быть не могут. Все другие представления суть произведения обоих этих чувств зрения и осязания, так что душа всегда поверяет ощущение зрения осязанием и наоборот. Но величайшая важность для души чувства зрения состоит в том, что оно открывает новый мир представлений нравственных в положении, движениях и особенно в чертах лица другого человека. Мы видим в них уже не одни ограничения пространства, не одни переливы света и теней, не холодные формы вещества, но проявления высшей жизни, символы чувств и мыслей. Уже младенец отгадывает, что значит улыбка на лице матери, тихий взор долго на нем покоящийся, или слеза повисшая на реснице. Смысл этих знаков дети понимают безотчетно, не понимая еще, что такие же ощущения в них самих выражаются такими же формами. Это знаки души безусловные, а потому всеобщие. Древние, много их наблюдавшие, составили из того искусство. Известно искусство одного мимика в Риме, жившего при Императоре Нероне. Этот человек движениями тела выражал совершенно понятно все мысли души, так что один варварский царь выпросил его для себя с той целью, чтобы он служил всеобщим

переводчиком между различными племенами, ему
подвластными.

§59. Что узнает душа посредством слуха?

Исключительное ощущение, получаемое от органа слуха, есть звуки. Слухом мы замечаем: 1-е, направление звуков; 2-е, пространство ими проходимое, ибо мы можем и умеем судить издалека или изблизи звуки приходят к нам. Закрывши даже глаза, можно судить, откуда происходят звуки. Так один слепой узнавал по голосу велик ли рост разговаривающих с ним. Другой определял с величайшей точностью линию, до которой стоит вода в графине или в стакане. С впечатлением звуков мы соединяем представление о большей или меньшей продолжительности их времени. Но здесь, как и от впечатлений зрения, важнее всего нравственные представления, возбуждаемые в нас через звуки. Не понимая еще значения слов, младенец по одним звукам, по интонации голоса, угадывает чувства говорящего. Да и не только младенец, но и животные, напр.: собака очень хорошо отгадывает по голосу гнев или ласку своего господина. Запойте в присутствии дитя или дикаря заунывную песнь, – на лицах их выразится печаль, участие и сожаление; скажите что-нибудь в упрек, в угрозу, – вы заметите в ту минуту досаду и проч. Станьте читать стихи в размере и созвучии, в которых отзывалось бы чувство живой радости и веселости, – дитя и дикарь запрыгают или по крайней мере, черты их физиономии выразят сочувствие. Этот естественный, а потому живой, непосредственный язык чувства сохраняет все свое могущество над нашей душой и тогда, когда мы живем силой ума, и речь другого служит для нас уже выражением отвлеченных мыслей и идей. В каждом языке междометия содействуют выразительности речи: в них слышится известное потрясение сердца, потрясенного той или другой мыслью. Каждое междометие есть звук, выражающий вопль отчаяние, вздох, радость, грусть и проч. В междометии одним порывом голоса, вдруг, повторяется то, что раздроблено во многих частях фразы¹⁰.

§60. О совместном действии всех чувств

Душа человеческая принимает впечатления не рабски, но подвергает их суждению, размышляет об них, изыскивает их начало, подлинность, старается поверить впечатления одного чувства впечатлениями другого и т.д. Такой поверке чувств мы научаемся с самых первых дней своего бытия, как это и было объяснено при анализе чувств, в первой главе. – В душе нашей ощущения, получаемые отдельно от разных чувств, сливаются и образуют одно стройное целое, так что окончательное представление обо всех чувственных предметах составляется в следствие сличения впечатлений всех чувств. Чтоб судить о совместном действии всех чувств, представим себе, что человек слепой от рождения заметил, по одному осязанию, различие формы двух тел, круглого и четырехугольного, и составил себе представление о круглой и четырехугольной фигурах только на основании впечатлений одного осязания. Представим же себе, что такой человек вдруг получает зрение – и мы, показывая ему эти две фигуры, спрашиваем, как они называются: едва ли он в состоянии будет сказать, какая из них круглая и какая четырехугольная до тех пор, покуда он не осяжет их, и таким образом не припомнит свои прежние ощущения. Причина здесь та, что мы всегдаверяем и сравниваем ощущения зрения и осязания друг с другом, т.е. мы знаем, какой вид имеет для глаз тот предмет, который по осязанию кажется круглым и наоборот. Слепые определяют также по осязанию цветá материи и предметов, следовательно они замечают, что известное ощущение пальцев происходит от того цвета, который зрячие называют красным, другое от белого и проч.; но если бы им открыть глаза и потребовать, чтобы они по одному зрению указали разные цвета, то едва ли они будут в состоянии это сделать. Часто звуки слышатся нам не с той стороны, откуда они происходят, а совершенно с противоположной; но зрение и привычка научают нас узнавать истинное направление звуков. Когда вдали стреляют из пушки, или заблестит молния: то мы гораздо ранее видим свет, а уже

потом слышим звук выстрела или грома, но все-таки знаем, что свет и звук являются одновременно. Если бы собрать побольше подобных фактов, то они показали бы нам, что чувства часто могут нас вводить в заблуждение, если их не проверять размышлением. Одно только осязание есть такое чувство, которого впечатления всегда одинаковы и безошибочны, и потому одно не вводит человека в заблуждение.

§61. О важности сих ощущений

Важность всего, что мы приобретаем посредством своих ощущений открывается:

1-е. Из того, что все приобретаемое через ощущения становится материалом всех наших познаний. Душа или прямо превращает их в простые представления, а через разнообразное сочетание представлений составляет целые познания, или же делает их основанием для извлечения, посредством умозаключений, таких понятий и познаний, кои можно назвать совершенно новыми.

Некоторые Психологи не соглашались с тем, чтобы ощущения прямо переходили в представления; но пусть они скажут, что такое представление о белизне, как не простое воспоминание впечатлений, которое белый предмет производит на нас. Пусть скажут, что такое возобновление в душе образа представляемого предмета? Слово представление само в себе включает такое объяснение. Вникните в состояние своей, души, когда она представляет что либо, и вы уверитесь: что это представление есть чистое воспоминание представляемого. Напр.: когда я хочу представить знакомого, но отсутствующего человека: то я вспоминаю его фигуру, одежду, черты лица, привычки, движения, речь; словом, стараюсь оживить возобновить в себе все те ощущения, какие получил от него, когда видел и говорил с ним. Вот отчего предметы виденные и так сказать, прочувствованные мы представляем лучше, нежели те, кои знакомы нам по одному описанию, или по рассказам. Вот от чего также предметы мира физического мы представляем лучше, нежели предметы мира невидимого или отвлеченные. Последним же мы всегда стараемся придать формы чувственных предметов. Нам могут возразить: возможно ли, чтобы человек из нескольких десятков простых представлений, доставляемых внешними чувствами, мог составить бесчисленное множество познаний, коими он обладает. Но пусть говорящие это вспомнят о том, как человек десятью арифметическими знаками может изобразить бесчисленные

суммы, или как из 24-х букв составил миллионы книг. В том-то и открывается величие души нашей, что она из небольшого материала могла извлечь и будет всегда извлекать бесчисленные познания. Вникните в устройство природы: Творец из немногих, даже можно сказать из двух или трех форм и знаков, извлек все разнообразие бытия.

2-е. Но важнейшее последствие наших ощущений есть то, что они возбуждают в нас внимание. Нет нужды доказывать, что внимание наше всегда есть следствие ощущений и без них существовать не может. Всякий может понять, что если бы у него были закрыты все чувства, то душа его находилась бы в каком-то сонном состоянии, и ничто не возбуждало бы ее внимания. Еще более может убедить нас в необходимой связи между вниманием и ощущениями наблюдение над постепенным проявлением сей способности у детей. Дети сначала все ощущения принимают механически, т.е. они не сознают их и не приписывают себе своих ощущений, т.е. не догадываются, что известные ощущения происходят именно в них; но после того, как одни и те же ощущения повторяются несколько раз, в них мало по малу возникает внимание. Первый проблеск внимания, без сомнения, состоит в том, что дитя начинает останавливаться на своих ощущениях, прислушиваться к некоторым звукам, приглядываться к некоторым предметам и проч. Тут же и почти неразрывно с этим первоначальным действием внимания, у дитяти проявляется способность различать одни ощущения от других: следовательно внимание всегда сопровождается суждением, или что тоже замечанием того, на что душа обратила внимание.

§62. Всякое суждение по сущности своей тождественно с представлением

В представлениях наших о предметах заключаются зародыши всех суждений об них. Судить о предмете значит, что либо ему приписать или отрицать от него; значит – находить сходство и различие его с другими предметами, или находить вообще отношение одного предмета к другим. Но все приписываемое нами предмету уже содержится в представлении этого предмета, если только это представление верное и полное: ибо мы иначе не имеем основания что-либо приписать предмету. Напр. все суждения о камне: камень есть тело, камень имеет протяжение, камень тяжел, камень кругл, камень делится и проч. заключаются в представлении о камне: ибо я все сии качества, приписываемые камню в суждениях, нахожу в своем представлении об этом предмете, иначе я не мог бы и приписать их ему. Отсюда, ясно, что всякое суждение в сущности есть суждение тождественное. Так все суждения о камне и множество других, которые только можно составить об нем, суть видоизменения следующего тождественного суждения: камень есть камень.

Но на это, могут возразить так: если все суждения тождественны; если все, что я могу утверждать, напр. о камне, заключается в простом представлении камня, то какое назначение имеют эти суждения? Чем они отличаются от представлений, а главное, как они могут умножать познания наши? Так точно возражает Кант, который доказывает, что аналитические суждения не увеличивают суммы наших познаний, а только уясняют их. Увеличение же познаний, по словам его, происходит от суждений синтетических. Далее мы увидим верно ли подобное разделение суждений на аналитические и синтетические, а здесь постараемся показать, что хотя все суждения наши действительно тождественны, но тем не менее имеют великое значение в приобретении познаний.

§63. Об отношениях между представлениями и суждениями

Суждения, во 1-х, выражают отчетливо и сознательно то, что заключено в представлениях и во 2-х, исправляют и дополняют самые представления о предметах. Представления наши нельзя еще в строгом смысле назвать познаниями; познаниями они становятся лишь тогда, когда душа наша разлагает их посредством суждений на составные части; когда рассудок отчетливо и сознательно выразит все их содержание в форм суждений. Напр. простое представление о магните есть воспоминание того впечатления, какое магнит производит на наши чувства, и больше всего его свойства притягивать железо; но такое представление нельзя еще назвать знанием магнита. Познание же о магните будет ясное, отчетливое и в последовательном порядке расположенное сознание, или что тоже, суждение о свойствах магнита. Само собой разумеется, что такое сознание заключается некоторым образом в самом представлении, но заключается не так ясно и отчетливо, как в суждении. Здесь все свойства магнита выражаются приписываются ему сознательно и следовательно, неотъемлемо и окончательно.

2-е. Представления наши о предметах, как непосредственные следствия впечатлений и ощущений, бывают часто неверны и всегда почти неполны и недостаточны. Сколько есть в человеке неверных представлений пришедших в душу разными путями, принятых умом безотчетно; но, когда коснется их рассудок, они исправляются, ложное отбрасывается, истинное остается. Дело суждений или рассудка произвести это исправление, а главное – дополнить представления; и в этом то отношении суждения увеличивают наши познания. Когда я начну, посредством рассудка, анализировать свои представления о предмете, или еще лучше, когда я наблюдаю сам предмет и стараюсь составить как можно более суждений об нем: то всегда открою такие свойства, которых не было в простом представлении сего предмета. Возьмем, напр., опять

представление о магните. Доколе рассудок не коснулся этого представления, в нем немного заключено признаков; но когда он начнет анализировать его, то найдет множество новых признаков, составит новые суждения; следовательно познание, также как и представление об нем, делается полнее и совершеннее. Еще лучше, ежели при этом и самый магнит будет подлежат нашим чувствам, и ежели мы будем над ним производить опыты: тогда познание о магните будет всестороннее.

§64. Об отвлечении

Самое важное и благотворное действие есть отвлечение. Отвлечение состоит в том, что рассудок отделяет какое либо свойство вещи от самой вещи и делает его предметом особых суждений. Напр.: белый цвет отдельно от предметов не существует; но мы можем рассуждать о белизне сколько угодно, не имея в виду никакой белой вещи. Точно также можно рассуждать о всяком другом свойстве вещей отвлеченно, отдельно и независимо от неё. Если мы вникнем глубже в устройство наших способностей и в систему человеческих познаний, то увидим, какую великую важность имеет в деле мышления это действие рассудка. Большая часть человеческих суждений основана на отвлеченных идеях; самая лучшая и точнейшая часть человеческого познания – математика, имеет предметом также отвлеченные суждения и понятия о числах, величинах, о пространстве и его формах. Наконец без этой благодетельной способности мы не могли бы и вести речи друг с другом, ибо бóльшая часть слов означает отвлеченные понятия.

§65. Классификация

Представления наши первоначально всегда бывают единичные и простые: ибо они суть ощущения предметов природы, а в природе, как известно, существуют только единичные предметы, которые действуя на наши чувства, рождают и представления единичные. Но человек не мог дать особого названия каждой и отдельной единице: ибо пришлось бы выдумывать бесчисленное множество слов, а это невозможно, да если бы и было возможно, то обременило бы язык излишними словами и затруднило бы сообщение мыслей. Чтобы устранить такое неудобство, человек не стал придумывать названия для каждой отдельной единицы предметов, но разделил все предметы, в природе существующие, на классы или разряды, назвав эти классы родами и видами, и только им дал названия. Напр. при взгляде на царство растительное нам представляются миллионы особей; каждой из них давать отдельное название нет возможности; но к счастью, особи эти похожи друг на друга, вот почему мы разделили их на группы и назвали, напр.: деревьями – такие растения, коих ствол поднимается до некоторой высоты, разделяясь на многие сучки. Главный этот класс назвали мы *родом*. Заметив потом, что деревья различны по величине своей, по строению, по плодам, этот главный род мы разделили на классы, подчиненные первому и сии последние назвали *видами*. Повторим еще раз, что подобное разделение предметов на классы весьма благотворно. Представьте себе, что всякая отдельная единица в природе имела бы свое название; тогда речь наша уподоблялась бы той грамоте, в которой нет букв и каждый предмет и каждое слово обозначается особым знаком; тогда у нас не достало бы времени на одно заучивание названий. Между тем природа сама облегчила человеку труд такого деления вещей на виды и роды: ибо она производит единицы, всегда схожие между собою, т.е. одаренный одними и теми же признаками. Отсюда

очевидно, что на языке человеческом все слова, за весьма малым исключением, означают понятия общие.

Видя как полезна и сколь необходима для успехов образования и языка подобная классификация, можно бы подумать, что она есть следствие глубоко соображенного плана, что ее составил в первый раз какой-либо умный философ, и что всякий человек понимает ее лишь вследствие долгого изучения: ничего не бывало! Можно сказать, что одна природа научила нас делать подобную классификацию. Недаром говорится; что нужда – лучший учитель. Опыт оправдал наилучшим образом эту поговорку и в разбираемом нами случае; ибо одна нужда заставила людей делать подобную классификацию и делать с самого раннего возраста. Дитя, которому вы, указывая на известный предмет, сказали что он называется деревом, не задумываясь назовет этим же именем всякое другое дерево: потому что оно замечает сходство между ними. Дитя сделает это слово слишком обширным; оно будет называть деревом даже всякое растение: ибо ему легче употребить то слово, которое ему известно, нежели выдумывать новое.

Итак, роды и виды суть собственно слова или общие названия многих сходных предметов; а потому не должно думать, чтобы этим словам в природе соответствовали какие либо определенные предметы. В природе не существует дерево в общем смысле, даже не существует березы вообще, а есть множество отдельных деревьев, которым мы дали имя березы. В природе не существует человека в общем смысле, а есть Петр, Иван, Алексей, Николай и проч. Кто стал бы утверждать противное, был бы похож на того живописца, который захотел бы нарисовать портрет человека вообще. Но какие же умственные представления соответствуют этим родовым и видовым словам. Им соответствуют представления признаков и свойств общих всем предметам, которые означают сими словами. Кажется подобное объяснение просто и согласно с самым существом дела; но есть люди утверждающие, что в природе существуют роды и виды, а другие дошли даже до того, что доказывали будто в природе существуют одни роды и виды, а не единицы. Но очевидно, что подобные рассуждения

окажутся не точными, если только вникнем, что мы представляем под словами: растение, зверь и проч. Очевидно, что слово растение означает соединение признаков, принадлежащих не одному, а многим единицам. Слово зверь рождает в уме представление не о каком либо отдельном существе, а есть соединение свойств тысячи отдельных существ. Правда, что природа, как мы сказали, положила основание нашему делению на роды и виды, произведши множество сходных существ и предметов; но все-таки она произвела единицы. Если я вам скажу: укажите мне на растение в общем смысле, на ученика вообще: то вы принуждены будете указать на единицы, которые заключают в себе гораздо более признаков, нежели сколько я понимаю под сими словами.

§66. В чем состоит недостаток некоторых слабоумных и помешанных людей?

Если мы внимательно станем наблюдать за некоторыми слабоумными людьми: то откроем, что недостаток их состоит, то в совершенном отсутствии, то в самом развитии одной или нескольких душевных способностей. Человек, который имеет мало представлений, да и тех не умеет сравнивать между собою, не понимая их сходства и различия, который не способен делать отвлечений, а следовательно и хорошо мыслить, должен казаться слабоумным. Понятия и суждения такого человека вертятся на идеях близких и мимолётных, но о предметах, требующих большого умственного напряжения, он не может судить. Но состояние некоторых помешанных бывает совершенно иное. Они, кажется, не утрачивают способности правильно судить, но ложно сочетавши в своем уме некоторые представления, по одному воображению, выводят оттуда ложные умозакключения, хотя выводят правильно. Таково состояние человека, который вообразил себе, что он царь и требует царских почестей; или другого, который каким-то образом убедил себя, что у него стеклянные ноги, и весьма правильно выводит заключение, что ему надо беречься, чтоб они не сломались. Подобные люди умствуют правильно, хотя их умозакключения ложны, ибо выведены из ложного представления. Это представление в них есть то, что известно под именем *idée fixe*. Люди преданные *idée fixe* редко обнаруживают расстройство во всех способностях: следовательно в них трудно понять только одно, каким образом они могли остановиться на этой идее и убедить себя в её действительности. Все прочее в них происходит весьма последовательно и логически правильно: ибо, как скоро кто-нибудь убедил себя, что у него стеклянные ноги, то естественно, что он боится встать, боится дотронуться до них и проч. В этом случае помешанный похож на всякого человека, умствующего на ложных основаниях.

§67. Что такое остроумие?

Не трудно понять и убедиться, что рассудок не у всех людей бывает одинаков, но что он имеет различные оттенки у разных людей. Отсюда происходит, что некоторые люди бывают остроумны, т.е. легко и быстро составляют суждения и притом находят сходство между такими представлениями, кои другим кажутся не похожи. Поэтому странно видеть, что остроумие во многих Психологиях называется особою способностью и разбирается, не как качество вообще рассудка, но как отдельная сила души. Но если делать подобные дробления, то отыщутся десятки и сотни отдельных способностей. Конечно, в разговорах часто употребляют выражения: он имеет способность передразнивать других, он способен к тому или другому, но смешно основываться на таких выражениях! Остроумие заключается в особенного рода суждениях, а суждения принадлежат рассудку: следовательно, остроумие есть качество рассудка, а не особая способность души¹¹.

§68. О деятельности ума

Участие способности умозаключений, или разума, в деле приобретения и распространения познаний, гораздо важнее и значительнее, чем участие всех других способностей. Строго говоря, мы познания приобретаем только посредством одной этой способности. Анализируя рассудок, мы видели, что он назначен не столько к умножению познаний, сколько к отчетливому сознанию того, что заключено в представлениях, так что рассудок лишь разлагает представления; но способность умозаключений извлекает из некоторых представлений и суждений новые суждения, кои хотя и заключаются в них, но скрытно, и через это приобретает новое суждение, и следовательно – новое познание. Способность умозаключения есть способность, так сказать, научная в том отношении, что все почти науки обязаны своим развитием исключительно ей. Все открытия в области наук, все изобретения, глубокие исследования и системы ей одной обязаны своим бытием. Всякий раз, когда ум ученого находит новый закон, или новое объяснение какого либо явления, он делает это посредством умозаключения. Во всех этих случаях повторяется то, что было с Ньютоном, когда он, по поводу упавшего перед ним с дерева яблока, открыл закон тяготения. Гениальный ученый силой умозаключения, из этого обыденного явления, вывел всеобщий закон материи; но точно тоже такой же случай, только в бесконечно меньших размерах, повторяется не только со всеми учеными, но даже и со всяким из нас в ежедневной жизни. Мы всегда стараемся извлекать из одних суждений другие, в них заключающихся: по одним явлениям заключаем о возможности или действительности других явлений. Каждая мысль, каждое даже слово становится основанием новых суждений и мыслей. Но самое частое и употребительнейшее умозаключение бывает от причины к следствию и обратно. Мы увидим далее от чего предложение: всякая причина производит следствие и наоборот, всякое явление предполагает причину, имеет такую силу и всеобщность. Везде, где есть явление, мы ищем его

причину, зная, что из ничего не может произойти никакого явления. Содержание многих наук, напр. физики, есть изыскание и объяснение причин известных явлений. В особенности же философия и преимущественно та часть, которая называется Психологией, основывается на умозаключениях. Предмет Психологии – душа человеческая, но она не подлежит внешним чувствам: следовательно, все что мы знаем о ней, знаем посредством умозакключений, основанных на наблюдениях и явлениях внутреннего опыта. О бытии души, об её свойствах, её сущности мы угадываем из рассмотрения её деятельности.

§69. Понятия

Все усилия свои душа обращает к тому, чтобы понять тот или другой предмет. Последняя цель её познавательной деятельности есть та, чтобы составить себе понятия о каждом предмете порознь и целую систему понятий о всем мире видимом и невидимом. Посему понятия суть плод умственных трудов; они составлены из всего, что душа могла узнать усилиями всех своих способностей. Они состоят из многих представлений и суждений, а часто из многих умозаключений: таковы, напр., понятия, выраженные словами – душа, способность, тело, умножение, деление, и проч. Следовательно они отличаются от представлений и умозаключений тем, что сии последние входят в него, как составные части. Напр., если воображение рисует предо мною просто фигуру человека, то это будет представление о человеке. Когда же я начну разбирать составные части человека, то рождается множество суждений о нем. Наконец, когда из всех этих суждений составилось нечто целое, соответствующее самому предмету: то в голове моей образуется само понятие о человеке, ибо в таком случае я понял человека. Посему человек с развитыми понятиями есть тот, кто имеет наибольшее число верных суждений о многих предметах; напротив того, человек, который имеет ограниченное число суждений о некоторых предметах, а о многих других совсем не слышал, называется ограниченным, несведущим.

Составные части наших понятий указывают и на происхождение их. Одни из них составляют в нас в продолжение всей жизни постепенными усилиями ума; другие мы приобретаем при научном образовании; третьи – из книг и из разговоров и проч. Вообще можно сказать, что история происхождения в нас понятий есть история нашего умственного образования. Часто в младенчестве мы сами образуем себе понятия, произвольно соединяя свои простые представления: отчего понятия эти бывают фантастические, сказочные. Но самый обширный источник наших понятий, это объяснение тех слов, коими они обозначаются на языке человеческом. В самом

деле, во время учения и преподавания наук, для передачи детям разных научных понятий, объясняют им самые слова, коими сии понятия обозначаются. Так образовалась большая часть понятий у людей ученых. Что же касается до людей безграмотных, то они о предметах близких к их состоянию и занятиям сами себе стараются образовать понятия. Почему эти люди, большею частью, не имеют верных понятий о тех предметах, которые не касаются их занятий, и всегда склонны к суевериям и заблуждениям. Главнейшие и важнейшие понятия ума суть понятия о субстанциях и об отношениях этих субстанций друг к другу.

§70. О субстанциях

Подробный разбор всех понятий о субстанциях завел бы нас слишком далеко, и притом такой разбор есть более дело Логике, чем Психологии; а потому постараемся здесь объяснить только: 1-е, что такое собственно субстанция, как понятие; 2-е, о каких субстанциях человек составил и может составить себе понятие?

Слово субстанция происходит от латинского слова *substo*, стою под чем-нибудь, поддерживаю. Отсюда субстанцией какой-либо вещи или существа называется сама его сущность, совмещающая и рождающая все его свойства и силы. Напр., возьмем камень: свойства, которые мы находим в камне: протяжение, величину, фигуру, плотность, тяжесть и проч., предполагаются принадлежностями какой-то внутренней сущности камня, которая и есть его субстанция. Разумеется, что для пытливого ума весьма желательно бы знать, существует ли в этом смысле субстанция, или эти внешние свойства, которые мы открываем в камне, да и во всяком теле, и суть самой сущности их? Но трудно нашему уму дойти до решения этой великой задачи. Точно также и касательно души: ощущения, воля и прочие её силы суть ли одни явления её, или сама её субстанция? Кажется, что сущность её для нас непостижима, а нашему сознанию подлежат только её силы и проявления.

Человек может составить и действительно составил понятие о двух противоположных субстанциях: о материальной и духовной. О первой составил он понятие на основании тех впечатлений и ощущений, какие они возбуждают в нем; а о душе, – обращая внимание на свои собственные действия. Если мы беспристрастно сравним понятия, которые мы имеем о мире материальном и духовном, то увидим, что последнее несколько не уступает первому в ясности и достоверности. В самом деле, не смотря на то, что все обстоятельства облегчают и помогают составлению точных познаний о материи, мы однако же, о телесной субстанции знаем только наружное, поверхностное, знаем её силы, явления и взаимные действия, но сущности этих

сил и внутреннего бытия их мы не можем разгадать никогда. Точно также и о душе: зная по внутреннему опыту о силах душевных, о представлениях, суждениях и умозаключениях, о воле, свободе и проч., мы заключаем, что есть какая-то нематериальная субстанция, совмещающая в себе все сии свойства; но кто может объяснить и понять внутреннее бытие этой субстанции! Творец природы дал нам средства знать мир и себя лишь на столько, сколько это нужно для нашей жизни и благосостояния; но быть может что и в материи и в душе есть тысячи не известных нам свойств.

Одно только можно сказать верное на счет наших понятий о субстанциях: именно, что человек не только не может составить себе понятия, но не может даже представить такой субстанции, которая была бы ни материя, ни дух, а нечто среднее. В самом деле, материю мы понимаем, как нечто протяженное, ограниченное и состоящее из частей, друг вне друга лежащих и бездейственное; дух – как нечто совершенно непохожее на матерно, не состоящее из частей, как нечто чувствующее, деятельное, познающее и проч. Но какие черты, какие представления может соединить наш ум, чтоб составить понятие о средней субстанции? Подобное-то соображение о невозможности составить понятие о средней субстанции всего более наносит поражения предположению тех Психологов, которые хотели, под именем души, или жизненной силы, допустить какое-то среднее существо между духом и организмом. Стоит только их спросить: материально, или не материально, это среднее существо? Какой бы они ни дали ответ, средняя их субстанция исчезнет сама собою. Ибо, если они скажут, что эта субстанция нематериальна: то выйдет, что в человеке три субстанции, две духовных и одна телесная; и тогда будет неизвестно какое отношение между этими двумя духовными субстанциями, и к чему их две, когда достаточно и одной? Если же скажут, что субстанция эта материальна, то это будет, просто, организм с его силами.

§71. Понятие о Высочайшей субстанции

Но высочайшее и необходимейшее понятие, находящееся в душе человеческой, есть понятие о Верховной Субстанции, Творце всего мира, последней причине всех явлений, о Боге. Познание Бога и вера в Него есть та черта, которая резко отличает человека от всех других земных тварей и сообщает ему великое внутреннее достоинство. Отличительные свойства этого высокого понятия суть следующая: 1-е, его всеобщность во всех племенах человеческих и в каждом человеке в отдельности; 2-е, его раннее и так сказать, легкое и неизбежное возникновение в душе человеческой.

Опыт и путешествия всесветные показали, что нет на земном шаре такого племени, которое не имело бы темных представлений о Верховном Существе. Находили на разных уголках земли и островах Полинезии племена совершенно одичалые, похожие более на зверей, чем на людей, племена, кои едва умели считать более пяти, понятия коих обо всех предметах были самые детские и неразвитые, и что же! Казалось бы они еще менее должны иметь понятие о Верховном существе, но к удивлению это высокое понятие сохранилось в них неизгладимо. Если же мы от разных племен обратимся к отдельным лицам, то увидим, что человек, у которого ум находится в здравом состоянии, на какой бы низкой степени он ни стоял по своему душевному развитию, всегда имеет понятие о Божестве.

Отсюда явствует и другое качество этого понятия, именно легкое и естественное его возникновение в уме всякого человека. В самом деле, стоит только иметь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и понятие о Боге является само собою. Мало того, это явление понятия о Боге в уме человека так необходимо, так естественно и неизбежно, что оно возникает не в следствие каких-либо глубоких рассуждений и умозаключений, а само собою, как бы оно было начертано в уме заранее, и только случай обратил на него наше внимание. Вот от чего и говорят, что идея о Боге есть врожденная в душе

человека. Не надобно думать, чтоб она была врожденна как понятие, в том виде, в каком его находим теперь в нашем уме: ибо понятие это составлено из целого ряда суждений и умозаключений. Она врожденна как стремление души познать своего Творца и Виновника всего мира как неперменное требование ума признать Его при первой же возможности. Она врожденна, можно сказать, также, как способность рассуждать, мыслить, которые уже находятся в младенце при самом рождении, но неразвитые; ибо стоит только уму окрепнуть, проявиться, как он встречается уже лицом к лицу с этой высокой идеей.

§72. Краткое замечание о понятиях отношений

Подробный разбор всех понятий, рождающихся в душе при соображении разных отношений между предметами, тоже не есть задача опытной Психологии, а потому сделаем об них только несколько кратких замечаний.

Понятия об отношениях рождаются при сравнении одних предметов, или лучше, их представлений с другими. Сравнивая же между собой представления, находим два существеннейших отношения между ними: 1-е, отношение тождества или равенства и, 2-е, отношение причины и следствия.

Рассудок, анализируя представление о каком либо предмете, находит, что все, что ни можно сказать о нем, равняется самому представлению; а потому все высказываемое о нем есть суждение тождественное. Из тождественных же суждений аксиомы суть такие, в коих это тождество явно с первого же взгляда. Когда же рассудок, сравнивая два представления, замечает, что одно из них рождается только в следствие другого, и что между ними такая связь, по которой одно из них неизбежно вызывает другое: тогда отношение между ними есть причина и следствие.

Понятия об отношениях самые многочисленные. На них основана большая часть математики; из них составлена обширная область законоведения, нравственной философии, политических наук и пр. Поэтому точное и подробное исследование происхождения этих понятий особенно полезно для упомянутых наук.

§73. Какое участие принимают в мышлении память и воображение?

Нам осталось объяснить участие в мышлении двух способностей: воображения и памяти. Объяснить вполне способ действия памяти, или физическую причину её, трудно; скажем только то, что можно. Прежде всего очевидно, что память есть привычка или навык. Известно, что человек обладает многими привычками, кои в нем сильнее самой природы. Таковы, напр., привычка управлять движениями своих членов, обратившаяся в бессознательное действие, привычка относить ощущения свои к вещам, вне нас находящимся, привычка видеть согласно обоими глазами, слышать обоими ушами, двигать обеими руками и ногами и пр. Эти привычки находятся во всех без исключения; но есть привычки, принадлежащие частным лицам; напр., пальцы музыканта так привыкают делать известные движения, что ему стоит только взять ими случайно несколько аккордов заученной пьесы, как они доигрывают ее сами, между тем как музыкант разговаривает или смотрит в сторону. Такова привычка некоторых плохих учеников, кои в состоянии не переводя духу и без всякого почти участия сознания проговорить урок, который они твердо заучили наизусть. Ремесленники также приучают свои руки к известным движениям, так что производят их бессознательно. Вообще каждый из нас имеет таких навыков множество, ибо они легко приобретаются, стоит только чаще повторять одни и те же движения, как они обращаются в привычку. Обратимся теперь к памяти. Очевидно, что память имеет своим престолом мозг, который есть орудие и других способностей души; это не требует особенных доказательств ибо малейшее расстройство мозга ослабляет память. Итак, по всей вероятности, память есть навык мозга к известным изменениям или движениям. Это открывается: во 1-х, из того, что мы только то хорошо сохраняем в памяти, что повторили, или затвердили; во 2-х, помним лучше то, что произвело на нас более сильное и глубокое впечатление, следовательно глубже раздражило мозг;

3-е, это же видно из того, что одни мысли и слова вызывают другие, имеющие с ними связь, подобно тому как первые движения пальцев музыканта в известной пьесе возбуждают и производят другие, с ними соединенные. Вот все, что можно сказать в объяснение действия памяти. При этом надобно только помнить, что это есть механическая её сторона. Раздражения мозга не суть само воспоминание; воспоминает душа, а в мозгу происходит только механическое раздражение возбуждающее в ней эти воспоминания. Не надобно также слишком много приписывать мозгу в деле памяти и поставлять душу в рабской зависимости от мозга. Мозг играет здесь такую же роль, какую скрипка в руках музыканта. Скрипка есть мертвый, бездушный механизм; но в руках знатока она оживляется и издает чудные звуки. Так точно и мозг: он есть прибор, одушевляемый и оживляемый живым существом.

Участие, какое принимает память в мышлении, весьма обширно и легко понятно всякому. Мы мыслим, можно сказать, на основании памяти: ибо она доставляет весь материал мыслей, т. е. представления, факты, соображения, прежде бывшие в душе, и вообще, все что необходимо для мышления. Важность её видна еще из того, что она сохраняет все плоды нашего мышления, т.е. все наши познания. Если мы внимательно подумаем о некоторых из известных нам ученых, удивляющих нас богатством ума: то увидим, что все преимущество их часто заключается в обширной памяти.

§74. О деятельности воображения

Сущность сей способности мы объяснили в первой главе, а здесь скажем только, какое принимает она участие в мышлении и познании. Хотя, при соображении сущности сей способности, можно подумать, что она не очень может способствовать к мышлению и особенно к умножению познаний; но так как душа, при мышлении, действует всеми своими силами, то и воображение принимает в нем несомненное участие. Это участие состоит в том, что воображение старается сделать мысли нагляднее, воплотить самые отвлеченные представления. Язык человека носит множество признаков, доказывающих это. Этой творческой способности обязаны своим происхождением множество живописных выражений, украшающих язык человеческий. Разберем несколько таких выражений, чтобы видеть как их составило воображение. Напр. *алмазна сыплется гора* – выражение, произошедшее от того, что воображение поэта соединило представление об алмазе с представлением о льющейся воде. Выражения: *летит как молния, волоса как снег, смертельная обида, черный как ночь, из глаз летят молнии, из уст его речи текли рекою* и тысячи других суть произведения воображения, которое соединяет представления по сходству их между собою. Вся прелесть поэзии основывается на этом действии воображения, так что поэты, можно сказать, мыслят больше воображением, чем умом.

Б. Об ассоциации идей

§75. Определение ассоциации идей и влияние её на мышление

В душе человеческой представления, суждения, понятия и вообще все её содержания, находятся не отрывочно, а имеют связь, образуют некоторую систему; так что одни представления вызывают из памяти другие, одни мысли и происшествия напоминают нам о других мыслях и происшествиях, одни лица и виды возбуждают образы других лиц и мест: это самое явление называется *ассоциацией* или связью идей. Влияние ассоциаций идей на человеческое мышление и действие, даже на характер, весьма значительно; так что им легко объясняются многие душевные явления, для объяснения коих придумывали самые невероятные гипотезы, и без подробного разбора коих трудно уразуметь жизнь души и образ её бытия; а потому постараемся разобратить, какая бывает в душе ассоциация и какие явления она производит.

§76. Причины, производящие ассоциацию идей

Ассоциация идей бывает естественная и случайная. Первая основана на причинах естественных, необходимой связи, какая действительно находится между разными представлениями и мыслями. Естественно, напр., что представление о каком-либо предмете рождает представление о его свойствах и качествах. Когда, напр., я вспоминаю зиму: то вместе с тем представляю снег, холод и вообще все принадлежности зимы. Если же мне представляется лето, то вместе с тем припоминаю летние удовольствия, зелень, фрукты, теплоту, иногда жар и проч. Если я увижу знакомого мне человека, то тотчас вспоминаю об его свойствах и его отношении к себе и другим и проч. Когда слышу звуки какой либо пьесы, то они рождают представление о целой пьесе. Вид какого либо дома напоминает о его жителях и проч. Все такие ассоциации натуральны. В них одни представления вызывают другие, находящиеся с ними в естественной связи; но в случайной ассоциации представления наши связываются между собой случайною причиною, а не по внутреннему своему сходству и отношению, и такая ассоциация бывает различна в разных людях. Она зависит от воспитания, от занятий, образа жизни и многих других причин.

От образа воспитания ассоциация идей бывает самая упорная и часто вредная, ибо детские впечатления остаются на всю жизнь. Напр., если няньки и бабушки набили голову ребенка разными сказками о приведениях и ночных страшилищах, то человек на всю жизнь боится ночных привидений. Привидения сами по себе не имеют бóльшего отношения к темноте, чем к свету; но поскольку в голове некоторых эти два представления сильно связаны, то ночью они всегда думают о приведениях; а днем, они и в голову им не приходят. Характер человека также рисуется в ассоциации идей: напр., человек, с мрачным характером, все представления покрывает черным колоритом; напротив того, веселый человек всегда делает между ними забавные сближения. То, что первого бесит, второго только смешит. Образ жизни и привычки наши также бывают поводом к

особенным ассоциациям идей. При виде золота, скупой человек представляет себе удовольствие обладать им, а человек расточительный рассчитывает какие удовольствия можно приобретать через него. У человека с растленными нравами воображение рисует всегда нечистые представления: он во всем находит случай к порочным сближениям, во всем видит худую сторону. Напротив того, человек с простою душой и чистыми нравами всегда думает о предметах чистых: у него редко возникают нечистые сближения идей.

§77. Ассоциации идей производит бóльшую часть симпатий и антипатий

Случайная ассоциация идей бывает причиной бóльшей части наших симпатий и антипатий. Примеров тому тысячи, так что всяк, кто наблюдал за своими, или за чужими привычками и чувствами, мог заметить, что привязанность, или отвращение людей к разным предметам и лицам, рождаются бóльшею частью от того, что с воспоминанием об этих предметах и лицах у них случайно соединены различные приятные или неприятные представления. Если мы на каком-либо месте, напр., в каком-либо доме, потерпели несчастье: то вид этого дома, или просто, воспоминание о нем, бывает нам неприятно, потому что напоминает об этом несчастье. Вид какой-либо значительной вещи, полученной от любимого человека, возбуждает в нас или приятные, или грустные чувства. Если какой-либо человек нанес нам чувствительную обиду, то воспоминание о нем напоминает об этом случае и возбуждает огорчение. В тихую, лунную ночь, некоторые нервные особы чувствуют сильное расположение к мечтательности. Когда сердце матери наполнено грустью о потере любимого сына: то грусть её может исцелить одно только время; ибо она только со временем может отделить в своем уме представление о сыне от представления о тех удовольствиях, о той радости, какие она привыкла чувствовать при виде сына.

Часто говорят о какой-то непонятной симпатии и антипатии между людьми; но кажется, что они обязаны своим происхождением именно ассоциации идей, хотя мы иногда и забываем, а иногда и вовсе не замечаем, как мало-по-малу образуется в нас эта ассоциация. Если человек чувствует отвращение к известным физиономиям или влечение к другим, то вероятно, он в уме своем незаметно образовал некоторую ассоциацию идей, которая бывает причиной его антипатий или симпатий. Словом сказать, если не все, то большая часть наших симпатий и антипатий есть произведение случайно составившейся в уме ассоциации.

§78. Сны отчасти происходят от ассоциации идей

Наши сонные видения, эти странные сочетания невероятных образов и мыслей, отчасти объясняются ассоциацией идей. Стоит только, чтоб во сне какая-либо случайная причина возбудила в душе одно какое-либо представление, и потом уже, по ассоциации идей в голове народятся тысячи других странных идей и представлений. Напр., положим, что ночью мы раскрылись и почувствовали холод: это ощущение холода может родить множество соприкосновенных идей. Нам может представиться, что мы погрузились в холодную воду, тонем, что нас спасают, что мы боремся с волнами и проч. Или, положим, что обремененный пищей желудок произвел во сне прилив крови к голове; и это неприятное ощущение может породить в нас тысячи представлений. Нам будет грезиться, что нас душит какое-то чудовище и проч. Известно, что человек, голодный во сне видит роскошные яства, царские палаты, столы обремененные кушаньями. Словом, во сне также происходят ассоциации: одни представления порождают другие, с тем только различием, что течение представлений, неуправляемое умом и силой душевной, бывает беспорядочно, часто чудовищно, удалено от всякой возможной действительности.

§79. Участие ассоциации идей в мышлении

Всякий, без сомнения, заметил, как иногда в минуты отдыха, когда ум наш не занят никакой особенной мыслью, в душе, как будто сам собою, без всякого участия воли, возникает целый ряд представлений и мыслей. Чего не переживает в голове тогда, о чем только мы не вспомним, и чего не обсудим! Мысли текут одна за другою без всякой видимой связи, одни представления вызывают другие и душа извлекает из памяти разные мысли, как пальцы музыканта, рассеянно перебирающие клавиши на фортепиано, извлекают из него отдельные звуки. Иной так привыкает к подобному мышлению, основанному на одной бессознательной ассоциации, что с трудом может остановиться на одной определенной мысли и размышлять об одной идее. Как ни усиливается его ум думать на одну тему, но воображение отвлекает его в сторону; только что составил две – три мысли о желаемом предмете, как ассоциация идей наводит его на другие предметы! Очевидно, что подобное бессилие души остановить свой ум на избранном предмете бывает причиною рассеянности, тупоумия и непонятливости некоторых учащихся, кои кажутся вечно занятыми какой-то мыслью; собственно же не думают ни о чем.

Но та ассоциация, которая составила в следствие воспитания и привычек, всего больше действует на наше мышление. В самом деле, кто не встречал людей, коих голова устроена как бы совершенно не по людскому, у коих особый склад ума, особая странная связь между идеями? Кто с малых лет привык питать уважение к известным вещам и действиям, тому трудно переменить свои убеждения.

§80. Большая часть предрассудков и суеверий зависит от ассоциации идей

Если внимательно разобрать причину происхождения и упорного существования большей части человеческих предрассудков и суеверий, то увидим, что ассоциация идей играет и здесь величайшую роль. Примеров тому множество. Люди, которые, по злоумышленному убеждению некоторых сектантов, с представлением о старых книгах и иконах соединили в уме своем мысль о святости, а с представлением о ново-печатанных книгах – понятие о повреждении и упорно стоят в своем убеждении, служат ясным доказательством этой мысли. Все их упорство, все их ослепление основывается на этой неразрывной ассоциации идей. Многие другие предрассудки и суеверия людей держатся, не смотря на всю их нелепость, на подобной же ассоциации. Есть люди, которые без ужаса не могут смотреть, когда в комнате случайно зажгут три свечи, считая это за дурное предзнаменование; от чего? От того, видите ли, что у гроба покойников зажигают три свечи! У некоторых людей есть несчастные дни и числа, в которые не предпримут никакого значительного дела; очевидно от того, что в эти дни и числа потерпели неудачу и соединили с ними представление о неудаче. Словом, все эти и миллионы примет, мнений, предрассудков, имеют своим основанием одну случайную ассоциацию идей, часто ложную и редко основанную на действительных событиях и наблюдениях.

§81. Влияние ассоциации идей на поступки наши

Предыдущие примеры уже показали отчасти, какое влияние может иметь ассоциация идей на поступки человека. Но чтобы еще яснее видеть необходимость сего влияния, нужно сообразить, что деятельность человека зависит от образа его мыслей, а его отношение к другим основано на сердечных его чувствованиях; но то и другое часто получают свое бытие и направление от ассоциации идей. Поэтому очевидно, что ассоциация идей может расположить к известным поступкам и отвратить от других.

В. Об основных законах мышления, или психологические основания логики

§82. Что такое мышление вообще?

По определению, предложенному нами во 2-ой главе, мышление есть ничто иное, как общее проявление всей духовной деятельности; а в частности, под именем мышления надобно понимать деятельность одних познавательных способностей, т.е. представления, суждения, умозаключения, понятия и проч. Мышление имеет свои законы, свои формы и правила, которым оно необходимо подчиняется и уклонение от которых бывает признаком его ложности. Подробное исследование и определение этих законов и форм есть задача Логики; но как Логика есть часть Психологии, то мы должны здесь показать общие и существеннейшие основания мышления, кои лежат в глубине души и составляют важнейший вопрос для Психолога.

§83. Почему мышление во всех людях совершается по одним законам?

Существенный и первоначальный процесс мышления во всех людях совершается одинаково. Это понятно само собою: мышление есть деятельность души, а душа естественно действует теми способами, какие дал ей Творец. В этом отношении душа подчинена общему закону всех тварей. Всякая отдельная субстанция обнаруживает те явления, какие сообразны с её сущностью и её отношением к другим субстанциям. Возьмите, напр., какое угодно растение: оно постоянно совершает одинаковый процесс вырастания, оплодотворения, разложения и разрушения. Возьмите какое угодно животное: оно проявляет свою деятельность сообразно с теми средствами и нуждами, какие дала ему природа. Всякое животное живет сообразно своей природе: паук употребляет для своего прокормления свою паутину; лев пользуется своею силою; лисица прибегает к хитрости и воровству и проч. Все это естественно и иначе быть не может. Тоже самое повторяется и в человеке с тем, впрочем, существеннейшим различием, что в человеке всякое действие, а особенно мышление, сопровождается высшими признаками свободы и сознания. Припомнивши вкратце все, что было сказано о деятельности душевных способностей, мы легко поймем, что душа также пользуется дарованными ей от Бога средствами и познает при помощи сих средств. Творец одарил ее чудным организмом, который приносит к ней многообразные впечатления внешнего мира, возбуждающие в ней столь же разнообразные ощущения. Приобыкши к сим ощущениям, и так сказать, приглядевшись и прислушавшись к ним, душа начинает судить, умозаключать, мыслить. Вот изумительно простой, но и наимудрейший способ мышления, данный Творцом душе человеческой! Так как способ этот одинаков для всех: то очевидно, что всякий человек, начиная упражняться в мышлении, приходит всегда к одним и тем же умозаключениям и только в последствии, когда он приносит в мышление больший произвол и начинает

руководиться частными побуждениями, обстоятельствами и влечениями, мышление одного лица начинает разниться, а иногда и противоречить мышлению других лиц. Вот почему также согласие между мыслями всех людей возможно только тогда, когда мысли эти приводят к неточному их началу. И так на вопрос: что в душе есть предварительно и что в нее приходит в последствии, при развитии её, вопрос, составлявший исходный пункт философии прошедшего века, мы, по своему крайнему разумению, отвечаем так: в душе предварительно, т.е. до её развития с самого первого мгновенного бытия, есть только способность или возможность к известному развитию; и она, вследствие известных данных ей средств и способностей, необходимо должна мыслить и развиваться так, а не иначе.

§84. Откуда человек приобретает познания?

Наблюдения над развитием человеческой души ясно показывают нам, что человек все свои познания приобретает или опытом, или размышлением. Это доказывается:

Во 1-х, тем, что душа человеческая никаких других средств к познанию не имеет, кроме тех способностей, какими одарил ее Бог и кои были описаны в предыдущей главе: в этом согласится решительно всякий. Никто не может сказать, чтоб человеку были даны какие-либо готовые познания, да и не было нужды давать ему таких познаний; ибо существо, одаренное столь превосходными средствами к обогащению себя познаниями, само легко приобретает их.

Во 2-х, наблюдением над младенцами. Тому, кто следил над развитием младенческой души, очень хорошо известно, что младенец выучивается решительно всему, начиная с того, как сосать грудь матери и до самых трудных наук. При рождении, он получает душу с одними только неразвитыми и не проявившимися способностями, которые укрепляются постепенно и по мере развития обогащают его всеми познаниями.

§85. Учение Канта о происхождении познаний

Но не все думают так. Многие утверждают, что человек из опыта не может узнать всего, но что ему дано много готовых суждений независимо от опыта. Разберем напр., учение Канта, который лучше и сильнее других рассуждал о сем предмете. Вот его собственные слова:

«Человек обладает известными суждениями *a priori* (этим словом Кант обозначает те познания, которые проистекают не из опыта). Опыт показывает нам только то, как вещь есть; но он не говорит нам, что она необходимо должна быть так, а не иначе. Следовательно, во 1-х, всякое предложение, в котором заключается представление о необходимости бытия вещи так, а не иначе, есть суждение *a priori*. Но если, сверх того, это предложение не есть производное, если оно имеет силу в самом себе, тогда оно безусловно априорическое. Во 2-х, опыт никогда не дает суждений существенно общих. Суждения его имеют только условную, сравнительную всеобщность посредством наведения (а это означает только то, что до сих пор не заметили еще исключения из данного правила). Таким образом, суждение, заключающее строгую всеобщность, так, чтоб из него не было исключения, не происходит из опыта; но имеет свою силу только *a priori*. Опытная же всеобщность есть только произвольное распространение, умозаключающее от всеобщности в известном числе случаев ко всеобщности во всех случаях. Но если безусловная всеобщность принадлежит какому-либо предложению, то эта всеобщность указывает на особый источник, из коего он произошел, т. е. на способность знания *a priori*».

«И так всеобщность и необходимость суть два признака познаний *a priori*».

Теперь не трудно доказать, что в познаниях человеческих действительно есть суждения необходимые и всеобщие, в строгом значении сего слова. Если вы хотите примера, взятого из науки, стоит только бросить взор на математику. Если же хотите примера из ежедневной жизни, то начало, что «всякая

перемена происходит от какой-либо причины», может служить примером. Здесь понятие о причине имеет в нашем уме такую необходимую связь с действием и со строжайшей необходимостью этого начала, что она исчезла бы тотчас, если бы, подобно Юму, вздумали ее выводить из частой связи этих двух понятий, в явлениях замечаемой.

§86. Рассмотрение сего учения

Итак, Кант полагает, что все суждения, в коих заключаются всеобщность и необходимость, т.е. которые имеют силу всегда и везде, суть суждения *a priori*. Но мы можем указать сотни таких суждений, которых происхождение из опыта не может быть подвержено сомнению, и которые, между тем, заключают в себе упомянутые свойства в самой строгой степени. Напр., возьмем следующие простейшие суждения: снег бел, лед холоден, вода есть жидкое тело, треугольник имеет три угла, четырехугольник имеет четыре стороны, огонь сжигает, камень тяжёл и тысячи других. Все сии предложения заключают в себе величайшую всеобщность и необходимость: ибо нельзя решительно указать ни одного случая, который был бы исключением из них. Представление о снеге и белом цвете, о льде и холоде, так тесно связаны в уме нашем, что невозможно разрознить их. Треугольник имеет три угла: это предложение заключает в себе такую строгую всеобщность и необходимость, что мы иначе не можем и мыслить, и нет никакой трудности, как увидим далее, понять от чего сии предложения заключают в себе упомянутые признаки; но кто будет так прост, чтобы утверждать, что все сии и множество других предложений, имеют не опытное происхождение? И так признаки, по коим Кант доказывал априорическое происхождение некоторых суждений, неверны, т.е. не доказывают такого их происхождения. По этим признакам пришлось бы большую половину человеческих суждений, явно опытных, признать априорическими.

§87. От чего происходит всеобщность и необходимость некоторых суждений

Если мы внимательно вникнем в причину, почему приведенные выше суждения и множество других заключают в себе всеобщность и необходимость, то легко увидим, что это происходит единственно от свойства самой речи. Слово «снег» в самом себе необходимо заключает признак белизны: ибо люди между собою как бы условились придавать название снега только такому веществу, которое между прочими свойствами непременно имеет белизну, так что никакая не белая вещь не будет снегом. Также слово «лёд» относится только к веществу холодному: оно в себе самом заключает признак холода, так что люди как бы условились, что слово «лёд» будет означать такой предмет, который между прочими свойствами непременно заключает признак холода. Для чего же нужно было такое условие? Для того, что иначе и нельзя было бы передавать друг другу мыслей, или вести разговор. Надобно же сделать слова определенными и придавать им постоянное и неизменное значение, иначе, повторяю, не было бы языка и разговора. Но разберем лучше сам пример, приводимый Кантом, чтобы увидеть верность нашего мнения. Кант приводит следующее суждение: всякая перемена происходит от какой-либо причины, или, наоборот, всякая причина производит перемену. Очевидно, что необходимость и всеобщность этих суждений зависит единственно от самих слов «причина» или «перемена». Что такое причина? Какие признаки соединяем мы в уме с тем понятием, которое выражено в этом слове? Слово «причина» на человеческом языке означает именно то, что производит действие, а то, что произведено причиной мы называем переменою, действием. Свойство нашей речи, необходимость сообщать друг другу определенные и точные мысли, по необходимости, заставляют нас давать словам однажды навсегда определенны значения. Поэтому мы как бы условились называть причиной именно то, что непременно производит перемену, а переменою называем именно то, что произошло

вследствие какой-либо причины. Говоря: всякая причина производит перемену, мы как бы говорим: нечто, всегда производящее перемену, всегда производит перемену, или, говоря, всякая перемена имеет причину – мы как бы говорим: нечто, всегда происходящее от причины, имеет всегда причину.

§88. Всеобщность и необходимость принадлежат одним тождественным предложениям

Теперь мы можем сказать, что всеобщность и необходимость принадлежит одним только ясно и строго тождественным суждениям. Но что такое суждения тождественные? Это такие суждения, в которых сказуемое ничего более не выражает, как только то, что заключает в себе подлежащее. Так в предыдущем примере: причина производит перемену. Слово «перемена» заключается в самом слове «причина»; так что сказать: причина производит перемену – все тоже, что сказать: причина есть причина. Следовательно суждение: всякая перемена имеет причину, собственно говоря, не заключает в себе никакого утверждения: в нем сказуемое есть как бы повторение подлежащего. Отсюда очевидно, почему эти предложения заключают в себе необходимость и всеобщность. Но между тем эти тождественные предложения все заимствованы из опыта. Предложения: часть меньше целого, целое больше части, две величины, равные третьей, равны и между собою и проч., называемые аксиомами, имеющие совершенную необходимость и всеобщность, суть также тождественные. Следовательно еще раз, признаки, по коим Кант почитал некоторые суждения априорическими, решительно не доказывают на самом деле такого их происхождения.

§89. Есть ли различие между суждениями синтетическими и аналитическими?

Говоря о сущности суждений, мы доказали, что всякое суждение есть как бы анализ представления о предмете: ибо во всяком суждении субъекту приписывается только то, что заключено в нашем представлении этого субъекта и что открывается вследствие анализа этого представления. Но известно, что Кант выдумал еще нового рода суждения, именно суждения синтетические, а потому мы должны оправдать свое мнение. Кант следующим образом определяет различие синтетического и аналитического суждения. «Во всяком суждении, в котором представлено отношение субъекта к предикату, это отношение возможно двояким образом: или предикат *b* принадлежит субъекту *a*, как нечто в нем содержащееся (скрытно), или же *b* совершенно чуждо понятию *a*, хотя на самом деле находится в связи с ним. В первом случае суждение есть аналитическое, во втором – синтетическое. Когда, напр., я говорю, что все тела протяженны, то это суждение аналитическое: ибо я не выхожу из понятия тела, когда приписываю ему протяжение. Стоит только разложить это понятие, или почувствовать в нем те признаки, которые в нем мыслим, как явится это суждение. Напротив, когда я говорю: все тела тяжелы, то здесь сказуемое (атрибут) есть нечто совершенно чуждое тому, что я обыкновенно мыслю в простом представлении тела. Соединение такого предиката с субъектом делает предложение синтетическим».

Но это определение синтетического суждения включает в себе явное противоречие, а представленный Кантом пример показывает, что он сам не мог найти такого суждения, которого теорию развил первый. Синтетические суждения, по его словам, суть те, в коих сказуемое, соединенное с подлежащим, есть нечто совершенно ему чуждое. Но такое суждение, где сказуемое совершенно чуждо подлежащему, т.е. не имеет к нему никакого отношения, есть суждение ложное, невозможное. В суждении возможном, истинном, между подлежащим и

сказуемым всегда должно быть действительное отношение, сходство и даже тождество. Правда есть суждения, где предикат чужд субъекту, именно суждения отрицательные, но за то в них и отрицается отношение предиката к субъекту, напр., человек не бессмертен, день не бесконечен и проч.; но очевидно, что Кант разумел не отрицательные, а положительные суждения.

Приводимый им пример синтетического суждения лучше всего опровергает его теорию. Понятие о тяжести не только не чуждо понятию о теле, но есть одно из неотъемлемых его свойств. Никто не представляет физического тела, напр. камня, без тяжести; напротив того, при представлении всякого физического тела, скорее можно забыть о протяжении, чем о тяжести: потому что протяжение есть свойство, если можно так выразиться, научное, трудное для уразумения, а тяжесть ощутительное и прежде всего бросается в глаза. Спросите всякого простолюдина, какие признаки он находит в камне? Он прежде всего укажет на тяжесть, а о протяжении не скажет ни слова: ибо это свойство менее доступно его уму. Следовательно ложно в высшей степени, чтобы в предложении: тело имеет тяжесть, предикат *b* (тяжесть) был бы чужд субъекту *a* (телу)¹². Признаюсь чистосердечно, что такие непростительные промахи Канта возбуждают во мне не малое изумление! Но когда я потом читаю, что он всю свою «Критику чистого ума» хочет строить именно на этих синтетических суждениях: тогда я решительно прихожу в недоумение, ибо не могу понять, как можно основывать целую систему на небывалых и не возможных суждениях.

§90. Как хотели различать эти суждения?

Некоторые хотели найти другое различие между синтетическим и аналитическим суждениями, различие, основанное более на значении самих слов синтез и анализ. Первое значит соединение, составление, а второе раздробление: отсюда полагали, что анализ есть то действие души, когда она раздробляет свои представления, находит в них вообще все, что они заключают в себе; напротив того, синтезом, или синтетическим суждением, называли противоположное действие души, когда она сводит, сличает свои представления, или составляет из различных представлений одно понятие. Но и это новое объяснение не дает права признать синтетические суждения отличными и самостоятельными: ибо сличение, раздробление и сведение суть одно нераздельное действие души или рассудка. Никогда душа не раздробляет своего представления без того, чтобы тотчас не почувствовать сходства и различия его с другими представлениями. Чтобы найти все, что заключено в известном представлении, надобно его раздробить; напротив того, сводя или синтезируя разные неанализированные представления, мы ничего открыть не можем, т.е. не можем составить из них ни одного суждения.

§91. Можно ли математические суждения назвать синтетическими?

Кант, и вслед за ним многие из его последователей, указывал на суждения математические, как на такие, кои заключают в себе синтез, а поэтому должны быть названы синтетическими. В доказательство сего Кант приводит следующее суждение: $7+5=12$, «Во всяком аналитическом суждении, говорит он, сказуемое мыслится (заключается) в самом подлежащем; но здесь сказуемое 12 не содержится ни в 7, ни в 5; следовательно суждение $7+5=12$ есть синтетическое». Но здесь Кант выпустил из внимания одно не большое обстоятельство, а именно, что подлежащее этого предложения не есть собственно ни 7 ни 5, а есть знак +; но в этом-то знаке и заключается сказуемое 12. Если это математическое предложение мы выразим словами, то оно примет следующую форму: соединение (сложение) 7 и 5 есть 12. Следовательно, подлежащее здесь заключается в слове соединение, сложение (+), а сказуемое 12 прямо вытекает из понятия заключенного в слове соединение. Вообще замечательно, что Кант никогда не мог найти удачных примеров, которые бы оправдали его теорию синтетических или априорических суждений. Столь же неудачны определения и примеры синтетических суждений, встречающиеся во всех других Логиках и Психологиях. В замечательной Логике, изданной недавно ученым Профессором Г. Карповым, суждение синтетическое определяется следующими словами: «суждение синтетическое есть то, в котором сказуемое выведено не из понятия, служащего подлежащим суждения, а взято под понятием, как ограничение одного из принадлежащих ему общих признаков». В этом определении находим следующие несообразности: 1-е, взять сказуемое под понятием подлежащего есть одно и то же; 2-е, говорится, что в синтетическом суждении сказуемое выведено не из подлежащего, а между тем оно есть «ограничение одного из принадлежащих ему общих признаков»; но если сказуемое есть ограничение одного из принадлежащих подлежащему

общих признаков, то оно необходимо и должно в нем заключаться: ибо всякий признак, как общий так и частный, всегда заключается в том, чему он служит признаком.

Примеры синтетических суждений, приводимые Г. Профессором Карповым, ничем не отличаются от аналитических. Они суть следующее: это дерево – липа; эта бумага – бела и проч. Если их разобрать беспристрастно, то они окажутся вполне аналитическими. Липа есть частный вид общего понятия – дерево. Когда я, при виде известного предмета, говорю: это дерево липа: то очевидно, что в этом предмете нахожу те признаки, которые принадлежат дереву; иначе не назвал бы его деревом; следовательно липа, как частное понятие, заключается в общем понятии – дерево. В предложении: эта бумага бела, признак белизны необходимо заключается в понятии бумаги: ибо в нем необходимо заключается признак какого-либо цвета, потому что нельзя представить себе бесцветной бумаги, а отсюда и признак белизны, которая есть частный вид цвета.

Словом сказать, при всем нашем искреннем желании и старании найти действительные и верные основания и примеры для синтетических суждений, мы беспристрастно и без предубеждения должны сказать, что таких суждений нет и быть не может.

§92. Каким методом душа приобретает познания?

Как нет суждений синтетических, так нет и метода синтетического. Единственный метод, коему природа научила нас с первых дней жизни, которым мы приобретаем, умножаем и поверяем все свои познания есть анализ. Мысль эту подтверждает вся история образования и успехов точных естественных и математических наук, которые всеми своими успехами обязаны строгому анализу. Мысль эта подтверждается каждым усилием ума в изучении какого бы то ни было предмета. Хочет ли ботаник изучить какое либо растение? Он анализирует его, рассматривает все его свойства, отыскивает в нем те признаки, по коим оно должно принадлежать к тому или другому семейству. Хочет ли механик объяснить себе устройство какой-либо машины? Он должен обратить внимание на каждое колесо, пружину, должен узнать действие и взаимное отношение всех её частей; словом – анализировать её. Логик, желая изучить какое-либо понятие, должен угадывать из каких признаков, свойств и представлений сложилось в уме это понятие. В особенности же математика обязана всеми великими своими успехами аналитическому методу многих великих умов. Но покажите хоть одно открытое, хотя один успех, один шаг вперед, сделанный какою либо наукою при помощи синтеза! Между тем о нем толкуют с важностью, как о великом действии ума человеческого.

Скажут: разложивши какой-либо изучаемый предмет, напр., машину или понятие ума, надобно его сложить, иначе изучение будет неполно: мы будем знать все части, но что из них выходит в целости нам не будет известно. На это отвечаем следующее: анализ нужен для изучения машины, или понятия умственного, но синтез не нужен: ибо машина уже готова, понятие ума уже сложено; их надобно лишь изучить, и для того анализировать. Все вообще предметы для изучения суть нечто готовое, данное. Мало того, машинист, прежде чем составил или построил машину, уже сделал умственный анализ всем её частям; он уже сообразил и определил все её колеса и пружины: значит и

самому построение машины предшествовал умственный её анализ, иначе машина не появилась бы на свет. Так точно и вся природа. Творец уже устроил эту чудную машину во всех её частях; Он уже сделал синтез; нам остается делать анализ.

§93. Значение математических аксиом

Защитники синтетических суждений *a priori* более всего опирались на математические аксиомы, как на доказательства их бытия и возможности. Математические аксиомы, по их словам, имея всеобщность и необходимость, будучи принимаемы всеми без всякого доказательства и прекословия, явно обнаруживают свое апприорическое происхождение. Чтобы увериться в неосновательности этого, разберем значение и силу математических аксиом.

Математические да и всякие аксиомы суть предложения чисто тождественные; они суть выражения главного закона мышления, тождества. Но первоначальная и простейшая формула тождественного суждения есть следующая: $a = a$; иначе, все равно самому себе; величина тождественна, т. е., равна самой себе. Никто не станет спорить с нами, что это действительно так. Возьмите и разберите любую математическую аксиому и вы уверитесь в её тождественности. Напр., в предложении: «целое больше своей части», понятие о целом само в себе включает представление того, что оно больше части: следовательно, «целое больше своей части» просто значит: целое равно целому, $a = a$. В предложении: «часть меньше целого», понятие о части означает именно то, что меньше целого: следовательно эта аксиома есть тоже, что – часть есть часть, $a = a$. Две величины, порознь равные третьей, равны между собою – опять видоизменение тождественного предложения: если $a = b$ и $c = b$, то $a = c$ или $a = a$. Словом, какую ни возьмем математическую аксиому, всегда увидим, что она есть видоизменение тождественного предложения. Таковы и метафизические аксиомы, как это мы показали выше. Напр., сказать, что без причины ничего не бывает, все равно, что сказать – из ничего ничего не бывает, или в форме математической $0 = 0$. Отсутствие всякой причины есть ничто: следовательно сказать, что без причины что-либо может произойти, все равно что сказать в одно время об одном предмете: да и нет. Или предложение: всякая причина

предполагает следствие, все равно, что причина есть причина, $a = a$.

Теперь не трудно понять, в чем заключается сила, и отчего происходит всеобщность и необходимость этих аксиом. Сила эта именно происходит от их тождественности. При первом же взгляде на такие предложения уже представляется то, что в них собственно ничего не утверждается, что сказуемое есть тоже самое подлежащее, только выраженное другим термином. Кто помнит процесс, происходивший в своем уме в то время, когда ему в первый раз приходилось вдумываться в устройство и значение аксиомы: тот вполне согласится с тем, что мы именно и принимаем их потому, что видим их тождественность, видим в них отсутствие всякого содержания. Не смешно ли предполагать, что предложение $a = a$, целое равно целому и подобные, потому только всеобщи и необходимы, потому только принимаются всеми, что они врожденны уму человеческому, или что в уме нашем есть заранее данная для них форма! К чему эти предварительные приготовления ума к составлению аксиом, когда они не имеют решительно никакого содержания, когда в них ровно ничего не утверждается. В аксиоме: целое равно всем своим частям, говорится, что $a = a$. В ней субъекту a (целое) совершенно ничего не приписывается, но говорится что a есть a . В предложении: целое больше своей части, субъекту «целое» ничего не придается, а говорится только, что целое есть целое. Это предложение все равно, что тысячи других: перо есть перо, лошадь есть лошадь, и проч. Ум их принимает потому, что они тождественны и не имеют в себе содержания¹³.

Вот почему Кант синтетические предложения *a priori* хотел объяснить иначе и полагал, что в них субъекту приписывается предикат, ему чуждый; однако нигде не мог найти ни одного на то примера.

§94. О верховном законе правильного мышления

Верховный логический закон, которым нужно поверять истинность всякого суждения, на котором утверждается сила даже всех тождественных суждений есть *закон противоречия*. Простейшая формула его следующая: нельзя в одно время и об одном предмете и утверждать, и отрицать что либо. Или: нельзя говорить и да и нет в одно время об одной и той же вещи, или, нельзя сказать, что *a* не есть *a*. Почему ум наш почитает такое правило непреложным, это понятно само собою, и нет никакой нужды предполагать какие либо заранее существующие в душе формы для объяснения сего закона. Закон сей в разных формах и видах имеет великое употребление, как в математике, так и в мышлении. Для опровержения каких-либо мыслей обыкновенно стараются найти в них противоречие себе самим, или по крайней мере противоречие другим доказанным очевидным истинам. В математике же для доказательства ложности какого-либо суждения стараются привести его *ad absurdum*. Притом же надобно еще заметить, что все логические, так называемые общие законы мышления суть видоизменения закона противоречия. Возьмем хоть закон тождества. Почему мы принимаем за аксиому положение $a = a$: всякая величина равна себе самой? Потому что думать иначе будет явным противоречием, потому что нельзя утверждать, что, *a* есть и не есть *a*. Другой логический закон исключенного третьего также есть видоизменение начала противоречия: ибо о предмете надобно утверждать или да или нет, третьего утверждения не может быть, и оно будет противоречием. Таким образом, логическое всеобщее начало для поверки мышления только одно, именно – закон противоречия.

Глава четвертая. О душевных состояниях

§95. Содержание главы, связь её с предыдущим и разделение

Представления наши имеют две стороны: они, во 1-х, служат основанием наших суждений, умозаключений и вообще всего мышления; во 2-х, они, хотя не все, но большей частью сопровождаются чувствованием удовольствия или неудовольствия: след, служат источником душевных состояний, или сердечных чувствований. Первую сторону их мы показали в предыдущей главе, где старались объяснить, как из них истекают все наши познания. Здесь же мы постараемся описать те чувствования, какие они производят в нас в разных случаях. Чувствования сии составляют внутреннюю жизнь дитяти и отличаются от познаний тем, что они в душе происходят не столь отчетливо, то есть, мы часто не можем угадать причины, их породившей, и не умеем отличить их друг от друга.

Притом же, чем они бывают глубже и напряженнее, тем делаются темнее и безотчетнее; тогда как познания наши, по степени своего возвышения, делаются яснее и сознательнее. Поэтому-то анализ душевных состояний или чувств затруднительнее, чем анализ познаний.

Точно такую связь с представлениями имеют страсти человеческие: ибо страсти суть сильнейшие желания; но желания, как было объяснено во 2-ой главе, суть действия познавательных способностей; они рождаются от представления удовольствий, ожидающих нас в том, или другом случае. По этому, разделив эту главу на три части, изложим в первой – понятие обо всех приятных и неприятных чувствованиях души; во второй – рассмотрим страсти, как особый род душевных состояний, а в третьей – сделаем некоторые общие выводы и замечания.

А. О состояниях души приятных и неприятных

§69. Общий источник всех душевных состояний

Душевные состояния, или чувства удовольствия и не удовольствия, являются в душе не случайно, а имеют свои причины и свои постоянные законы.

Источник, из которого они истекают, всегда один и тот же; а причина, которая их поддерживает, усиливает или ослабляет, всегда имеет тесную связь с самою природою человека. Этот источник есть общее всем людям чувство самосохранения, или, если хотите, самолюбия. Естественно, что человек любит самого себя и старается о самосохранении; без этого чувства человек не был бы человеком; а потому естественно также, что человеку нравится все, содействующее его самосохранению, и рождает в нем неудовольствие все, что мешает этому чувству и препятствует его жизни.

§97. О приятном и неприятном вообще

Из предыдущего открывается, что приятное для человека заключается в том, что удовлетворяет чувству самосохранения, или иначе естественным нуждам человека, а неприятное – на оборот. Судя по этому, приятного и неприятного в жизни должно бы быть очень не много: потому что естественных нужд у человека, собственно говоря, очень мало. Творец дал человеку такую природу, нуждам которой очень не трудно удовлетворить; но, к несчастью, человек так удалился от природной жизни, что у него явились тысячи искусственных, но не менее настоятельных нужд. Много ли нужно человеку для того чтобы одеться, а между тем сколько придумано для одежды вещей, лишение коих становится нуждою для человека! Чтоб быть сыту, довольно куска хлеба и мяса; но, сколько придумано многообразных яств, привычка к которым делает их настоящей необходимостью для нас. Чтоб удовлетворять жажде, природа дала прекраснейший, готовый напиток; но люди придумали для этого тысячи других средств, недостаток коих составляет несчастье для многих, а приобретение – источник многих удовольствий. Отсюда и происходит такое множество приятного и неприятного в жизни человека: ибо лишение всего того, к чему он привык, служит для него источником неудовольствий, а представление о них рождает в нем приятные чувства. Отсюда следует также и то, что чем человек живет проще, чем он более ограничивает свои нужды, тем он счастливее. Пусть говорят политики-экономисты, что развитие роскоши и умножение потребностей споспешествует к усилению торговли и общего благосостояния! Психолог, изучающий душу человеческую, ясно понимает, что, чем больше нужд и привычек у человека, тем он несчастнее, хотя бы всем своим нуждам он и легко мог удовлетворить.

§98. Радость и печаль

Радость есть то удовольствие, или приятное ощущение, которое рождается в нас, или при мысли, что мы обладаем каким-либо желанным благом, или при удовлетворении какому-либо стремлению, а иногда естественной нужде, или требованию привычки. Чувство радости иногда предшествует действительному обладанию желанным благом, или удовлетворению привычке, и рождается от одной надежды, что мы можем получить то благо, к которому стремимся. Так, напр., человек больной радуется от одной надежды, что он скоро выздоровеет; напрягший все усилия к приобретению какого-либо блага радуется при одной мысли, что он скоро достигнет своей цели. По странному капризу сердца человеческого, многие гораздо более испытывают радости до получения какого-либо блага, от одной мысли о своей близости к цели, чем после получения его; так что часто у самой цели своих помыслов уже разочаровываются, или, по крайней мере, чувствуют менее удовольствия. Вероятно, это происходит от воображения, которое заранее сулит нам удовольствий более чем можно получить в действительности, и рождает преувеличенные надежды, не всегда оправдываемые на деле.

Высшая степень радости называется восторгом. Восторг есть состояние напряженное, в котором человек долго оставаться не может, и которое часто вызывает другую крайность, т.е. грустное расположение. Не всякий человек равно склонен к радости или к восторгу: есть люди, кои совсем не способны к восторженному состоянию; другие, напротив, от всего приходят в восторг.

Чувство радости не должно смешивать с веселостью. Веселость больше относится к нраву и означает некоторую постоянную склонность к обнаружению приятного расположения духа, происходящую, если оно бывает непритворное, а истинное, от внутреннего довольства, от душевного спокойствия.

Чувство противоположное радости называется печалью. Печаль происходит в душе при мысли о том благе, которое мы или утратили, или не могли получить, не смотря на все наши старания. Печаль бывает тем сильнее, чем более воображение напоминает нам о потерянном благе, или рисует нам картину тех удовольствий, какие могло бы доставить нам то или другое благо. Таково, напр., состояние матери, оплакивающей смерть сына. Воображение беспрестанно рисует ей черты умершего; она воспоминает об его привычках, об уме, о всем, что так было ей дорого, в чем она находила столько удовольствия, и все это служит пищей её печали. Поэтому, кто хочет утешить человека печального, тот должен развлекать его, т. е., заставить его не думать о своем горе, удалить от него все, что напомнило бы ему о предмете печали. Отсюда происходит и то, что время лучше исцеляет раны сердечные, чем словесные утешения.

Но мы часто испытываем печаль и при виде чужой горести. Даже одно воспоминание о скорби ближнего рождает в нас печаль: но самый вид скорби, зрелище страданий ближнего, особенно же близкого нам человека, возбуждает в нас сильную скорбь. В этом случае печаль наша есть *сочувствие* страданиям ближнего. Кто внимательно наблюдал состояние своей души, когда она испытывает *сострадание*: тот мог заметить, что человек в этом состоянии как бы поставляет себя на место страждущего; воображает, как бы он страдал сам, если был в подобном положении: словом возбуждает в себе то самое чувство, какое находится в страждущем. Вот почему некоторые слабонервные особы не могут выносить вида чужих страданий; они, как бы сами испытывают в это время те муки, какие представляются их глазам.

Замечательно, что на языке человеческом существует много слов для выражения разных видов печали; тогда как противоположное ей чувство имеет только одно название – радость. Это происходит или от того, что в жизни людей гораздо более печалей, чем радостей, или от того, что все неприятное мы чувствуем глубже и помним дольше, а все радостное скоро забываем.

Слабейшая степень печали обозначается словом *огорчение, грусть*. Слово *досада* выражает иногда слабый вид печали, а иногда печаль, соединенную с другим неприятным чувством – гневом. Скорбь иногда выражает высшую степень печали, иногда же употребляется в смысле, совершенно равносильном слову печаль. Высшую степень печали называют также унынием. Оно бывает соединено с потерей энергии, упадком всех сил физических и духовных. Впрочем, вообще говоря, трудно дать точное и определенное значение сим словам: ибо чувство всегда трудно выразить словами. Когда, напр., я говорю «досада», то всякий по собственному опыту лучше может понять, что я хочу выразить этим словом, нежели когда я стараюсь объяснить это чувство другими словами.

§99. О наружных признаках радости и печали

Радость оживляет человека, возбуждает его энергию; в радости человек как бы расширяется; голова поднимается вверх; глаза смело устремлены на всех; поступь твердая и легкая. Напротив того печаль убивает силы: человек как будто сжимается, голова наклонена, глаза потуплены, лицо туманно. Но контраст между сими чувствами бывает гораздо замечательнее при их напряжении. Радость любит излиться, обнаружиться в чем-либо. В радости человек бывает общителен, хочет с кем-либо поделиться; особенно трудно затаить в себе восторг; в восторге человек готов обнять всякого, даже врага своего. Такая общительность радости происходит, кажется от того, что радость наша увеличивается, если кто-нибудь разделяет ее с нами. Стараясь сообщить другому свой восторг, мы просто следуем порыву тщеславия, мы как бы хвастаем своим счастьем, мы хотим, чтоб все нам завидовали. Горесть и уныние, напротив того, не общительны. Унылый человек бывает молчалив, любит уединяться, скрываться от людей. Все это есть действия того же тщеславия и самолюбия. Мы не хотим возбуждать в людях сожаления к себе; гордость не позволяет нам делать себя предметом соболезнования одних и тайной радости других. Но бывает и на оборот. Бывает, что человек, как говорится, рисуется своей печалью, ищет возбудить сожаление в других, хочет как бы сказать: смотрите, сколько я выношу горя! Я настоящий герой страдания!

Нельзя здесь пройти молчанием того замечательного явления, что душа человеческая часто находит какое то странное удовольствие в самой печали, что ей приятны тихая грусть, горестное настроение мыслей. Иначе нельзя объяснить того факта, что мы с таким удовольствием слушаем печальную музыку, печальные песни, что народные песни больше всего дышат грустью, проникнуты меланхолией. Не от того ли это происходит, что чувствовать вообще – значить жить, а душа естественно привязана к жизни и к чувствам, какие бы они ни были?

§100. Зависть

Зависть есть чувство неудовольствия или даже скорби, происходящее в душе при виде блага, принадлежащего другому, – блага, которое нам хотелось бы иметь самим. В этом смысле зависть можно назвать особенным видом печали.

Из всех чувств зависть наиболее распространена между людьми, так что редкий может служить исключением из этого правила. Все может возбуждать и питать это низкое чувство. Малейшие выгоды, принадлежащие другим, кажутся обидой завистливому. Благо, которое в чужих руках возбуждает его зависть, теряет половину своей цены, когда им приобретается. Очень редко бывает, чтоб это дурное чувство не порождало множества других, не менее дурных чувств. Завистливый легко предается гневу, при виде умножения благ ближнего; он бывает рад, когда предмет его зависти терпит несчастья; он готов мстить ему, как своему личному врагу; все добрые чувства – любовь, сожаление, радость недоступны сердцу, исполненному зависти. Наконец, зависть еще тем отличается от других чувств, как напр., гнева, страха, отчаяния и пр., что сии последние чувства бывают временные и скоропроходящие, и хотя действуют сильно, но скоро и исчезают; зависть же, хотя никогда не овладевает душой в такой сильной степени, но за то бывает продолжительнее.

§101. Надежда и отчаяние

Надежда есть приятное состояние души, происходящее от представления, что мы получим благо, к которому стремимся и которое способно доставить нам удовольствие. Таким образом надежда есть как бы предварительное наслаждение тем благом, которое ожидает нас в будущем. Это состояние предшествует, сопровождает и поддерживает душу во всех её стремлениях, так что душа без неё не могла бы напрягать своих сил для получения чего-либо. Хотя разум часто внушает человеку, что он не должен ожидать успеха в некоторых случаях; хотя опыт научает, что те или другие стремления не могут достигнуть цели, но надежда не только не покидает его, но всегда подкрепляет и возбуждает его силы, так что большая или меньшая степень надежды часто служит ручательством успеха в известных предприятиях. Сердце человеческое так сродно надежде, что она, говорю, не покидает нас в самых отчаянных и крайних случаях. Утопающий, говорят, хватается за соломинку, а это выражает ту мысль, что надежда не покидает нас и там, где, по-видимому, нет никаких оснований надеяться. Эта упорная привязанность человека к сему чувству объясняется любовью к жизни и чувством самосохранения которые составляют основу нашей жизни, и которые покидают нас лишь вместе с самой жизнью.

Отчаяние есть чувство противоположное надежде. Оно происходит от представления, что мы не можем уже приобрести того блага, к которому стремились. Отчаяние имеет свои степени и свой, так сказать, объем. Чем выше и необходимее то благо, получить которое мы отчаялись, тем чувство это бывает тяжелее для нас. Сильная привязанность человека к жизни заставляет его отвращаться чувства отчаяния; если надежда обманула в одном, он начинает стремиться к чему-либо другому. Но, если отчаяние сильно овладело душой, оно производит в ней страшное опустошение, лишая ее энергии, притупляя всякое чувство. Иногда же, как это ни странно, внезапное отчаяние производит совершенно противоположное

действие: оно напрягает душевные и телесные силы до изумительной степени, так что человек в отчаянии совершает такие дела, которых в спокойном состоянии никогда не мог бы исполнить.

§102. Страх и мужество

Страх есть то неприятное и беспокойное состояние души, в которое впадает она от представления близкого несчастья, или близкой опасности. Чувство страха овладевает душой внезапно и сильно; иногда же останавливается на низшей степени, если душа твердостью воли побеждает его. В начале своем оно бывает простым беспокойством, которое не ясно представляется уму; но, по мере усиления, оно делается тягостнее, и наконец овладевает всею душой, заглушая в ней все прочие чувствования. На этой степени оно называется ужасом. Ужас производит оцепенение, т.е. так поражает все силы души и тела, что человек не может ни мыслить, ни двигаться. В этом состоянии лицо бледнеет; волосы становятся дыбом; кровь приливает к сердцу; руки и особенно колена дрожат; дыхание стесняется; язык немеет. Но иногда бывает и наоборот человек получает, как в отчаянии, необыкновенную энергию и обнаруживает необычайные силы. Замечательно еще одно обстоятельство, именно, что страх в большой массе людей делается заразительным; от чего произошло название панический страх. Панический страх тем отличается от обыкновенного, что он, переходя от одного к другому, растет подобно снежной лавине.

Слово «мужество» часто употребляется, как выражение душевного состояния, противоположного страху; но кажется, что мужество не есть собственно какое-либо определенное ощущение, а общее настроение души, т.е. уверенность в собственных силах, и относится более к характеру, нежели к душевным ощущениям.

§103. Гнев со всеми его степенями

Гнев есть то неприятное ощущение души, которое рождается в человеке или при мысли, что у него отнимают какое-либо благо, ему принадлежащее, или при виде оскорбления наносимого ему кем-нибудь. Это чувство рождается в нас иногда и от внутренней причины; когда, напр., мы по какому-либо поводу бываем недовольны самими собою. Оно всегда почти сопровождается стремлением излиться на чем, или на ком-либо, удовлетворить себя чем-либо. Чувство гнева имеет множество степеней и видов. Низшие степени гнева: а) *досада* или *огорчение*, когда человек чувствует какое-то нетерпение; б) *раздражительность*, когда человек часто предается гневу: она происходит чаще всего от болезненного состояния организма; в) *каприз*, так называется гнев беспричинный, неосновательный: он более свойственен детям и людям избалованным. Высшая степень гнева называется *яростью*, а иногда *бешенством*. В этом крайнем напряжении чувств люди теряют всякую власть над собою и готовы, так сказать, все уничтожить. Чувство мстительности, желание излиться на чем-либо, особенно сильно обнаруживаются в ярости.

§104. Гордость

Гордость есть чувство, которое рождается в нас, когда мы представляем или, так сказать, созерцаем умственно свои достоинства действительные, или воображаемые, внутренние или внешние, и когда сравниваем свое положение и временные блага, напр., богатство, происхождение и проч., с положением и благами других людей. Иначе ее определяют так: гордость есть удивление самому себе. В самом деле, если хорошенько вникнем в состояние души человека гордого: то окажется, что он внутренне как бы удивляется себе самому, отдает преимущество и похвалу своим достоинствам. Из всех чувств гордость есть ближайшее исчадие самолюбия; и поскольку нет человека без самолюбия, то редко бывает и без гордости. Удивительно то, что как бы человек ни был несчастен и обижен судьбою, как бы он ни был ограничен по внешнему и внутреннему состоянию, он всегда найдет случай сравнить себя с другим и внутренне отдать себе преимущество. Даже нищие часто гордятся друг пред другом своими лохмотьями и презирают один другого. Гордость не редко заставляет нас приписывать себе такие достоинства, которых в нас нет, и мешает видеть те действительные недостатки, знать которые было бы нам полезно. Как часто мы гордимся даже тем, что достойно стыда!

Гордость ничего не, имеет общего с похвальным чувством уважения к самому себе, которое должно быть основанием доброй жизни и следствием истинных достоинств: только мы должны уважать не слабости свои, а то что достойно в нас уважения, и в следствие того – стремиться к исправлению.

Гордость имеет свои изменения и степени. *Тщеславие* есть склонность находить удовольствие в пустых и ничтожных преимуществах: напр., в красоте, в богатстве одежды и проч. *Спесь* иногда означает высшую степень гордости, иногда же есть название всего того, что гордость заключает в себе смешного. *Надменность* выражает высшую степень гордости: она невольно проявляется в наружных признаках, каковы:

некоторая торжественность в речах и движениях, поднятая вверх голова, важный взгляд и проч. Все сии признаки редко не бывают смешны: ибо редкий умеет сделать их выражением внутренних достоинств.

Наконец весьма достойно замечания, что гордость чаще всего бывает свойством людей ограниченных, нежели истинно умных и достойных. Это не трудно впрочем объяснить. Человек истинно умный не может предаться гордости: ибо, хотя он и чувствует в себе много достоинств, но, в тоже время, очень хорошо понимает и свои недостатки. Напротив того, ограниченный ум не может оценить себя по справедливости; ему всегда кажется, что он обладает удивительными достоинствами. Случается, впрочем, и очень часто, что видимую спесью некоторые намеренно прикрывают внутреннюю пустоту души.

§105. Презрение

Чтобы хорошо понять это чувство, надобно помнить, что оно иногда бывает следствием гордости, а иногда рождается из других более благородных и похвальных чувств. В последнем случае, презрение чаще всего есть неудовольствие, или неприятное чувство, которое является в душе от представления какого-либо низкого и бесчестного поступка или свойства, и тогда к чувству презрения всегда примешивается некоторая досада, некоторый гнев на лицо или поступок. Но, если презрение рождается от гордости, то оно есть как бы мысленное уничижение и пренебрежение всех других личностей в сравнении с собственной личностью.

Чувство презрения может быть иногда обращено и к самой нашей личности. Бывает часто, что человек, обладаемый пороками и доведший себя до нравственного унижения, обращаясь мысленно к своей личности, начинает презирать самого себя, начинает стыдиться своих поступков: и тогда это чувство выражается в угрызении совести, в досаде на самого себя и бывает очень тягостно, но за то становится нередко началом исправления и доброй жизни. Впрочем самолюбие человека таково, что он редко презирает даже свои недостатки.

§106. Стыд

Стыд есть тягостное ощущение, рождающееся в душе при мысли, что мы совершили что-либо недостойное, смешное или низкое. Иногда это чувство рождается не только при совершении дурного дела, но при одной мысли о нем, и даже при взгляде на чей-либо дурной поступок. Большая или меньшая склонность человека к сему чувству зависит от разных обстоятельств. Иной стыдится очень часто и очень многих вещей, другой же испытывает это чувство в редких случаях. Воспитание, нравственное состояние, характер и другие обстоятельства определяют его степени. Кто получил хорошее воспитание, с малых лет привык к добрым мыслям и поступкам, чаще и более других стыдится всего дурного. Еще больше значит в этом случае привычка. Вид порока, который в первый раз покрывает стыдом лицо человека, не внушает ему никакого смущения, как скоро он привык к нему. Замечательно в особенности то, что много есть людей чрезвычайно и непритворно стыдливых в обществе, но очень смелых на всякие поступки наедине.

Чувство стыда может и должно служить рычагом для управления людскими поступками; в особенности должно пользоваться им при воспитании детей, в которых оно еще не заглушено знакомством с пороками.

§107. Об удивлении

Все вообще душевные состояния трудно поддаются умственному анализу, но между ними всего труднее анализировать удивление. Всякий, по собственному внутреннему опыту, более или менее понимает, что значит удивление; но пересказать или определить это состояние души, кажется, нет возможности. Удивленно нельзя приписать даже и того, что составляет отличительный признак предыдущих состояний, именно, приятного или неприятного ощущения: потому что оно собственно есть состояние безразличное. Причиной, которая возбуждает в нас удивление, бывает что-либо необыкновенное, неожиданное и не похожее на все то, к чему мы привыкли и что ожидаем по естественному ходу вещей. Далее, естественно, что человек опытный, умный, не так часто испытывает чувство удивления, как человек неопытный, малосведущий: ибо первому все известно, все предвидено, а второму все ново, непонятно. Вот от чего дети всему и всегда удивляются.

Мы сказали, что удивление есть чувство безразличное: и на самом деле в нем не бывает неудовольствия. Правда, иногда говорят: я был приятно удивлен; я был неприятно поражен и пр.; но при этом разумеют такие случаи, когда чувство удовольствия и неудовольствия возникло в нас от каких-либо неожиданных причин, и след., в них, кроме приятного и неприятного, примешалось еще удивление от нечаянности.

Б. О страстях

§108. Определение и отличие страстей от прочих душевных состояний

Страсти суть также душевные состояния; но от предыдущих они отличаются тем, что преобладающей элемент в них есть сильное и непрерывное желание, или стремление к известному удовольствию; тогда как предыдущие душевные состояния суть самые чувствования приятные и неприятные. Далее, все вообще страсти суть видоизменения одной любви; но для описанных выше душевных состояний нельзя указать такого источного начала. След., здесь мы, прежде всего, должны исследовать, что такое любовь.

§109. Любовь

Помышляя о том удовольствии, какое доставляет или доставлял нам известный предмет, мы чувствуем к нему любовь или стремление. Напр., если кто говорит, что он любит виноград, то этим выражает, что вкушение винограда доставляет ему удовольствие.

Любовь определяют еще как стремление души – обладать любимым предметом, и это большей частью справедливо; однако же бывают случаи, когда любовь есть простое ощущение удовольствия, при представлении какого-либо предмета, без желания или стремления обладать этим предметом. Напр., я люблю красивое местоположение: это не значит, что я желаю обладать сим местоположением, а значит то, что вид его доставляет мне удовольствие. Тоже самое можно сказать и о всякой любви родственной, как то: о любви к детям, к родителям, к друзьям и к другим лицам. Здесь любовь есть ощущение удовольствия, производимого в нас самим бытием и самим счастьем любимого предмета. Человек иногда чувствует любовь даже к ничтожным вещам, но только в том случае, когда они возбуждают в нем и какие-либо приятные воспоминания.

§110. Какие частные страсти рождаются от любви

Любовь, как источник всех страстей, заключает в себе существенный элемент, делающий ее страстью, именно – желание или стремление обладать предметом любви. В этом последнем случае любовь проявляется, как следующие частные страсти: 1-х, страсти телесные: а) объедение и пьянство; б) страсть к зрелищам. Телесными называются сии страсти от того, что они имеют своим источником чисто телесные впечатления; 2-х, страсти духовные, т.е. происходящие от душевных представлений: а) корыстолюбие; б) честолюбие; в) страсть к научным занятиям и пр. Но прежде, чем мы будем рассматривать сии видоизменения любви, мы должны изложить еще понятие о ревности и ненависти, двух непосредственных следствиях любви.

§110. Ревность

Ревность есть следствие любви и видоизменение зависти. Она рождается от того, если мы предмет любви своей видим в чужом обладании, или предполагаем, что он не имеет к нам сочувствия, или по крайней мере, более сочувствует другому лицу, чем нам. Тогда это другое лицо делается существом, внушающим нам неудовольствие, ревность. Ревность есть чувство в высшей степени неприятное и – тем неприятнее, чем предмет любви, возбуждающей ее, дороже и ближе к нашему сердцу. Она бывает или следствием сильной любви, хотя и не заключается в ней necessarily, или следствием недоверчивости к самому себе, когда человек начинает считать себя не стоящим любви, или, наконец, следствием подозрительного и беспокойного нрава. Но, во всяком случае, это чувство не одобрительное и, при высшем своем развитии, чрезвычайно мучительное. В нем могут скрываться и оскорбленное самолюбие, и гордость, и чувства мстительности, и многие другие, не менее низкие чувства.

§112. Ненависть

Ненависть есть чувство противоположное любви. Это есть неудовольствие, рождающееся в душе, при представлении какого-либо предмета или лица, причиняющих нам огорчения. Ненависть, как и любовь, весьма часто бывает обращена к вещам неодушевленным, и в таком случае она есть воспоминание о каком-либо неудовольствии, связанном с этой вещью. Чувство любви включает в себе желание обладать предметом любви; напротив, чувство ненависти включает желание удалить от себя, даже уничтожить, предмет ненависти.

Ненависть чаще всего бывает следствием каких-либо нанесенных нам обид или оскорблений со стороны предмета, возбудившего это чувство. Но из всех обид гораздо чувствительнее для человека бывает та, которая касается предмета или чувства, наиболее им любимого. Для ученого всего чувствительнее оскорбление его учености; для корыстолюбца досаднее всего уменьшение его корысти; для матери прискорбнее всего оскорбление её детей и пр. Но ненависть всего опаснее тем, что возбуждает желание мести, желание, которое у многих превращается в жестокую страсть. Нет нужды описывать подробно, какие страшные следствия влечет за собою эта ужасная страсть. История полна примерами её действий. Всего ужаснее то, что у некоторых племен желание мести обращается в священную обязанность. Напр., у Корсиканцев оно является в виде *venedetta*, у дикого кавказского горца – в виде непременной обязанности мщения за кровь.

§113. Объедение и пьянство

Страсти телесные как было выше замечено, называются так от того, что удовольствие, в них заключающееся, проистекает из впечатлений телесных. Таковы более всего *объедение и пьянство*. Первое состоит в желании, как можно более и чаще получать приятное ощущение, происходящее во время принятия пищи, а второе, кроме желания удовлетворить требованию вкуса, состоит в стремлении произвести в себе то приятное состояние, которое называется опьянением, т.е. сначала возбудить в себе веселость, а потом отуманивание головы, помрачение ума и чувств. Впрочем в пьянстве некоторым больше нравится сам процесс питья, самое ощущение вкуса вин, а другим – само опьянение, которое бывает следствием питья; тогда как в объедении всякому нравится лишь один процесс ощущения вкуса, и некоторые едят много именно из-за этого удовольствия, хотя обременение желудка, тяжесть головы и проч. бывает в последствии для них неприятно.

Эти две страсти суть самые низкие и животные: они унижают разумные существа до степени скотского состояния. Может ли обжора или пьяница быть способен к чему-либо возвышенному и благородному, когда он занят лишь представлением о блюдах и желанием забыться, омрачиться от вина. Между тем удовольствий, доставляемый вкусными яствами и хорошими винами, так привлекательна и заманчива, что на какой бы степени умственного развития не стоял человек, он всегда более или менее поддается этим страстям. Смело можно утверждать, что между всеми, даже образованными людьми, мало можно найти таких, которые так, или иначе, не платили бы дань этим страстям, т.е. которые бы ели и пили именно столько, сколько требует их образ жизни, здоровье, занятия и пр. Многие ли думают о том, что для человека, ведущего сидячую жизнь, подверженного геморрою, каждый лишний глоток напитка содержащего алкоголь – вещь совершенно лишняя и часто вредная, и что чем меньше он пьет

и есть, тем бывает здоровее? Кому придет, напр., в голову, что половина тех яств и напитков, которые мы привыкли употреблять, даже больше, чем половина, вредны, излишни, совершенно чужды потребностям и свойству нашего организма! Все мы живем под владычеством привычек, рутины и излишества.

§114. Страсть к играм

Основание этой страсти заключается в волнении крови, происходящем от ожидания неизвестных результатов, столь заманчивого для человеческого любопытства. При всем разнообразии игр, главная привлекающая к ним причина именно заключается в том, что они волнуют кровь, питают надежды, возбуждают страх, радость, ожидание и пр. Отсюда очевидно, что страсть эта вмещает в себе много других душевных состояний и основана на волнении чувств. Всего более доказывается это так называемыми азартными играми. Впрочем, азартными могут сделаться всякие игры в известных случаях. В наше время две игры более всего распространены между людьми, картежная и бумажная. Не смотря на их видимое различие, они с Психологической точки зрения совершенно сходны между собою: ибо в обеих удовольствие состоит в волнении крови, в игре разных чувств –надежды, страха, досады, отчаянии, радости и пр.

Нет нужды распространяться о вреде этих страстей: примеры говорят лучше всего, а примеры видимы всякому. Страннее всего то, что, не смотря на все муки, на все страдания, какие душа выносит от игр, человек все таки не может от них отказаться. Какое громадное усилие воли требуется для того, чтобы победить в себе не только сильную страсть, но и незначительную привычку! ясный признак, что человек по большей части бывает несчастным рабом своих страстей.

§115. Страсть к зрелищам

Страсть к зрелищам состоит в стремлении к удовольствиям, доставляемым впечатлениями зрения вообще; в частности же, здесь разумеется страсть к зрелищам театральным. Сии зрелища привлекают к себе всякого человека; но страсть, или сильное и неудержимое желание постоянно доставлять себе это удовольствие, бывает только у немногих, так называемых театралов. Разные театральные представления возбуждают в душе различные чувства. Комедия привлекает тем, что возбуждает смех, чувство веселости и приятного настроения духа; трагедия напротив, возбуждает в нас чувство сострадания, страха, надежды, сожаления, негодования, участия и пр.

Что сказать о нравственной стороне страсти к театральным зрелищам? В нравственном отношении то полезно, что питает добрые чувства, укрепляет душу, вливает трезвые впечатления; напротив того, все, что льстит дурным чувствам, расслабляет характер, возбуждает нечистое воображение, вредно. Отсюда не трудно решить, какое значение для души могут иметь театральные зрелища. Беспристрастно говоря, страсть к представлениям собственно драматическим не может заключать в себе значительного нравственного вреда; но не трудно понять, какое влияние могут иметь на людей те зрелища, которые распаляют воображение молодых людей видом обнаженных членов, страстных и возбуждающих движений красивых женщин. Какой сведущий Психолог, какой мыслящий ум, чистосердечно может объявить, что такие зрелища могут быть полезны кому-либо и в чем-либо? И посмотрите какой рождается плод от этих зрелищ: здесь жалкий безумец, жертвующий своим достоянием для приобретения благосклонности порочной женщины; там – другой, посвятивший все силы души, данные ему Богом для пользы ближних и собственной, на поклонение идолу зрелища; далее – двое других, вызывающих друг друга на смертельный поединок из-за улыбки срамной женщины!

Страсть к зрелищам тем еще отличается от других страстей, что она делается как бы всеобщей, народной: такова была она в Риме, во времена Императоров, когда народ требовал для себя только двух вещей, хлеба и зрелищ! Такова она в наше время в Париже и в некоторых других столицах.

§116. Корыстолюбие

Корыстолюбие есть сильное желание приобрести богатства, в особенности же деньги, которые служат представителями всякого богатства. Отличительное свойство этой страсти есть то, что она сильнее всех других распространена между людьми, так что нет почти ни одного человека, который не был бы ею заражен более или менее. Это происходит от того, что богатство есть средство к приобретению всех других удовольствий; но известно, что на земле мало людей, которые не стремились бы к каким-либо удовольствиям и не желали бы улучшить своего положения. Такое высокое значение богатства делает то, что корыстолюбие овладевает сердцем человека сильнее всех других страстей. Представляя себе те удовольствия, какие можно приобрести посредством богатства, уважение, всеми оказываемое богатому, с другой стороны, представляя все неудобства бедности, всякий напрягает свои силы к его приобретению. Иные употребляют даже непозволительные средства к обогащению себя, завидуют богатому, воображая его счастье и благополучие. Конечно, есть люди, кои стремятся к обогащению и с благими намерениями, желая употребить богатство на пользу ближних; но такие люди идут к своей цели спокойно и без страсти.

В душе некоторых людей страсть корыстолюбия часто принимает особое, отличительное направление. Большая часть людей хотят обогатиться лишь для того, чтоб вести приятную, независимую жизнь; но у иных богатство получает значение не средства, а цели. Такие люди находят удовольствие в одном созерцании своего богатства; их прельщаете и улаждает одно простое представление, что они богаты, что они имеют сокровища. Это – скупость. Подобное состояние души есть самое нелепое и бессмысленное. Может ли мыслящий человек подумать без удивления о скупце, лишаящем себя всех удовольствий из любви к деньгам! Простительно и понятно, если человек любит богатство, как средство к жизни и ко всем другим удовольствиям; но каким странным процессом разумная

душа доходит до того, чтобы наслаждаться одним видом богатства, трепетать от одного блеска золота, беречь деньги как предмет, который ей дороже всего. Не есть ли это род помешательства, когда человек наслаждается видом мешков, полных золота, и в тоже время терпит голод и холод?

Скупость, как факт, как душевное явление, если угодно, понятна и легко объяснима: человек изменил средство в цель и стал любить богатство, вместо удовольствий, от него получаемых; но странность заключается в том, как он мог дойти до такого состояния. Еще страннее, что скупость овладевает человеком большей частью в старости, когда он наиболее приближается к смерти и наименее должен бы думать о земном. Умирая, скупой жалеет лишь о том, что расстаётся со своим сокровищем. Такова душа человеческая! Кто не видит в этом доказательства нравственного её падения?

§117. О сластолюбии

Сластолюбие есть сильное стремление к половому соединению, происходящее, от представления чувственных удовольствий, с ним сопряженных. Страсть сия имеет то отличие, что она первоначальное свое основание находит в естественной потребности телесной природы, потребности, которую вложил Творец для размножения рода человеческого. Другое отличие её состоит в том, что она не есть, подобно другим страстям, продолжительное или постоянное состояние душевное, а проявляется в человеке порывами, будучи же удовлетворена, или даже подавлена влиянием воли, как бы совсем исчезает. Страсть сластолюбия действует на душу разрушительно, так что никакая другая страсть не может сравниться с тем волнением чувств, в какое она может повергать человека. Так как чувственное удовольствие в ней сильнее и привлекательнее, то и влияние её и крайности, до которых она доводит человека, гораздо значительнее.

§118. Честолюбие

Честолюбие есть стремление стать выше других людей, приобрести власть над ними, обратить на себя внимание других, словом – приобрести почести. Оно происходит от представления того удовольствия, какое приобретение таких преимуществ может доставить нам. Ничто так не льстит человеку, как внимание и уважение, а еще более удивление других. Что-то обаятельное и привлекательное для всех заключается в славе и почестях, а потому редко кто не увлекается честолюбием.

Желание заслужить внимание людей и славу справедливо почитается рычагом и двигателем человеческой воли. Естественно, что человек, сильно желая заслужить честь от своих сограждан, старается отличиться какими-либо делами. Ученый напрягает свой ум к открытию каких-либо новых истин; правитель к установлению порядка и законов; полководец к изобретению планов для поражения неприятелей. Но тем не менее несомненно, что желание заслужить славу бывало часто причиной самых печальных событий. История показывает нам как люди, увлекаемые честолюбием, опустошали земли и истребляли тысячи других, подобных себе существ.

§119. Замечание о других страстях

Кроме описанных нами душевных состояний и страстей, есть еще много других; но они большей частью суть видоизменения тех же самых, кои мы доселе старались анализировать. Напр., страсть к хвастовству и лжи, которой бывают заражены очень многие, есть следствие суетной гордости и тайного честолюбия: ибо хвастун хочет себя превознести хотя бы на словах; он тешит себя собственными похвалами.

Но, говоря о страстях, нельзя пройти молчанием о склонности некоторых людей к особенному самолюбию, эгоизму. Самолюбие должно быть рассматриваемо двояким образом. Во 1-х, как источник вообще всех наших душевных состояний и страстей: ибо сии последние суть как бы видоизменения его. Во 2-х, как особенная исключительная склонность думать и заботиться лишь о своем спокойствии, о своих выгодах, пренебрегая и жертвуя собственным интересам всеми другими личностями; в этом случае она называется *эгоизмом*. Эгоист думает лишь о себе и на всех людей смотрит, как на орудия для своей личности. Такой человек бывает хладнокровен к чужим страданиям и думает лишь о том, чтоб самому быть покойным. Такое состояние духа есть самое жестокое и бесчеловечное. Холодный эгоист есть чудовище общества, – существо, лишенное человеческого чувства. Можно смело сказать, что эгоизм хуже всех прочих страстей и пороков: ибо прямо противоположен основному закону общественной жизни и общего благосостояния.

§120. Страсти предполагают привычку к ним

Страсти в собственном смысле не вдруг овладевают человеком, но постепенно. Присутствие какой бы то ни было страсти в душе предполагает что человек приучил себя к ней, и до такой степени приобрел привычку и вкус к удовольствиям, в ней заключенным что они делаются для него необходимостью. Всякая же привычка рождается в нас в следствии лишь частого повторения одних и тех же ощущений и действий: след., чтобы приобрести страсть, надобно доставлять себе несколько раз то удовольствие, которое составляет предмет желания. Исключение составляет разве одно сластолюбие, которое проявляется, в следствии устройства организма, без всякой привычки; но и оно от привычки может усилиться. Отсюда-то и происходит, что человек так сильно подчиняется страстям: ибо привычка, как известно, сильнее самой природы. Отсюда же происходит и то явление, что чем сильнее питается страсть, тем она становится настойчивее, и чтобы освободиться от неё, не надобно её удовлетворять, или надобно стараться приобрести противоположные ей привычки.

В. Некоторые общие замечания о душевных состояниях

§121. Какая сущность всех душевных состояний?

Из всего сказанного доселе очевидно, что сущность всех душевных состояний есть ощущение удовольствия или неудовольствия, с тем различием касательно страстей, что он заключается более в желании, или сильном стремлении к известным удовольствиям. Мысль эта подтверждается всем предыдущим анализом. Но, несмотря на то, что сущность всех сих состояний одинакова, каждое из них в душе нашей чувствуется совершенно иначе, так что каждое из них должно считать особым состоянием. Душа иначе чувствует радость, иначе любовь, иначе удовлетворение честолюбию, и иначе удовольствие от приобретения корысти и пр. Любовь, напр., мы чувствуем как воспоминание, или представление того предмета, который доставляет нам удовольствие, или как стремление к нему; а радость, как удовлетворение настоящее, минутное. Или возьмем, напр., два состояния страх и гнев: оба они суть ощущения неприятные, состояния тяжелые; но они чувствуются весьма различно, и мы никак не смешиваем их между собой. В страхе первая мгновенная мысль бывает об опасности, первое движение – избежать, уйти от неё прочь. В гневе, напротив, замечается какое-то стремление нанести зло, уничтожить предмет гнева. Печаль и стыд – также чувства неприятные, но как различно они в нас чувствуются. В печали действует мысль, что мы лишились известного удовольствия; в стыде первое движение души – это опасение, что мы стали предметом насмешки или, что мы унизили себя.

Замечательно также, что неприятных душевных состояний гораздо больше, и они многообразнее; напротив того, состояния приятные не столь разнообразны.

Конечно, каждое удовлетворение страсти есть вместе и приятное состояние души; но сама страсть, по своей сущности, есть больше неприятное, чем приятное состояние. Да и само это удовлетворение бывает только временное: ибо всякая страсть тем-то и несносна, что никогда не бывает вполне насыщена: удовлетворение более раздражает ее, чем угашает.

В этом и заключается объяснение того, почему человек всегда бывает недоволен, всегда ищет лучшего и большего.

§122. О влиянии на человека душевных состояний

Здесь мы рассмотрим, во 1-х, влияние душевных состояний на нравственную сторону человека и во 2-х, на организм его.

Можно принять за общее правило, что душевные состояния приятные, каковы: любовь, сожаление, радость и проч. делают человека лучше и добрее. Кто не знает, что искренняя любовь, имеющая предметом лицо или занятие достойные, облагораживает человека и побуждает его к самоусовершенствованию. Любящий человек старается сделать себя достойным предмета своей любви, а потому старается ему нравиться хорошими качествами. Радость делает человека мягким, добрым. В радости он готов скорее сделать добро, простить оскорбление, забыть зло. Чем сильнее чувство радости, тем человек становится общительнее: он как бы хочет, чтобы все были с ним счастливы.

Из состояний или чувствований неприятных только некоторые и притом в особенных случаях приносят пользу человеку. Так, напр., скорбь и особенно вид её – сожаление. Последнее впрочем, есть уже проявление хорошей стороны души. Скорбь заставляет человека углубиться в самого себя и узнать себя. Она смиряет гордость и тщеславие, делает его снисходительнее к другим. Кто испытал много горя, тот лучше сочувствует страданию ближнего; но все это в известной степени и при известных обстоятельствах.

Все же другие состояния души суть как бы болезни её, и потому вредны и унижительны. Возьмите, напр., страх: он унижает душу, отнимает силы и способности и даже совершенно оуплывает её. В гневе человек теряет ум и совершает поступки непростительные. Ненависть ослепляет душу, делает ее недоступною и нечувствительною к добру. Влияние страстей еще сильнее. Они совершенно поработают разум и волю. Таким образом, все дурные состояния души сходятся в том, что они омрачают ум и покоряют или ослабляют волю.

Влияние душевных состояний на организм, как отчасти было объясняемо прежде, не менее сильно. Впрочем, не всякая

страсть обнаруживает себя в видимых признаках, и притом это зависит от силы воли и привычки человека. За общее правило и здесь можно принять то, что приятные ощущения поддерживают здоровье, а неприятные, напротив, вредят ему. Любовь, радость, надежда оживляют человека, производят кровообращение, способствуют пищеварению: иногда внезапная радость вылечивает больного.

Дурные состояния действуют вредно и тем вреднее, чем они сильнее и продолжительнее. Печаль и скорбь замедляют обращение крови, стесняют дыхание, а при высшей степени производят смертные болезни, как-то чахотку и т.п. Гнев волнует кровь, заставляет приливать ее к голове, к сердцу и даже производить паралич. Вообще, в ком эти чувства живы и сильны и часто повторяются, тот никогда не бывает слишком здоров. Напротив того, один вид здорового и толстого человека ясно показывает, что в нем нет этих страстей, что он – спокойного темперамента.

§123. Следствия некоторых душевных состояний

Но влияние душевных состояний, в некоторых исключительных случаях, бывает особенное, страшное. Они иногда производят расстройство разума, или душевную болезнь. В самом деле, некоторые душевные болезни суть прямые следствия описанных выше состояний и страстей, и объясняются ими вполне. Они суть напряжение, или высшая степень душевных ощущений, превратившихся в продолжительное и нормальное состояние. Объясним это примерами. Меланхолия, очевидно, есть продолжительное, постоянно скорбное расположение духа. Меланхолик в душе чувствует тоже, что и всякий человек печальный, только с тем различием, что состояние меланхолика непрерывное, а не временное.

Описывая гнев, мы сказали, что на высшей степени он доводит до безумных поступков, до самозабвения. Но представьте себе, что человек ежеминутно предается бешеному гневу, что этот гнев постоянно помрачает его разум – и вы будете иметь совершенный образец известного помешательства (*mania furibone*^{1a}). Легко может случиться, что такое напряжение гнева превратится в непрерывное состояние, и тогда разум окончательно померкнет, и человек сделается помешанным.

Вообще всякое сильное напряжение страстей есть само по себе род помешательства. Ум, ослепленный какой бы то ни было страстью, рассуждает и понимает совершенно превратно, вопреки здравому своему состоянию. В страхе человек видит и слышит совершенно не так, как в нормальном состоянии; ненависть рисует ему предметы в другом свете, а любовь также – в ином. Словом, как мы заметили еще выше, при сильном действии страстей человек всегда близок к помешательству. Когда же страсть постоянно поддерживается на высшей точке; то значит – ум постоянно молчит, и человек становится сумасшедшим.

И так главное проявление высшей страсти есть то, что она помрачает разум и ослабляет волю, а сделавшись постоянным,

нормальным состоянием, превращается в страшную болезнь – помешательство.

§124. О начале душевных состояний в человеке

Наблюдая над развитием души человеческой с самых первых дней жизни и до старости замечаем:

Во 1-х, что душевные состояния проявляются весьма рано, почти с колыбели младенца. Если мы станем наблюдать за дитятей, которому не более даже года, то увидим в нем начало большей части описанных выше чувствований. Дитя любит мать и няньку, и эта любовь его есть ничто иное, как чувство удовольствия, получаемого им от матери. Мы заметим в нем ревность, ибо оно сердится, досадует, когда его мать ласкает чужого ребенка. В этой ревности заключается и зависть и гнев. Впрочем оба последние чувства яснее и чаще проявляются в дитяти в виде капризов, плача и других движений. Если ребенок видит игрушку в руках другого ребенка, то старается отнять ее и при этом явно обнаруживает зависть и досаду. Часто, чтобы заставить дитя выпить или скушать что-нибудь, бывает достаточно показать вид, что хочешь отдать питье или кушанье другому ребенку. Эти и подобные факты ясно показывают, что в сердце детей кроются уже зачатки соревнования и тщеславия. Гордость, суетность, презрение к другим развиваются в них несколько позже; но уже дитя двух лет очень хорошо замечает, если оно одето лучше и богаче других; оно видит, что значение его выше некоторых других детей, и с пренебрежением смотрит на сих последних. К сожалению, также рано и проявляются в детях скрытность, притворство, лукавство и другие неодобрительные чувства. Отличительное же свойство детских чувств есть непостоянство и переменчивость. Дети чрезвычайно подвижны в своих чувствах: у них плачь и смех следуют друг за другом, без промежутков.

Во 2-х, душевные состояния имеют свои возрасты, следующие физическому возрасту человека. Юность и возмужалость есть пора напряжения и кипения чувств и страстей. Но не все страсти и состояния следуют этому закону. Юноша, полный силы и возраста, больше предан некоторым

только чувствам, а о других не думает: им наиболее владеют плотские страсти, честолюбие, стремление к почестям и славе.

Наконец, в 3-х, в старости одни душевные состояния и страсти ослабляются, за то другие, кажется, еще более усиливаются. По крайней мере замечено, что старики сильнее подвержены страсти честолюбия и скупости, нежели молодые. Эти две страсти преследуют человека до гробовой доски. Не странно ли, что чем более человек близится к минуте, в которую окончательно должен расстаться со всеми почестями и богатствами, тем он сильнее иногда начинает любить их. Казалось бы одна мысль о том, что все эти сокровища и вся земля начинают изменять ему, должна бы ослабить в нем эти страсти, а выходит наоборот.

§125. О наслаждении изящными предметами

Наслаждение изящными предметами есть явление глубоко психологическое и объясняется из тех же начал, как и прочие душевные состояния. Здесь мы рассмотрим, какая причина производит в нас удовольствие, при созерцании разных изящных предметов.

Причина удовольствия, возбуждаемого в нас изящными предметами, заключается в способе впечатления от них на наши чувства, или лучше в *возбуждении* в нас игры разных чувств и представлений.

Приятные впечатления на чувства рождаются в нас или от произведений так называемого пластического искусства, как-то, живописи, ваяния, зодчества, или же от произведений самой природы, как то, от разных местоположений, морей, гор и проч. Созерцая произведение искусств, человек наслаждается в живописи – выражением действительности, верным воспроизведением природы, размышлением об искусстве художника. Созерцая какую либо величественную картину природы или искусства, мы чувствуем в себе и удивление, и страх, и сожаление; тут заняты и ум, и воображение: словом, в нас возбуждается жизнь, игра чувств. Если вникнем глубже, то увидим также, что в удовольствиях от изящного предмета немалое участие принимает и чувство самолюбия: нам приятно думать, нам льстит мысль, что мы можем сочувствовать искусству и ценить его. Словом сказать, изящный предмет нравится от того, что он возбуждает в нас игру чувств.

Это еще яснее открывается во влиянии на нас произведений поэтических. Поэзия овладевает нашим воображением, возбуждает деятельность его, а также и все другие чувства. Прибавьте к этому приятную игру созвучий, мерность языка, остроумие, порывы чувств поэта, и вы увидите, что сущность впечатления здесь состоит в игре разных чувств. Красноречие стремится прямо к тому, чтобы убедить человека доводами разумными и также возбуждением в нем тех или

других чувств. Короче – душе нравится то, что шевелит ее, возбуждает в ней жизнь, деятельность.

§126. О бескорыстных чувствах

В теориях изящных наук, или эстетиках, принято говорить о бескорыстных чувствах, т.е. о бескорыстном наслаждении изящными предметами. Соображая все, что было сказано доселе о душевных состояниях или чувствах, мы приходим к тому заключению что с психологической точки зрения нельзя вполне согласиться с учением об этих бескорыстных чувствах. Бескорыстная любовь, или бескорыстное удовольствие, говорят эстетики, состоит в том, когда удовольствие возбуждено в человеке мимо всякой мысли о пользе материальной. Напр., если я наслаждаюсь прекрасною картиною, величественным местоположением, красивым зданием и пр., то вовсе не думаю о пользе, какую могут принести человеку эти предметы.

Но такое разделение удовольствий на корыстные и бескорыстные с психологической точки зрения не справедливо. Слова – удовольствие и бескорыстие друг друга опровергают. Для души нашей есть одна корысть – удовольствие. Душа наслаждается тем, в чем привыкла находить удовольствие. Кто понимает искусство и привык ценить его произведения, тот, значит, приучил себя к наслаждению изящными произведениями. Но тот же самый человек наслаждается также своим богатством, и оба эти наслаждения, по сущности своей, одинаковы; потому что как то, так и другое, состоит в ощущении приятного, в удовлетворении, в удовольствии. Я не отвергаю того, что удовольствие от изящных предметов чувствуется иначе, чем удовольствие от богатства и денег: в первом заключается нечто возвышающее, нечто очищающее чувства, облагораживающее душу, а в последнем – нечто эгоистическое, самолюбивое; но все-таки сущность обоих одинакова. Для чего мы любим изящные произведения? Для того, что они доставляют удовольствие. Почему мы любим богатство? Потому что богатство есть средство ко всем удовольствиям, между прочим, и к получению удовольствий от изящных предметов. Словом сказать, для души нашей есть один способ наслаждения, – это получение удовольствий от чего бы то ни

было. Человек любит деньги и богатство не для них, а потому что они суть средства к удовольствиям: он любит славу, ибо она льстит его гордости и суетности. Точно также он и изящные предметы любит потому, что они доставляют ему удовольствие. Если бы какое-либо удовольствие можно было назвать бескорыстным: то наслаждение Гарпагона (в Мольеровой комедии), с жадностью смотрящего на золото и любующегося его блеском, было бы чисто бескорыстным удовольствием. Согласитесь, что он вовсе не думает извлечь материальной пользы из золота; напротив, одна мысль расстаться с ним приводит его в трепет; он просто любит золото; ему доставляет наслаждение один вид его, одна мысль, что он хозяин этого золота; словом, он наслаждается золотом, как другой картиною или другим изящным произведением.

К сему надобно прибавить еще следующее. Во все так называемые бескорыстные удовольствия входит чувство, которого никак нельзя назвать бескорыстным, это – чувство удовлетворенного самолюбия. Нам доставляют удовольствие те предметы, которые возвышают нас в собственных наших глазах, рождают в нас чувство величия человеческого. Таково созерцание великих произведений Гения, вид величественного местоположения. В этих случаях, если глубже вникнем в себя, тщеславие наше удовлетворено мыслью, что мы способны обнять умом великий предмет; тут играет роль то общее всем людям чувство, по которому подвиг другого, кажется нам собственным деянием, потому что все мы люди.

Любовь матери к своему дитяти есть чувство, по видимому, самое бескорыстное, но разберите его: мать любит дитя, как свою плоть, как свое рождение. Она наслаждается им, она олицетворяет в нем свои чувства, – это её плод, труд, гордость. Тут, как и во всем и везде, удовольствие есть удовлетворение своего чувства.

Словом, психологически говоря, нет удовольствий бескорыстных. Душа различает в себе только приятные и неприятные ощущения. Все приятное, все что доставляет ей удовольствие по каким-либо причинам, составляет предмет её стремлений, а все неприятное – предмет отвращения.

Бескорыстными же чувствами и наслаждением, в собственном и возвышеннейшем смысле, можно назвать лишь одни религиозные чувствования.

Глава пятая. О религиозных чувствованиях

§127. Содержание главы

Религиозные состояния души, или религиозные чувствования, по своей важности и глубоко-психологическому значению, должны быть предметом отдельного, тщательного исследования. Психологическое значение их открывается из того, что они проникают душу глубже всех других состояний и что ни одно чувствование не имеет таких оттенков и степеней, а также ни одно из них не имеет столь глубокого и благодетельного влияния на всю человеческую природу; поэтому постараемся, по мере сил, представить в этой главе краткий анализ религиозных состояний. Но наперед надобно заметить, что если вообще трудно анализировать всякое душевное чувствование, то тем труднее – религиозные состояния. Здесь-то более всего требуется, чтобы человек сам испытал их, если хочет их понять.

§128. Религиозная радость

Религиозная радость есть то приятное ощущение души, то состояние довольства, спокойствия и душевной тишины, которое рождается в ней или вследствие общего настроения всей жизни, или вследствие совершения какого-либо христианского подвига, одобряемого внутренним голосом совести. Религиозная радость, как явление временное, как следствие какого-либо частного поступка, напр., пламенной молитвы, или подвига милосердия, встречается в жизни многих людей; но, как следствие образа всей жизни и настроения души, есть явление редкое: ибо в нас, в течение земной жизни, происходит постоянная борьба добра и зла, и редко можно найти человека, который до такой степени победил бы свои страсти, чтобы совесть не возмущала более его душевного спокойствия. Но если кто достиг такого совершенства и твердости в добре, что душевное спокойствие в нем не нарушается упреками совести, и в сердце нет борьбы противоположных чувств, а есть одно преобладание религиозного настроения: то его радость, его сердечная тишина, есть постоянное и господствующее чувство, – есть то, что в священном Писании называется радостью о *Дусе Святе*. Велико и поразительно различие такой радости от той, которую мы описали в предыдущей главе. Как бы ни была чиста радость, происходящая от представления какого-либо земного удовольствия, или от обладания каким-либо земным преимуществом, в ней заключается что-то неудовлетворительное; она ненадолго успокаивает душу; напротив того более волнует, чем утоляет её желания, так что, чем выше и сильнее бывает она, тем сильнее бывает реакция, ибо всякий знает, что после сильной радости человек впадает в грусть. Не то бывает в религиозной радости! Она заключает в себе что-то удовлетворяющее душу, утоляющее её жажду.

§129. Религиозная печаль

Религиозная печаль может быть рассматриваема: 1-е, как угрызение совести; 2-е, как раскаяние; 3-е, как умиление.

1) *Религиозная печаль* начинается *угрызением совести*. *Угрызение* совести, это – неприятное тягостное ощущение или беспокойство, происходящее вследствие представления, что мы совершили какой-либо дурной поступок. Часто бывает довольно трудно отделить и различить его от схожего с ним чувства – стыда. Оба они иногда происходят от одной причины, но стыд есть чувство более безотчетное, а угрызение включает в себе ясное сознание проступка. Стыд иногда входит, как составная часть, в угрызение совести. Последнее же есть мучение души, её тоска, томление за сделанный себе строгий приговор. Отсюда, большей частью, угрызение совести есть чувство смешанное. Когда, напр., убийца представляет свой поступок; когда воображение рисует ему сцену преступления, вид жертвы, его мольбы: то он чувствует ужас, сожаление, страх о возмездии; каждая черта, каждое новое представление доводит его до сумасшествия. Но такое состояние нельзя еще назвать состоянием религиозным. В религиозном угрызении печаль происходит от представления, что мы нарушили заповедь Божию; душа тоскует, что оскорбила своего Творца; ей стыдно, мучительно сознать, что она оказалась недостойною пред Богом. Угрызение совести происходит от внутреннего анализа поступка, от сознания виновности и греховности. Это есть как бы анализ представления о грехе.

2) *Раскаяние* имеет близкую связь с предыдущим чувством; но оно с ним не одно и то же. Оно большей частью бывает следствием угрызения и имеет свои отличительные признаки. В нем заключается и скорбь, но преобладающий элемент его – это решимость исправиться, решимость быть лучше. В раскаянии человек, вполне сознавши виновность и не достоинство греха, старается сделать его чуждым себе, старается мысленно отделить себя от него.

Весьма естественно, что, когда угрызение совести показало грех в настоящем свете, мы начинаем от него отвращаться. Доколе страсть ослепляет душу, мы полагаем свое счастье в удовлетворении ей, и это удовлетворение кажется нам необходимостью; но проходить страсть, и мы начинаем чувствовать всю низость совершенного дела. Оно является нам в настоящем виде и мы, хладнокровно разбирая свое деяние, видим все дурные его стороны и отвращаемся от него. Сие-то отвращение от греха и решимость вперед избегать его и составляют сущность раскаяния.

Иногда с раскаянием смешивают совсем другие чувства. Весьма часто за оное принимают досаду на себя, охлаждение страсти, страх возмездия за преступление; но, повторяем, – в раскаянии преобладает одна спокойная решимость исправиться. Хотя раскаяние есть чувство сложное, и притом оно не всегда слагается из одних и тех же ощущений; но достоинство и благое влияние его на человека всегда зависит от того, какое в нем преобладает представление. То не есть еще истинное раскаяние, когда человек боится только последствий своего греха, когда он стыдится лишь людского мнения. В истинно христианском раскаянии преобладает чувство скорби о том, что мы нарушили заповедь Божию. Это чувство сына, проливающего слезы от мысли, что он огорчил любящего отца.

3) В этом последнем виде раскаяние делается *умилением*. В умилении душа чувствует не страх последствий своего проступка, не досаду, происходящую от униженного самолюбия, не стыд от мысли о людском мнении; но чувствует одну глубокую, искреннюю печаль, что она оскорбила Отца своего – Бога, что помрачила в себе образ Божий, лишилась Его любви и благоволения. В этой печали нет, как при угрызении и раскаянии, волнения и борьбы противоположных представлений; здесь чувствуется только одно тихое умиление, род сожаления к самому себе. В ней сознание греха бывает глубже; но это сознание не повергает душу в мучительный стыд, а напротив сопровождается представлением, что грех стал чужд душе. Пример всего лучше объясняет это чувство, а лучший пример умиления представляет нам Евангельская грешница,

которая в доме Симона обливала ноги Спасителя слезами и отирала их волосами своей головы.

Она, без сомнения, уже перешла через чувства угрызения и раскаяния к умилению. Только в этом последнем состоянии она могла, отбросив в сторону стыд, решиться пасть к ногам Спасителя и дерзнуть к Нему прикоснуться. В противном случае, она не осмелилась бы войти в это собрание гордых людей, считавших осквернением одно прикосновение к ней. Видно, что происшедшее в ней умиление возродило в ней некоторую надежду и заставило смотреть на прежнюю жизнь, как на чуждую её душе. Таким образом одно только чувство умиления делает человека лучше и чище: потому что в нем уже нет ничего эгоистического и нечистого.

§130. О молитвенном чувстве

Молитвенное чувство, или молитвенное умиление, имеет близкое отношение к предыдущему состоянию души: ибо оно часто бывает следствием умиления покаянного; но и отдельно от него заключает в себе те же самые черты. Молитва вообще есть излияние разных чувств перед Богом словами, или едва заметными внутренними ощущениями. Поэтому, молитва всегда есть явление психологическое. В ней мы можем выразить и скорбь сердца, и радость, и раскаяние в грехах, и благодарность к Богу. Но, при высшем напряжении молитвенного чувства, состояние души трудно анализировать: тут, от полноты чувств душа не чувствует ничего такого, что бы можно было выразить словами. Впрочем, молитвенное умиление не у всех проявляется одинаково. Один чувствует в себе полное и совершенное, так сказать, самоуничижение; таково было состояние души мытаря, который, не смея возвести очей на небо, бил себя в грудь, восклицая: *Боже, милостив буди ко мне грешному!* Другой чувствует в себе преобладание любви, стремления к Божеству. У иного сердце наполняется только восторгом. Но, во всех этих случаях, одна общая черта неизменно сопровождает чувство молитвенного умиления: это – исчезновение из сердца всего дурного, всех нечистых мыслей и порочных склонностей, по крайней мере, на то время, пока продолжается умиление. Вместе с сим человек начинает чувствовать себя лучшим, и бывает готов обнять злейшего врага, забыть всякую обиду. Молитвенное чувство, как всякое сильное чувство, иногда бывает молчаливо, иногда же изливается в обильных речах. Напрасно думают, что сильные чувства не любят длинных речей. Нет! Иногда чувство бывает очень многоречиво от того, что не может высказаться вполне, – от того, что оно как бы укрепляется собственными своими излияниями и хочет выразиться все сильнее и, не удовлетворяясь словами и выражениями одними, ищет слов и выражений других сильнейших, ибо глубокое чувство тем именно отличается, что его трудно выразить словами.

§131. Милосердие

Милосердие, как психологическое явление, как состояние души, есть удовольствие, находимое человеком в том, чтобы исполнять дела милосердия. Кто дошел до такой степени нравственного совершенства, что находит для себя приятным занятием помогать ближним; кто не может хладнокровно смотреть на страдание других; кто, с другой стороны, с удовольствием смотрит на счастье и довольство ближних: тот, значит, имеет чувство милосердия. Отсюда очевидно, что не все дела благотворительности могут быть названы милосердием. Кто уделяет от избытка часть своего богатства на благотворительность, но уделяет без всякого сердечного участия, тот не может еще быть назван милосердным. Милосердие, как сердечное чувствование, составляется из участия, сострадания, любви и есть привычка находить удовольствие в упомянутых выше поступках. Бывает очень часто, что иная особа с раздражительными нервами не может без волнения смотреть на нищету и страдания и нередко проливает слезы, при виде их; но это опять не есть милосердие. Надобно, чтоб оно происходило вследствие влечения сердца, чтоб оно нравилось нам более других занятий. В этом последнем виде оно становится чувством прямо противоположным эгоизму, который есть источник всех описанных в предыдущей главе душевных состояний. Вот отчего чувство милосердия так высоко ставится в христианской нравственности.

Но чувство еще более противоположное эгоизму есть самоотвержение. Оно отчасти заключается и в милосердии: ибо кто находит удовольствие в том, чтоб делать счастливыми других, тот, значит, меньше думает о себе. Но истинно религиозное самоотвержение есть привычка находить удовольствие не в удовлетворении своих земных чувств и страстей, а в удовлетворении чувств религиозных, есть склонность любить в себе не порок, а добродетель, – не тело, а душу.

§132. Религиозная любовь

Любовь религиозная может быть рассматриваема, или как общее религиозное настроение души, или в частных своих проявлениях, как любовь к Богу, к ближнему и к самому себе. Любовь, как общее религиозное настроение, как чувство веры, есть удовольствие, ощущаемое при представлении этой веры, при мысли, что мы обладаем святейшими и спасительными истинами, при размышлении и изучении этих истин, а также есть стремление к той жизни, которая сообразна с этой верою. Что истины веры христианской, соприкасаясь душе, возбуждают в ней любовь и удовольствие, в этом не может быть сомнения. Человеческая душа чувствует удовольствие, при познании вообще всякой истины; но изучение и принятие религиозных истин возбуждает в ней самое чистейшее удовольствие. Божественная наша вера предлагает истины многосторонние, способные обнять и удовлетворить все стороны души. Но кто полюбил эти истины и находит в них удовольствие, тот сделал еще не все: он должен еще стараться о том, чтобы приложить их к жизни. Поэтому, кто приучил себя находить успокоение в добродетели, в сочувствии к ближним, в молитве, милосердии: тот имеет религиозную любовь. Это общее настроение будет содержать в себе все религиозные состояния, как составные части. Таковы были, по преимуществу, святые, целую жизнь и каждую минуту жизни, чувствовавшие в себе пламенную любовь к вере. У других же благочестивых людей подобная религиозная любовь проявляется во всей силе только по временам, хотя и общее чувство их также близко к нему.

Любовь к Богу выше и чище всякой другой любви. Это есть чувство неизъяснимого восторга, который ощущает благочестивая душа при одной мысли о Боге. Странно, по видимому, и непонятно, как мы можем любить Бога, существо невидимое: ибо, если мы любим какой-либо предмет, то, при этом, представляем себе то удовольствие, какое он доставляет нам. Но как совместить такое понятие о любви с представлением о Боге?

Любя Бога, мы именно должны чувствовать восторг, при мысли о Нем; иначе любовь не возможна. Восторг же этот должен происходить от размышления о Боге, как существе совершеннейшем, как Отце и благодетеле нашем. Вот, отчего любовь к Богу есть чувство самое святое, бескорыстное, великое. Любя Бога, мы любим как бы само совершенство, любим саму благодать, саму мудрость, само милосердие, саму, так сказать, любовь. Но чтобы любить эти высокие качества, чтоб сделать себя способным находить удовольствие в представлениях о благодати, мудрости, величии, необходимо уже иметь известную степень душевной чистоты и совершенства. Порочная душа никогда, не в состоянии почувствовать истинной любви к Богу. Вот, отчего любовь к Богу очищает человека, возвышает его душу. Вот, отчего только одна сия любовь может назваться бескорыстной: ибо, здесь мы наслаждаемся самим добром, самим совершенством.

Любовь к ближнему, происходящая от веры, есть чувство благорасположения, участия, снисхождения ко всякому человеку, истекающее из мысли, что все люди суть творения Божии и братья наши: след., это чувство есть следствие любви к Богу. Эта любовь заставляет нас скорбеть более о духовном убожестве ближних, т.е. об их пороках, нежели о прочих телесных нуждах. Эта любовь стремится к тому, чтобы все ближние сделались достойными Бога и истинными христианами.

Любовь к самому себе, как следствие любви к Богу, есть чувство своего достоинства, как создания Божия, искупленного Его кровью. Это чувство совершенно чуждо эгоизму. Эгоизм любить себя, как существо плотское, земное, любить в себе одно недостойное любви, свои страсти и пороки. Напротив того, христианин любит в себе то, что в нем есть достойного, божественного, любит чистую совесть, стремление к Богу и добру, а все дурное составляет предмет его борьбы, скорби и сожаления.

§133. Христианская ревность

Любовь к Богу рождает в душе чувство ревности. Ревность к Богу есть чувство недовольства, скорби, при виде того, как имя Божие хулится в людях, есть стремление распространить славу Божию между людьми, радость, происходящая, при виде истинного Богопочитания. Но ревность к Богу не имеет того тягостного влияния на душу, как ревность плотская. Последняя есть следствие зависти и злобы, первая – стремления к благу ближнего. Но, к сожалению, ревность к Богу может заблуждаться, как заблуждается в человеке всякое другое чувство, с тем только губительным различием, что извращение этого чувства часто рождает в душе страшное явление – *фанатизм*. Фанатизм не включает в себе ничего похожего на истинно-христианские чувства, а потому сии последние никаким образом не могут с ним совмещаться в одном сердце. Фанатизм может найти убежище в сердце такого человека, который дурные страсти, как-то: злобу, гнев и пр., хочет облечь в религиозную броню; к нему были склонны только ложные религии, которые не могли умягчить души человеческой, а напротив ожесточали.

§134. Порок и добродетель суть явления психологические

Из всего, что было доселе сказано, очевидно открывается, что всякий отдельный порок и добродетель суть чувствования сердечные, а след. психологические явления, Главные черты порока, как душевного явления, суть:

1) Порок помрачает рассудок. Всякий мог испытать на самом себе, какое властительное влияние имеет на душу всякая страсть, как бессильны требования ума над влечениями, и как рабствует воля перед ней. Особенно любопытно наблюдать это над невинными душами, в первый раз почувствовавшими прикосновение какого-либо порока. Какое тягостное ощущают они волнение!

По совершении греха, в первую минуту, человек чувствует какое-то странное спокойствие. Убийца, который ничего не видел и не чувствовал во время припадка ненависти, вначале, по совершении преступления, не чувствует никакого беспокойства, как будто с ним ничего особенного и не произошло; но чем далее, тем более возбуждается его совесть. Борьба начинается мало-по-малу. Доколе в человеке бушует страсть, он не в состоянии рассуждать о чем либо, а стремится только к её удовлетворению. Но коль скоро человек удовлетворил порыву страсти, она охлаждается, и совесть вступает в свои права. Эта реакция бывает тем сильнее, чем сильнее была страсть. Томительное чувство досады, ужаса, гнева на самого себя, стыд и угрызения совести овладевают душой и начинают ее терзать.

2) Порок заключает в себе нечто, унижающее душу, нечто ей чуждое и враждебное. Это видно из того, что он всегда производит в нас чувство недовольства, что он удовлетворяет только на мгновение, а после оставляет по себе всегда горечь. Правда, есть люди, которые не чувствуют никакого волнения в совести, при совершении самых ужасных злодеяний; но нет такого человека, который в самой глубине души не носил бы хотя легкого сознания греховности своего положения. Нет

человека, который чувствовал бы полное удовольствие от порока.

Добродетель, напротив того, заключает в себе все противоположные свойства. Она, во 1-х, сопровождается ясностью и полным самообладанием ума и всех душевных сил. По этому совершение всякого доброго дела производит полное удовлетворение, тишину и спокойствие в душе. Во 2-х, добродетель улучшает нашу душу, облагораживает ее, делает доступною ко всему высокому и святому.

§135. О борьбе внутренней

Кто наблюдал над своей внутренней жизнью, хотя самым поверхностным образом, тот легко мог заметить, что жизнь души нашей, внутренняя её основа, есть борьба между чувствами, борьба двух начал – доброго и злого. От колыбели до гроба продолжается эта внутренняя борьба, это странное раздвоение единой души. Ежеминутно замечаем мы, как ум велит одно, а мы желаем другого, увлекаясь противным стремлением. Многие даже из языческих философов знали частью об этом внутреннем раздвоении. Но вполне объяснила эту борьбу, её источник и основание христианская вера. Поэтому, тот не знает самых первых оснований христианской нравственности, кто не вникнул в ту внутреннюю борьбу между разными чувствами, которую должен выдержать всякий в душе своей. Все наше воспитание должно быть направлено к выдерживанию этой внутренней борьбы. Все наши поступки должны истекать и действительно истекают из неё. – В особенности, никогда не должно выпускать из виду этого высоко-психологического явления тому, кто хочет разгадать душу человека, её деятельность, как частную, так и историческую. Без сознания этого внутреннего раздвоения человек не может быть истинно добродетельным: ибо, думая, что поступает хорошо, он может грешить, действуя по внушениям предосудительных чувств. В этой внутренней борьбе ослабление может произойти лишь тогда, когда перевес склоняется на сторону какого-либо из двух начал. Перед совершением первого сознательного порока борьба бывает сильна; при повторении его, она бывает слабее, и чем чаще человек его повторяет, тем более она ослабевает, тем сильнее человек привыкает к хладнокровному совершению греха, и, наконец, то самое, что прежде возбуждало величайшее смятение, он совершает хладнокровно и даже с удовольствием. Такова история развития всякой страсти в душе человеческой. Ослабление борьбы бывает и тогда, когда перевес получает доброе начало. Но ослабление это идет гораздо медленнее, а борьба вполне никогда не уничтожается, на какой бы высокой

степени совершенства ни стоял христианин. Но и здесь, чем далее, тем более утверждается он в добре, тем ближе становится к Богу и сильнее начинает чувствовать суету земных удовольствий. Наконец, он бывает готов совсем оставить мир, чтобы ничто не мешало ему стремиться к Богу.

Такова краткая история добродетели в человеке и объяснение того дивного влечения, какое имели первенствующие христиане наполнять собою пещеры и пустыни для уединенной жизни, – влечение, которое до сих пор продолжается во многих душах христианских.

Но кто хладнокровно и беспристрастно сообразит всю силу и настойчивость дурного начала в душе; кто подумает о том, сколько оно находит благоприятствующих обстоятельств для своего развития, как все чувства, вся внешняя обстановка способствуют к его возрастанию, и сколько напротив неблагоприятных обстоятельств для укрепления другого противоположного ему начала: тот увидит, как трудно человеку собственными силами, без содействия благодати Божией, дать в себе перевес добру над злом.

§136. Кому особенно нужно изучать сию борьбу

Тщательное изучение свойств этой внутренней борьбы особенно необходимо и полезно тому, кто посвятил свою жизнь для исправления нравственности других людей. Он должен стараться приобрести влияние на их мысли и чувства; но возможно ли сделать это, не зная свойств души? Стремясь к исцелению нравственных болезней общества, он, подобно искусному медику, должен хорошо изучить свойства душевных болезней. Отсюда важность изучения психологии для всякого человека, назначающего себя в духовное звание. Разумеется, что знание психологии, как знание самого себя, важно для всякого человека; но для Богослова оно приобретает двойную цену по тому благому употреблению, какое он в состоянии сделать из него. Следующее соображение еще более докажет эту необходимость.

Многие молодые проповедники, приступая к наставлению христиан без достаточного изучения свойств сердца человеческого, не могут действовать на волю своих слушателей, как следует. Они очень красноречиво доказывают слушателям, что порок вреден, а добродетель полезна и почтенна; но этого еще слишком мало. Слушатели и сами убеждены в том, без всяких доказательств, но тем не менее чувствуют, как страсти берут перевес в их сердце. Поэтому, вместо того, чтобы доказывать пользу добродетели, все усилие проповедника должно быть обращено к убеждению слушателей в том, что добродетель может доставить такое же, или еще большее, чистейшее удовольствие, нежели порок, и что надобно только приучить свою волю к ней, чтобы находить в ней свое счастье. Убеждайте сколько угодно, что грех вреден, страсти губительны, а добродетель прекрасна: все будут с вами согласны, но жизни не переменят. Надобно, чтобы слушатель почувствовал, что страсти доставляют мнимое и непрочное удовольствие, но что истинное, прочное, лучшее удовольствие душа может обрести лишь в христианских чувствах.

§137. О том, как необходимо приучать себя к религиозным чувствованиям

Несомненный и всеобщий опыт убеждает нас, что человек не может жить без удовольствий. Это есть почти аксиома, ибо чувства суть жизнь души; но душа не может не жить: след., она не может не стремиться к удовольствию. Стремление к приятным, ощущениям и удаление от всего неприятного, скучного, есть неизбежный факт, – неизбежное следствие самой сущности души. Подобно тому, как душа не может иначе мыслить, как только в форме суждений и умозаключений, точно также она иначе не может жить, как в форме своих внутренних ощущений, приятных или неприятных. Этой мысли психолог не должен выпускать никогда из виду. Из неё, как из плодотворного начала, объясняется:

1) То, что нет человека на земле, который бы не стремился к удовольствию. Но, стремясь к ним, одни стараются разнообразить свои удовольствия, иметь как можно более разнородных ощущений, собирать так сказать, дань со всех чувств и со всех предметов. Другие же, и это – большей частью, останавливаются на каком либо одном удовольствии и постоянно к нему стремятся: отсюда происхождение отдельных страстей. Нет человека, который не относился бы к одной из сих категорий. – Кто приучил себя постоянно находить удовольствие в деньгах, тот делается корыстолюбцем; кто привык наслаждаться представлениями о почестях, о славе, тот делается честолюбцем; словом – нет на земле человека, который не поставлял бы в чем-нибудь своего счастья. Поэтому-то счастье и играет такую роль в жизни человеческой. Все стремятся к счастью; все любят говорить о нем; всякий в чем-нибудь да олицетворяет его для себя.

2) Из этого же стремления к удовольствию, сродного душе, объясняется величайший факт христианской нравственности; именно – её требование, чтобы мы непременно старались полюбить добродетель, старались довести себя до того, чтобы она сделалась наслаждением нашей души. В самом деле,

невозможно сделаться истинным христианином до тех пор, пока мы не приучим себя находить удовольствие в молитве, милосердии, самоотвержении, любви к Богу и ближнему. Отчего многим кажется скучным стоять в церкви? От чего многие находят тягостным исполнением христианских обязанностей? От того, что они не вникнули в свою душу, не приучили себя к добродетели, не почувствовали сладости добра.

Отсюда следует что человек все усилия свои должен обратить к тому, чтобы христианские добродетели сделались для него потребностью, чтобы душа его находила удовольствие в их исполнении. Стремление к мирским удовольствиям можно изгнать из сердца только тогда, когда им противоположим удовольствия религиозные. Только тогда мы получим отвращение к пороку, когда почувствуем сладость добродетели. Тут требуется именно одна привычка. В первый раз исполнение доброго поступка может показаться скучным, потом оно покажется легче, далее оно будет нравиться, и наконец душа наша будет им наслаждаться. – Это наслаждение добром и есть сама добродетель воли, есть сущность христианской нравственности.

§138. Что еще объясняется этим приучением души к добру?

Навыком души к добру или к пороку объясняется великое таинство веры нашей, таинство загробной жизни. В самом деле, представим себе, что умирают два человека, грешный и праведный. Душа первого переходит на тот свет искаженная всеми земными страстями и стремлениями, с любовью к богатству, со стремлением к земным почестям, со страстью к наслаждениям земным. Что же сделает она с этими чувствами за гробом? В чем она может найти там удовольствие? Удовлетворить этим привычкам там нельзя: ибо там нет денег, которые она любила; там нельзя удовлетворить желанию нравиться, блистать нарядами, властвовать над другими. Не будет ли душа подобного человека за гробом сама в себе носить ада? Ибо, к невозможности находить удовольствия, прибавьте угрызения совести, которые будут упрекать душу в том, что она потеряла земную жизнь даром, что гонялась за пустяками и выпустила из виду главную цель жизни. Напротив того, когда переселится в другой мир человек, привыкший находить счастье в добродетели, т.е. в любви к Богу и ближнему: то на том свете он еще сильнее и беспрепятственнее может удовлетворять этим потребностям. Там ничто не будет омрачать его наслаждения: ни скорби, ни болезни, ни другие земные превратности. Там он на самом деле получит то, к чему здесь он стремился только желаниями сердца. Прибавьте к этому радость, проистекающую от одобрения совести, и вы увидите, что праведный в самой душе своей будет носить рай.

Вот объяснение того, почему земная жизнь для христианина есть приготовление к небесной; почему она почитается временем сеяния, а жатва её – в будущей жизни. Вот, наконец, связь психологии с Богословием, связь, делающая эту науку столь необходимой для богослова.

§139. Заключение

В заключении скажем еще, что религиозные состояния души составляют отличительную принадлежность человека перед всеми другими земными тварями. Все описанные в предыдущей главе состояния принадлежат и животным, но только один человек может возвыситься до побеждения в себе плотских вожделений, до любви чистой, бескорыстной, религиозной.

Глава шестая. О деятельности воли

§140. Содержание главы и связь с предыдущим

Анализируя во 2-ой главе деятельные или желательные способности души, мы сказали, что нужды рождают в душе беспокойство, беспокойство возбуждает желание или стремление к его удовлетворению, а воля есть самая решимость души на известное движение, – выбор, или даже само начатие известного действия. В этой главе мы займемся решением всех вопросов о деятельности воли, а в особенности главного – о свободе воли. Этот важнейший философский вопрос не раз бывал предметом самых глубоких исследований многих метафизиков, и как обыкновенно бывает со всеми метафизическими вопросами, породил много противоположных мнений. Сущность вопроса состоит в том – свободна ли воля в своих действиях, т.е. свободно ли, без принуждения ли она решается на те или другие действия, или же она всегда и по необходимости должна желать и действовать так, а не иначе. Мы, постараемся разрешить этот вопрос сообразно с основаниями нашей Психологии.

§141. Определение понятия о свободе

Если внимательно вникнем в понятие наше о свободе, то увидим, что оно неизбежно предполагает, во 1-х, разум, во 2-х, силу или возможность к известному действию.

Не трудно согласиться с тем, что где нет разума или размышления, там не может быть свободы, и что свобода может быть только уделом существа мыслящего и должна быть следствием мышления. Существо неодушевленное, неразумное, не может быть свободным ибо оно действует механически, не сознавая своих движений и неизбежно покоряясь силам внешним. Когда камень падает вниз, или пары водяные поднимаются вверх: это суть следствия механических сил и называются механическими инертными явлениями. Напротив того, существо, сознающее свои действия, размышляющее о них, отличающее худшее от лучшего и стремящиеся к последнему, необходимо предполагается свободным. Поэтому необходимость связи разума со свободой основана на том, что только разум может избрать лучшее и направить к нему волю. Если бы, с другой стороны, при разуме человек не имел свободы: то выходило бы, что он может отличать лучшее от худшего, но не может избирать между ними, т.е. не имеет силы действовать по своему пониманию; тогда разум был бы бесполезен. Далее, если мы возьмем одну свободу, без разума, то решительно не можем представить себе, что она будет означать и какие будет иметь свойства, ибо свобода значит возможность делать то, что мы считаем за лучшее; но без разума сама свобода не могла бы для себя определить направления деятельности. След. свобода должна быть в неразрывной связи с разумом. Без разума свобода есть ничто, мечта.

Во 2-х, свобода необходимо предполагает силу или возможность действовать. Там, где нет силы к действию – нет и свободы. Ибо, предположим, что разум избрал лучшее; но если у человека нет силы и возможности стремиться к этому лучшему и достигать его, то нет у него и свободы. Вот, почему

свобода человека простирается только до тех пределов, которыми ограничены сами силы человека. Заключенный в темницу не имеет свободы выйти из неё; упавший с высокого места не в состоянии, не свободен остановить себя в середине падения. Вот, почему и говорится, что свобода человека ограничена, но что только Бог безграничен в своей свободе. Человеческая свобода находится в полной зависимости от тех средств и орудий действований, которыми одарил ее Творец. Имея ноги, мы свободны ходить или сидеть, но не можем летать.

Никто не станет, кажется, спорить с нами в том, что понятие о свободе находится в необходимой связи с сими двумя существенными признаками, именно – разумом и с возможностью исполнить внушения разума. Но из этих двух свойств нашей свободы мы надеемся объяснить все явления деятельности воли.

§142. О побуждениях к деятельности

Воля, как мы сказали во 2-ой главе, есть самая решимость души начать то или другое действие; но решимость эта никогда не бывает без причин или побуждений, иначе она была бы слепая, бессознательная. Решимость, или воля, всегда является у человека в следствие разных побуждений. Укажем существеннейшие из них:

Во 1-х, воля действует часто, или лучше большей частью, под влиянием чисто чувственных побуждений, т.е. представлений удовольствия или неудовольствия. Такова воля, напр., у детей, которые стремятся только к тому, что им кажется приятным, без всяких дальнейших соображений. Такова воля и у многих взрослых людей, которые в выборе своих действий всегда руководствуются внушениями чувств. Но в сих побуждениях надобно различать многие обстоятельства. Воля иногда определяет к выбору быстро, бессознательно, как напр. в детях и во многих малоразвитых людях, а иногда даже насильственно, как напр. в припадке сильных чувств, гнева, ужаса, сильной страсти, или напр. у помешанных людей. Очевидно, что в сих случаях мало свободы, ибо здесь разум не принимает никакого участия в действовании.

Если же воля хотя и под влиянием низших чувственных влечений, избирает сознательно, с размышлением, и тогда разум служит орудием чувств, помогает выбору, руководит волю: то действие должно быть признано совершенно свободным, произвольным. Напр., положим, что кто-либо обладаем страстью корыстолюбия и стремления к обогащению. Когда он в этом состоянии напрягает весь свой ум, все силы душевные к достижению цели: то хотя и действует в угоду низшей чувственности, стремится к приятному, но действует совершенно свободно. Если же и говорится, что страсти лишают нас свободы: то сие означает, что человеку трудно бывает освободиться от страстей, как скоро он подчиняется им. Но чтобы дойти до такого порабощения, чтобы страсть обратилась в привычку, в природу, надобно было подчинить ей свою волю,

поработить ей себя. Притом мы видим, что многие люди твердостью воли побеждают в себе дурные привычки, а иногда изгоняют из себя сильнейшие страсти; след. и тут остается возможность выбора.

Во 2-х, воля иногда действует в следствие побуждений, чисто разумных, и действует вопреки влечению чувств, вопреки представлений удовольствия и неудовольствия. Можно усомниться в свободе воли, когда она влечется нуждами телесной природы и выбирает под влиянием представлений приятного; но когда она, повинувшись убеждениям разума, действует вопреки стремлению своих чувств, вопреки даже желанию своему, то тут нельзя отвергать свободы человека. Таково бывает состояние воли, когда душа при выборе действий смотрит не на то, что приятно нашим чувствам, а более на то, что сообразно с истиной, когда волю определяет не внутренние побуждения, а достоинство самих вещей. Мы, напр., подчиняем волю авторитету законов добровольно, мы стремимся к добродетельным поступкам, хотя для минутных чувств противоположные деяния и были бы приятнее, а потому во всех случаях нельзя отвергать свободы воли.

§143. О связи между побуждениями и действиями воли

Таким образом ясно, что побуждения, определяющие волю к известному образу действий, не могут сделать человека существом несвободным. Последнее было бы возможно лишь в том случае, когда связь между побуждением и действием была бы необходима, т.е. когда бы известное побуждение неизбежно и непременно влекло бы волю к тому, а не к другому действию, как тяжесть влечет тело к центру, а не от центра. Побуждения всегда есть, но связь их с действиями не необходима, т.е. воля может склониться на них, но может и не следовать им. Но на такое решение делают след. возражение: «Всякое хотение или воля есть последнее, определение разума, последний его приговор; но никто не станет отвергать, что решения разума всегда запечатлены необходимостью; ибо разум по необходимости должен признать некоторые предложения истинными, а другие ложными. Точно также разум по необходимости одобряет одни действия, ибо они истинны и полезны по самой сущности своей и осуждает другие потому, что они по своей сущности вредны и не согласны с истиной; след., и воля, которая следует этому приговору разума, не может быть признана свободной. Напр., человек, который думает, что гораздо лучше следовать внушению своих чувств и стремиться к удовольствию в настоящей жизни, нежели ожидать будущих благ, действует точно по той же необходимости, по которой математик утверждает, что все три угла треугольника равны двум прямым. Отсюда выходит, что если человек во всех своих поступках следует приговору разума, – то он не свободен; но если не следует ему, то он действует слепо». Таковы были возражения против свободы одного из сильнейших защитников фатализма, Коллена, в его письмах к ученому английскому метафизику, Кларку; но глубокомысленный Кларк опроверг это возражение весьма основательно. Приговоры разума всегда необходимы, потому что основаны на природе вещей; но воля не находится в необходимой физической связи с этими

приговорами, ибо воля не всегда следует им. Действие и свобода – две идеи тождественные. Где нет свободы там есть только страдание, а не действие. Истина и ложь для ума тоже, что свет для глаз. Мы не можем не видеть, когда открыты глаза, и не можем не признать истины, когда ум здоров; но иное дело судить, иное – делать. Эти две вещи зависят совершенно от различных начал. Первое – страдательно, второе свободно. Первое также отлично от второго, как для человека зрячего видеть дорогу от самого хождения по дороге. Нельзя сказать, чтобы хождение по дороге было необходимым следствием видения дороги; точно также нельзя сказать, чтобы решения воли были необходимым следствием приговоров разума. – Сколько раз случается, что разум убеждает в благотворительности того или другого действия, но воля не следует его убеждению; сколько раз также чувство влечет к чему либо, но воля делает противоположное чувствам своим. След., никогда нет необходимости в определениях воли.

§144. Внутренняя борьба – доказательство свободы

Борьба чувств с разумом, внутреннее раздвоение, которое замечает в себе всякий человек, яснее всего доказывают свободу человеческой воли. Там, где действие подчинено необходимым физическим законам, не может быть никакой борьбы; а потому, если бы воля неизбежно должна была следовать закону необходимости, она бы не колебалась, не выбирала, а делала бы все без нерешительности. Где есть возможность в выборе действия или покоя, в выборе одного движения между многими – не основательно предполагать волю несвободную. Внутреннее чувство уверяет всякого, что даже в те минуты, когда какая либо страсть неудержимо, по видимому, влечет его к чему-либо, он в состоянии остановиться и повинен сам в своем действии. Совесть осуждает нас за дурные поступки, этот внутренний голос сознательно и непогрешительно внушает нам, что мы должны вести борьбу, что мы должны доверяться влечению не низших представлений, а внушению разума. Внутреннее довольство наше, когда мы удержали чувственность, или победили страсти, ясно показывает, что воля вышла победительницей, что она боролась и не потеряла свободы, не сделалась рабою. Эта внутренняя борьба неизбежна во всяком развитом человеке. Она может ослабнуть иногда, но исчезнуть может только в двух случаях:

1) Когда какое-либо из борющихся начал одержит совершенный перевес. Напр., когда чувства и страсти так завладели человеком, что воля его без всяких уже колебаний повинуетя им; именно, когда стремление к удовлетворению низшим побуждениям сделалось для него нормальным. Таково, к сожалению, состояние очень многих, именно тех, кои живут лишь для удовлетворения низшим потребностям плоти.

2) Внутренняя борьба может ослабнуть, но не исчезнуть и тогда, когда рассудок одержал верх над чувствами; когда воля усовершенствовалась и человек победил в себе чувственные влечения и живет лишь по внушению нравственного закона. Мы сказали, что в этом случае борьба ослабевает, но не исчезает: ибо на

какой бы степени совершенства ни стоял человек, в нем всегда почти остается борьба с низшими стремлениями.

§145. О высочайшей свободе

Высочайшая, возможная на земле свобода принадлежит только истинному христианину, привыкшему подчинять свою волю закону нравственности, живущему сообразно предписаниям христианской веры. Причина этому заключается в след.: никто не станет спорить в том, что истинно свободным можно назвать только такого человека, который и желает всего без всякого внутреннего, или внешнего принуждения, и исполняет свои желания, не только без принуждения, но даже с радостью, с любовью, с внутренним наслаждением.

Но желания истинного христианина совершенно не принужденны: ибо ни страх, ни стыд, ни какая-либо внешняя власть не может определить его желаний. Он желает по одному свободному убеждению разума, по одной уверенности в превосходстве того, к чему он стремится, желает и решается на добро и отвращается от зла, так сказать, естественно, в следствие сердечного стремления. Это до такой степени справедливо, что добрые желания никогда не могут рождаться от насильственных побуждений. Можно принудить человека к наружным действиям, но не к желаниям. – И так, если человек искренно, непритворно желает добра, то желает совершенно свободно.

Но если христианин свободен в желаниях, то тем более свободен в действиях. Нравственный закон христианский имеет то отличие от всякого человеческого закона, что он исключает решительно всякое принуждение и насилие. Истинным христианином можно быть только в следствие внутреннего расположения. Истинный христианин есть тот, кто находит удовольствие в добродетели; кто исполняет закон свой в следствие внутреннего влечения, в следствие того, что ему приятно это делать. Много нужно борьбы и усилия, чтобы довести себя до такого состояния; но кто дошел до него, тот приобрел истинно христианскую свободу.

Но скажут: таково состояние и противоположное, т.е. состояние человека преданного страстям. Он также действует

по внутреннему влечению и действует с удовольствием, с любовью. Справедливо, и в этом он похож на человека добродетельного, ибо действует свободно (от того-то он и повинен греху); но какая между тем разница! Удовлетворение страстям и слепым влечениям чувственности имеет самое тягостное влияние на внутреннюю жизнь души. Страсть порабощает волю, производит внутренний разлад, борьбу и часто неудовольствие, разочарование и пресыщение. Всякое удовлетворение страсти волнует, но не успокаивает человека. Словом, жизнь безнравственная есть не нормальное состояние души, расстройство её. Только истинный христианин носит в душе мир Божий.

Отделение второе. О совместном бытии души и тела

Глава седьмая. Об отношении между душой и её организмом

§146. Содержание главы

Точное и верное познание души, её сил и способностей, особенно же её состояний, описанных в предыдущей главе, возможно лишь тогда, когда будет известно истинное отношение между душой и организмом и влияние сего последнего на душу. Исследование в высшей степени любопытного и важного для психологии вопроса об отношении между душой и телом далеко подвинуто в настоящее время проницательностью некоторых Германских ученых, каковы Найе, особенно же Карус и Кленке¹⁴. Мы будем руководствоваться во многих случаях, в особенности со стороны фактической, их указаниями. Но, отдавая полную справедливость глубокому их знанию, мы все-таки, из любви к истине, принуждены будем противоречить им во многих существенных пунктах. Мы уверены, что никто не припишет этого противоречия нашей самонадеянности: истина чаще всего бывает результатом многих споров и разнородных взглядов на предмет. Один человек, при всей учености и проницательности, не может обсудить вопроса со всех сторон.

§147. Когда можно наблюдать отношение между душой и организмом?

Во 1-х, всякий беспристрастный человек согласится с тем, что отношение между душой и организмом человека можно и должно наблюдать лишь тогда, когда и душа и тело получили уже некоторое развитие и обнаружили основные формы своей жизни, а это бывает заметно не ранее того, как младенец несколько уже начинает обнаруживать следы понятливости, признаки некоторых душевных способностей, т.е. не ранее, по крайней мере, восьми или девяти месяцев после его рождения. Всего же лучше наблюдать отношение между двумя составными частями во взрослом человеке: ибо тогда все обстоятельства облегчают и содействуют такому наблюдению. Но если бы кто вздумал начать эти наблюдения, напр., с той минуты, когда организм человека зарождается в утробе матери: то едва ли он успеет в своем намерении. Предположив даже, что ему удастся проследить за развитием зародыша и изучить основательно все перемены, каким он подвергается с самой первой минуты своего оплодотворения до того времени, когда из него образуется полный организм со всеми своими формами, все же таки он изучит одну только сторону вопроса; но другая его сторона, т.е. начало души и отношение её к образующемуся организму, всегда останется для него тайной: потому что невозможно понять и разгадать, в каком отношении находится душа к образующемуся организму.

Во 2-х, вероятно всякий без труда согласится также и с тем, что младенец развивается и совершенствуется мало-по малу и притом с помощью тех средств и способностей, какие получил от Бога, и развивается как по телу, того и по душе: ибо, начиная с того, как сосать грудь матери, как употреблять руки или ноги и другие члены, как пользоваться чувствами, и кончая способностью судить, умозаключать, познавать, все он приобретает постепенно. Эти два положения не требуют никаких доказательств: потому что ежедневный опыт оправдывает их самым несомненным образом, так что их можно признать

аксиомами. Но, между тем, они совершенно противоречат основной мысли упомянутых нами выше ученых.

Кленке, в своей органической Психологии, изучение отношения между душой и телом начинает не только до проявления каких-либо душевных способностей в новорожденном младенце, но даже до образования зародыша в утробе матери. Он полагает, что организм человеческий с самого оплодотворения зародыша и до смерти образует сама человеческая душа. Вот его слова: «Если взглянем на ход развития организма вообще, то генетическое исследование покажет нам, что из неопределенной точки мало-по-малу проявляется жизненная деятельность и, сообразно внутренним законам, из неопределенного развивается ряд метаморфоз и образований, которые, по своей противоположности и взаимной зависимости, постоянно относятся к целому, совершающемуся во времени и пространстве. Но развитие в периодах и формах происходит столь правильно, что нельзя не признать творческого могущества первообраза в каждом моменте жизни, как высшей идеальной силы, происходящей в каждом образовании организма. Идеальное могущество¹⁵ творит непрерывно и столь предусмотрительно, что как бы наперед обдумывает следующие периоды и настоящим образованием prepares будущее. Посему эта идея организма есть вместе первообраз целого, в правильном движении и развитии, которого проявляется сознательное мышление. Уже в зародыше, как бы предвидя все будущее, она устраивает органы для жизни его в атмосфере и светлом мире явлений, и столь разумно устанавливает периоды и метаморфозы развития, что один период следует из другого и с каждым постепенно и яснее обнаруживается в реальном мире бытие и воля идеи, определяющей индивидуальную жизнь».

«Столь красивый, из разнообразных членов состоящий человеческий организм, при первом вступлении в природу, представляет каплю яичной жидкости; однако ж идея индивидуальности находится здесь нераздельною: ибо в этой капле уже начинается развитие и формирование будущего многообразия. В этой капле идея обнаруживается в самом

малом своем значении: ибо жизнь природы творит во времени и пространстве; в капле яичной жидкости еще вовсе не заметно разнообразия свойственного будущему организму, однако из этой же капли творчески зиждется организм. Творческая деятельность, исполненная сознательной, бесконечной будущности, есть идея, которую мы называем душой. Она есть умственно понимаемое бытие того феномена, который мыслит и из вечно пребывающего первообраза творит, преобразует и формирует материю. Чем более идея возрастает в своей реальной интенции, тем образованнее становится материя, как экстенсивное отражение идеи».

«Организм пребывает в непрерывной деятельности. Эта деятельность обнаруживается только проявлением всей полноты индивидуальной идеи в формах времени и пространстве, и рядом метаморфоз достигает до того что каждое новое развитие приближается к своей цели. Непрерывная деятельность предполагает уничтожение прошедшего; но идеальное развитие хотя действует во времени, однако по сущности своей остаётся постоянно идеальным: поэтому уничтожение исключительно свойственно только телесной стороне организма и проявляется феноменом исчезания и перемены субстанции. Органическая идея образуется идеально и ею же образуется материя до возможного, в первообразе предначертанного разнообразия. Как скоро идея предуготовляет новую взаимную деятельность организма с природой, являются новые органы; вещество получаемое организмом извне для известных целей, вступая в соотношение с индивидуальной жизнью, лишается всех свойств внешнего мира и приводится в однородность яичной жидкости, бывшей основанием организма. Таким образом каждое мгновение повторяется основной феномен, – переход простого в многообразное, – и проч.¹⁶

§148. Рассмотрение сего учения

Из приведенных здесь слов всякий может видеть, что в нем именно утверждается та мысль, что душа или идея сама образует свой организм. Эта мысль есть господствующая и во всей психологии Кленке. Но предположение, будто идея или душа сама образует свое тело, заключает в себе тысячи несообразностей и не может быть допущено положительной наукой.

Во 1-х, оно не может доказано, как факт, как действительное явление, а останется всегда в области гипотез. Какая есть возможность следить за действиями идей или психей с первоначального развития зародыша, когда образ этого самого развития, самый способ зародыша, его метаморфозы и пр. суть явления столь трудные для наблюдения, что их нельзя вполне ни понять, ни объяснить. В этом согласны все физиологи. Если к предположению об образующей идее приводить то явление, что зародыш развивается удивительно премудро, что все метаморфозы образования организма совершаются с удивительно намеренностью, целесообразностью, то не должно забывать, что и все другие явления внешней природы, даже самые механические, совершаются с такою же премудростью, также рассчитано, как и образование младенца в утробе матери. Напротив того, все физиологические изыскания на счет этого последнего предмета убеждают нас, что организм человека образуется в утробе матери по тем же точно законам, как растение из семени. Кажется, что в зародыше положена заранее форма всего будущего организма, или то, что еще Аристотель назвал энтелехией, и семя мужа оплодотворяет, т.е. дает ей образовательный толчок, точно также как в зерне растения находится вся форма будущего растения, которая начинает оживать, когда влага земли приведет ее в брожение. В этом мнении утверждают нас свидетельства многих сведущих физиологов. Вот слова Валентина: «Самодеятельность органических тел часто приводит к предположению, что

материей тела управляет особенная жизненная сила, которая производит действия, ей одной свойственные, отличные от действий неорганической природы и только через это обуславливает жизненные отправления..... Но предположение об этой жизненной силе не только не объясняет многих еще неизвестных условий, а напротив ведет к заключениям, которые противоречат точнейшим физиологическим опытам. Оно воздвигает несуществующую в природе преграду между физико-химическими явлениями мертвой и живой природы. Правда, предположение это при первом взгляде завлекает тем, что приписывает особенное, высшее влияние жизненным процессам; но более точное и беспристрастное исследование показывает, что оно только затемняет понятие о более чудном условии: каким образом натура производит в живом творении столь особенные и многообразные действия посредством дивно устроенной организации, пользуясь лишь одними общими силами».

«Если рассудить, что жизненные явления суть следствия бесконечно мудрого органического плана, то всякие затруднения исчезнут: мы можем представить себе, что в зародыше заключены условия, посредством которых возникают из усвоенных пищевых веществ новые образования, соответствующие общей цели. Таким образом возникают, напр., клетки и пузырьки, качеством своим действующее на существующее уже элементы и определяющее превращение последующей пищи»¹⁷.

Из сих слов, а также из всех опытов и наблюдений тех физиологов, которые не считают нужным прибегать к гипотезам, можно заключит что, при образовании тела человеческого, также как и растений, господствуют одни физические, химические, и органические законы. Большая часть физиологов именно склоняются более на то предположение, что зародыш организма образуется по одним органическим законам; но едва ли кто-либо из опытных физиологов согласится с тем, чтобы сама душа образовала его сознательно.

Во 2-х, из этого предположения следует, что душа человека до своего действительного развития, т.е. еще до того времени,

когда она получит способность иметь представления, сознание мысли и пр., действует разумно, сознательно и даже гораздо лучше и вернее чем в последствии: ибо согласитесь, что образовать для себя такой прекрасный организм есть дело более важное и трудное, чем все последующие действия души. Если душа устроила глаза, потому что она предвидела, что в мире есть свет, который ей нужно воспринимать; если она устроила уши, потому что знала наперед что они будут нужны для восприятия волнений воздуха и пр.: то душа была гораздо умнее до того времени, пока начала на самом деле мыслить и действовать. Но каким образом происходит, что она, будучи столь разумною и проницательною в утробе матери, теряет все свои свойства по рождению на свет младенца и снова должна учиться всему? Каким образом душа наша нисколько не сознает этой образовательной своей деятельности? Для устранения этих вопросов Г. Кленке предлагает гипотезу о бессознательности мышления. В душе, по его мнению, два мышления, сознательное и бессознательное и при помощи сего последнего, она образует свой организм. Но что это за бессознательное мышление? Пусть всякий беспристрастный читатель подумает возможно ли бессознательное мышление? Мышление есть сознание, и сознание есть мышление; иного мышления нет и быть не может. Сказать, что есть бессознательное мышление – все равно что доказывать, что есть неоощуемое ощущение или неподвижное движение. Ведь, после этого, можно утверждать что стулья на которых мы сидим имеют ощущение и мышление только бессознательное.

Наконец, в 3-х, нельзя здесь не упомянуть еще об одной несообразности. Если действительно сама душа намеренно и разумно образует свой организм, то от чего организмы многих людей очень часто выходят столь несовершенные, болезненные, с большими недостатками в членах и орудиях? Еще более, от чего вместо обыкновенных организмов выходят иногда уроды, непохожие на человека? Странно было бы думать, что их произвела сама душа: ибо зачем ей вредить самой себе; и вообще здесь никакой ответ не может быть удовлетворителен: ибо представляется, что идея, или душа,

есть зодчий, а зародыш – материал, из которого он творит по своему соображению. Если вы скажете, что какие-либо ненормальные состояния самого материала, т.е. зародыша, из которого идея или душа творит организм, производят ненормальные организмы, то тем самым допустите, что образование организма подчинено силам и законам физическим, и след. не зависит от души.

§149. Об основании такого учения

С точки зрения той философской системы, начала которой проникают психологию Кленке, рассматриваемое нами мнение имеет свои, по видимому, достаточные основания. Эта система не находит существенного различия между душой и организмом, но считает их за единую сущность. «Организм, по её мнению, есть проявление, выражение идеи, или души, – или же идея, пришедшая в реальность, – индивидуальное проявление всеобщей жизненной силы мира. Организм в своем проявлении, как целое, подлежащее чувствам, есть органическое тело, в сущности же, как целое идеальное, – есть органическая идея или душа»¹⁸. – «Идея и материя взаимно обуславливают друг друга; идеальное целое в вещественности становится реальным, потому причина обоих должна быть одна и та же; но обе, пришедши в реальность, в их существенном соединении, представляют организм, органическое единство, деление которого на телесную и идеальную стороны есть произвол науки». Эта последняя тирада не оставляет сомнения в том, что в этой системе не допускается генетического (существенного) различия между идеею (душою) и организмом: они суть нечто единое, как две стороны одной и той же сущности. Но кроме того, внимательное соображение всей книги Кленке окончательно убеждает, что душа и тело, по его мнению, не суть различные сущности, а душа есть особое проявление, частный вид идеальной жизни вселенной, которое приходит в индивидуальное и сознательное состояние в организм. Наприм., возьмите след. слова: «наука не вдруг могла синтетическим способом умосозерцания постигнуть неделимое целое, но сначала рассудок ищет различий и делений, которые впрочем, не могут заключаться в самом предмете, а основаны на субъективном его разумении. И так наука интеллектуальным способом разделила целое на тело и идею или душу и пр.¹⁹, след., это разделение не основано на сущности предмета. Еще яснее выражено это в другом месте²⁰. «Так как душа человека есть та сфера высшего единства духа природы с Божественным

духом, которая выражается индивидуальностью человека и относится к индивидуальному явлению; то каждое органически выраженное направление, будучи проявлением душевным, не может оставаться в той сфере индивидуальности, которая относится к духу вселенной и является сознательной индивидуальностью – психеею».

Но подобное учение есть, очевидно, следствие пантеистического направления и нисколько не может быть оправдано ни здравым рассудком, ни опытом. Здесь не место опровергать пантеистическое учение вообще; но разберем упомянутое мнение с той стороны, с какой оно касается нашего вопроса.

Во1-х, мнение это заключает в себе смешение различных предметов и понятий. Не должно этому и удивляться, потому что пантеизм в том и состоит, что смешивает все субстанции, считая их видоизменением одной всеобщей субстанции.

Беспристрастный разбор физиологических фактов приводит совершенно к другим результатам. Из первой главы мы видим что в человеке нельзя не допустить бытия какого-то существа, вовсе непохожего на его организм, вещества нематериального, иначе нет возможности объяснить, как в нем происходят ощущения. Да и сам Г. Кленке приходит к тем же результатам во всех случаях, когда держится ближе фактов; но где только он увлекается желанием подчинить их пантеистической системе, там он тотчас впадает в темноту, и слова его заключают явное противоречие. Возьмем хоть приведенную выше тираду.

Трудно понять, что такое значит выражение: «идеальное целое в вещественности становится реальным поэтому причина должна быть одна и та же»? Но тогда далее читаем: обе (т.е. идея и материя), пришедши в реальность и пр., то возникает вопрос; что такое материя, пришедшая в реальность? И неужели есть еще материя, не пришедшая в реальность? Слово «материя» до сих пор означает нечто реальное, вещественное, да и теперь ничего более означать не может. Посему выражение «идеальная материя» заключает противоречие в терминах. Или возьмем след. выражение: «идея вещественности становится реальным» след., она прежде не имела реальности, т.е. бытия

ибо реальность идей заключается не в её вещественности, а в её идеальном бытии?

Чтобы удостовериться в том, что всякая ложная система при ближайшем рассмотрении, сама себя изобличает своею запутанностью и внутренними противоречиями, возьмем ещё след. место: «Сущность организма есть жизненная идея его бытия, – идея, стремящаяся по законам природы сделаться явлением, т.е. принять вещественную форму. Вещественность происходит таким образом, что частная идея иногда становится моментом природы, т. е. в развитии своем, по законам времени и пространства, пребывает преемственно и во взаимном условии с внутреннею полнотою жизни, покоящуюся в идеальном первообразе; пребывание частной жизни есть воплощение, т.е. проявление идеи в образовавшемся теле»²¹. Чем ближе вникаем в эти запутанные фразы, тем яснее открываются их взаимное несходство, их противоречия. Что разумеется под именем идеи, стремящейся по законам природы сделаться явлением? Если это идея творческая, идея, которую имел Сам Бог от вечности и осуществил в свое время: то о ней нельзя сказать, что она стремится к осуществлению *по законам природы*, ибо творческая идея не подчинена законам природы, а сама творит их. Если же это не так, то каким образом она имеет бытие? Личность ли это, или же свойство особой субстанции? Словом, это представление какой-то идеи есть олицетворение собственной мысли автора; в нем ученый Психолог представлению собственного ума приписал самостоятельное бытие и заставил его играть слишком значительную роль. Далее различается еще какая-то частная идея жизни, которая «воплощается в организме, проявляет себя во времени и пространстве и находится во взаимном условии с внутренней полнотою жизни первообраза». Потом это: «пребывание частной идеи, сделавшейся моментом жизни (??), есть воплощение, т.е. идеи в образовавшемся теле». – Все это, повторяем, было бы понятно тогда, когда бы мы знали, что за идея, которая творит все эти чудеса и какое мы имеем право олицетворять эту идею, т.е. приписывать ей волю, разум, личную деятельность и пр.

Во 2-х, мы указали уже на странную гипотезу о бессознательном мышлении, но в рассматриваемой нами системе есть еще нечто более странное; это мнение – будто человеческий организм есть повторение солнечной системы, есть жизнь космическая в индивидуальном виде; а потому солнце и планеты повторены в человеке, жизненные же напряжения, являющиеся между центром и периферией солнечной системы, феномены движения, света, тяжести, химизма, электричества, гальванизма в организме повторяются, по общим законам, под видом жизненных действий. Солнечный принцип организма в конкретной своей форме представляется в человеке нервной системой, а планеты повторены в виде внешних чувств²².

Такие мысли с первого раза кажутся заманчивыми: ибо они как будто расширяют горизонт умственного зрения, но они не могут выдержать критики холодного рассудка. Сравнение организма с солнечной системой есть не более как сравнение и дальнейшего значения иметь не может. Сверх того, оно заключает в себе явные противоречия с прежними положениями самой Психологии, нами рассматриваемой. Давно доказано, и никакой здравомыслящий ум не отрицает, что вся солнечная система, все эти феномены света, электричества, магнетизма и пр. суть мертвые, механические явления материи, основанные на строжайших законах математики: след., если они повторяются в организме, то значит, что и весь организм управляется одними механическими законами, а не есть проявление какой-то разумной идеи. Но согласимся на минуту с мнением автора и поверим, что нервная система в человеке есть солнце, что наружные органы его суть планеты и пр.; что же собственно выйдет из этих положений? Какая сторона жизни ими объяснится? Лучше ли я пойму назначение и деятельность нервной системы, сказавши, что она есть солнце? Лучше ли пойму и устройство органов, усвоивши им роль планет? Едва ли! Кажется, что подобные сравнения скорее могут привести к ложным умозаключениям, нежели к истинным понятиям.

В 3-х. Идея, душа и психея представляются как три различные состояния одной и той же субстанции; это суть три

названия той жизненной силы, которые творит организм. Между тем, при употреблении этих слов, встречаются разные запутанности и противоречия. Например, «она, т.е. психея, как не подлежащий чувствам состав всех представлений (след. психея есть состав представлений??), обладает телесным организмом только в его напряжении, равно как и на мозг действует идеальным только образом (??). Но не должно здесь смешивать психею с душой. Душа, как основная идея индивидуальной жизни, временно проявляющаяся посредством организма, живет во всем составе организма, который есть ничто иное, как сама душа, сделавшаяся телесной; она, как частное явление высшего разумного бытия, мыслит бессознательно и всякое мышление в организме является действием в его гармоническом развитии и сочленении».

Но если психея и душа одна и та же субстанция, то она не может так стройно разделяться, чтоб одна часть её сделалась телесною и мыслила в организме бессознательно, а другая, оставаясь только в мозгу, мыслила столь сознательно. Очевидно, что здесь или совершенно отвергается различие организма от духовной субстанции человека, что ясно, впрочем, и из других мест системы Кленке, или же под именем души надобно понимать не то, что под именем психеи.

В 4-х. Наконец последняя несообразность рассматриваемой системы с опытными наблюдениями та, что раздражения внешних органов или те впечатления, какие органы сообщают через нервы мозгу, смешиваются с самими ощущениями. Опытная физиология несомненно доказала, что вне мозга, мимо впечатлений органов, нет ощущений; что органы не сами собою ощущают впечатления, а передают их нервному центру. Между тем, по системе Кленке, все органические сферы обладают способностью ощущений; все они, без помощи нервов, сами по себе могут ощущать. Этого еще мало, органические сферы не только ощущают, но мыслят; или, лучше, душа в них мыслит, хотя бессознательно, тем не менее разумно.

По всем сим соображениям трудно допустить, чтоб душа сама образовала для себя тело: мы этого не сознаем, не можем понять и объяснить. Напротив того, образование нашего

организма вовсе не зависит от произвола души; организм образуется сам, по своим органическим законам, исследованием которых занимается опытная физиология. Это, впрочем, не значит, чтоб не было никакой зависимости и влияния между развитием организма и развитием души. Оно необходимо есть, но, как увидим далее, в ином виде.

§150. От чего произошли такие странные мнения?

Одна из главных причин, которые служат основаниями заблуждений, представленных в предыдущем параграфе, есть привычка многих ученых олицетворять умственные представления законов природы, т.е. говорить о них, как о личных существах, действующих самостоятельно и намеренно.

Таково, например, олицетворение психеи, или души, которая творит организм человека. Душа человеческая, без сомнения, есть существо личное; но Г.Кленке говорит не о той душе, которая живет и действует во взрослом человеке, ибо эта душа, как очевидно, развивается постепенно и сама не может творить своего организма. Очевидно, что идея, которая у Кленке творит организм, есть олицетворение того закона, по которому развивается организм в утробе матери. Очевидно, говорю, что здесь автор олицетворил свое отвлеченное представление об общей жизни природы и одарил это представление волею и разумом, дал ему роль какого-то таинственного деятеля.

Такие примеры олицетворения встречаются у него на каждом шагу. Самые механические законы природы, самые простые феномены являются у него олицетворенными деятелями. Представим в доказательство описание действия пищеварения. Оно описано так²³: «противоположность между неделимым и внешним миром состоит во взаимном друг на друга действии и в том самом моменте, в котором они, сию минуту друг друга уничтожить, проходят снова самостоятельное существование. Неделимое силится уничтожить внешний мир, уподобляя его себе в области своей жизни; внешний мир уничтожает неделимое, разрешая оное, приводя его обратно в собственное, теллюрическое состояние. Между тем неделимое постоянно устанавливает внешний мир, представляя себе оный и постоянно в нем отражаясь. Пищеварение есть такая сфера индивидуального организма, посредством которой неделимое действие на внешний мир отрицательно. Но это отрицание происходит здесь в самой материальной и как бы низшей

форме; поскольку внешний мир, как скоро вступает в непосредственное сношение со сферою пищеварения, теряет совершенно материальные свойства и качества и сделавшись, так сказать, абстрактом материалов, приводится в химический сок, который после подвергается влиянию индивидуальной жизни. И так организм уничтожает свойства внешнего мира. Этим выражается преобладание индивидуального над общим, и в этом состоит признак самосохранения, эгоизма в организме. – Организм желает существовать как бы один и усвоить себе, сделать собственным телом все, что может служить его существованию».

Очевидно, что в этом описании простой и удобно изъясняемый в физиологии процесс пищеварения представлен в олицетворенном виде, химическое действие разложения принятой внутрь пищи называется усилением индивидуальной жизни уничтожить внешний мир; представлена какая-то борьба между внешним миром и индивидуальной жизнью, в которой победа остаётся на стороне последней. Но подобное олицетворение органических законов едва ли проливает новый свет на что-либо. Говоря проще, желудок действует по простым физическим и химическим законам бессознательно, а потому не должно представлять его действие каким-то сознательным и намеренным.

Это стремление все объяснять олицетворением производит то, что явления простые, не требующие больших соображений и очень легко объясняемые физиологией, представлены в каком-то таинственном виде. Напр., ничего нет проще, как объяснение действий глаза, которое и было представлено нами в первой главе. Но послушаем Г. Кленке²⁴: «В глазе заключается идея усвоения и участия к напряжению, действующему во внешнем мире эксцентрически, которое мы называем светом; другими словами: индивидуальная жизненная идея посредством глаза стремится войти в соотношение с действиями света. Внешний мир действует на глаз своим светлым напряжением и изменяет органическую сферу; нерв принимает участие в этом измененном состоянии глаза и в тоже время свою черепно-мозговую, покрывочную массу приводит в такое состояние, что

жизненная идея чувствует это изменение под видом света и пр.».

Пусть беспристрастный читатель хладнокровно разберет все выражения приведенной тирады, и он уверится, как все в них основано на игре слов и все запутано. «Внешний мир действует на глаз светлым напряжением и жизненная идея чувствует свет». Понятнее ли это тех простых объяснений зрения, которые предлагает опытная физика? Или возьмем, напр., это объяснение слуха²⁵: «Как скоро тела внешним влиянием побуждены к внутреннему движению и в следствие этого обнаруживают стремление свое к разрешению, т.е. свое дифферетивное пребывание привести снова в первобытное эфирное существование: то в таком случае происходит замечательный феномен, называемый внутренним качанием, дрожанием или волнением вещественного разрешения и сгущения... тогда происходит то, что мы называем звуком. Посредством звука человек вступает в ближайшее соотношение с вещественным миром: ибо звучание тел есть стремление их разрешиться, проявить основную свою сущность. Поэтому в звуке более всего проявляется основная сущность тела и пр., и пр.».

Это описание не легко понять; но, сверх того, оно заключает в себе существенные неверности: ибо говорится, что звук есть проявление существенных свойств материи. Это несправедливо: ибо звук не проявляет никакого почти свойства тела; оно есть особое, случайное его состояние, именно дрожание. Душа очень мало узнает посредством слуха. Можно сказать, что ухо самый бедный орган по отношению к познанию, а между тем говорится, что посредством слуха мы узнаем самую сущность материи. Я уже не говорю, что такое значит: «стремление тел к разрешению»; или – «свое дифферетивное пребывание привести в первобытное эфирное состояние»?

Хотите ли узнать, что такое свет?²⁶ «Жизненное напряжение вселенной, которое обнаруживает действие, исходящее от известных космических, центральных, жизненных пунктов и которое возбуждает противодействие во всех телах подлежащих его влиянию, вследствие чего они сами становятся

подчиненными центрами и пр.». В другом месте свет – называется «жизненным пульсом мира».

Но подобный способ мирозерцания, подобное стремление олицетворять законы и явления природы, а также и собственные умопредставления, как кажется, есть более младенческий образ рассматривания природы. Естественно, что люди в младенческом возрасте, не постигая причин многих явлений, все считали одушевленным, во всем видели деятелей разумных, населили всю природу различными живыми силами; словом, олицетворили все силы природы. Но чем более ум человеческий усовершенствуется и мужает, тем лучше он научается отделять механическое от живого и разумного и тем более уверяется, что везде, где он подозревал присутствие живых сил, действуют механические законы. Ближайшее изучение природы всегда показывало перевес механизма во вселенной. А потому, в настоящее время, все эти олицетворения явлений можно считать за анахронизм. Никто не скажет, что свет есть какая-либо жизненная сила природы, или что звучащее тело стремится к какому-то разрешению. Свет, звук, тяготение, притяжение, суть видоизменения механического движения частиц материи; все они измерены и взвешены наукой. Словом, чем ближе мы будем изучать природу, тем сильнее станем уверяться, что вся вселенная, разумеется кроме живых одушевленных существ, есть великий, но мудрый механизм²⁷.

§151. Сущность отношения души и организма

Сущность отношения между душой и организмом состоит в том, что душа и тело существуют не только совместно, но и во взаимном условии. Развитие, совершенствование и вообще вся жизнь души и тела идут не только параллельно, но и при непрерывном взаимном влиянии друг на друга, и столь тесно, что они обе составляют не два, а одно существо – человека. Все, по крайней мере, более важнейшие явления тела отражаются в душе, имеют влияние на её состояние, расположение, представление и вообще на всю её жизнь, и наоборот, сии последние отражаются в организме, производя в нем часто особые состояния. Поэтому, не смешивая организма с душой, не считая последнюю за сущность первого, а первый – за проявление души, надобно только, сообразно здравому опыту и наблюдениям, показать, какие явления душевные зависят от органических влияний и какие душа, в свою очередь, перемены и состояния производит в теле.

§152. О постепенном образовании человеческих способностей

Наблюдая над развитием способностей у детей, мы приходим к тому общему выводу, что организм, прежде всего, есть как бы орудие, которое дал Бог душе для того, чтоб посредством него она могла приобрести все познания. Тело наше, говорю, есть как бы наставник для души в том смысле, что душа всему научается посредством своего организма. Подробный свод наблюдений над развитием младенческой души, начиная с первых проблесков внимания до полного проявления всех способностей, вполне доказал бы эту мысль, и сверх того, был бы в высшей степени полезен и важен во многих других отношениях. Он представил бы исторический свод происхождения, порядка и развития всех душевных сил и служил бы важным пособием для опытного психолога. Мы постараемся указать хоть некоторые черты из сих наблюдений.

Младенец рождается на свет, не имея и не обнаруживая никаких душевных сил и способностей, кроме разве механического движения членов и некоторых внутренних ощущений голода, боли, холода пр., бессознательных, но обнаруживаемых плачем. Некоторый проблеск души можно наблюдать в нем лишь спустя несколько недель, а иногда и месяцев по рождению. До того же времени дитя хотя и смотрит глазами и, без сомнения, получает впечатления от всех других органов, а след., в душе его происходят ощущения света, фигуры, звуков, запахов и пр.; но оно не сознает этих ощущений, т.е. не понимает, что эти ощущения происходят именно в нем.

Первая способность, которую можно подметить в детях, есть именно внимание; а оно в них первоначально пробуждается большею частью от ощущений звуков. Если няня, желая усыпить дитя, начинает петь колыбельную песнь то, через несколько времени, дитя перестает плакать и очевидно начинает прислушиваться к голосу, т.е. начинает сознавать в себе какие-то ощущения, след., останавливать на них

внимание; но это внимание, это сознание звуков, долго еще бывает в нем довольно неопределенно, т.е. дитя долго еще не понимает того, что причина этих ощущений находится вне его, и уже в последствии оно начинает догадываться, что звуки исходят от постороннего предмета.

Тоже бывает с ощущением зрения, в люльке, над глазами ребенка часто вешают какую-нибудь игрушку. Дитя долгое время смотрит на нее довольно безразлично; потом начинает останавливать на ней глаза, но дольше; след., начинает замечать то ощущение, которое рождается в нем от игрушки; но оно долго еще не понимает что эта игрушка есть предмет, вне его находящийся; ему кажется, что она находится в его глазах. Наконец, когда впечатление игрушки от частого повторения стало ему знакомо и дитя приучилось к этому ощущению – и в особенности, когда оно научилось владеть руками: то мы можем заметить, как оно обнаруживает намерение схватить игрушку. Тут-то можно наблюдать, как оно ошибается в расстоянии игрушки от себя. Дитя начинает хватать ее тут же у самых глаз, и когда несколько раз повторившиеся неудачи показывают ему, что игрушка находится дальше: то оно научается понимать расстояние вещей от себя и начинает догадываться о бытии внешних предметов. След., первая способность, которая возбуждается в душе человека, есть внимание и проявляется вследствие впечатлений предметов на чувства.

В последствии, дитя мало-помалу начинает сравнивать свои ощущения, отличать одни лица и вещи от других лиц и вещей. Разумеется, что оно прежде всего замечает свою няньку, мать и те вещи, которые ближе к нему. Внимание его привлекают сначала такие предметы, которые производят на чувства более сильные впечатления. Яркий блеск зажженной свечи, или огонь в камине, сильно возбуждают его чувства, так что оно не может сначала оторвать от них глаз. Но чтобы понять душевный процесс, по которому дитя производит сравнение своих ощущений, представим след. соображение. Дитя очень скоро привыкает к своей няньке и отличает ее от всех других лиц. Но по каким качествам и по каким впечатлениям оно узнает и отличает ее? Без сомнения, по признакам её наружным, ярко

бросившимся в глаза, каковы: цвет платья, голос и пр.; но пусть нянька переоденется и подойдет к ребенку: последний начнет ее дичиться, начнет плакать и ни за что не пойдет к ней на руки. Если нянька заговорить с ним в этом виде чужим голосом: дитя еще пуще начнет плакать и дичиться. Когда же нянька станет ласкать его своим обыкновенным голосом: дитя успокоится, хоть все-таки будет глядеть на нее недоверчиво. Совершенно же оно успокоится лишь тогда, когда нянька наденет прежнее свое платье. Эти и подобные примеры ясно показывают, что дитя начинает уже сравнивать свои ощущения делать суждения и умозаключения, хотя без слов, но тем не менее правильно: след. в нем уже появились зачатки мышления и всех почти будущих способностей. Параллельно с сими умственными способностями, и даже ранее их, в детях проявляются способности желательные, зародыш коих заключается в их душе с самой минуты рождения.

Дитя, как мы сказали еще прежде, имеет при самом рождении только одну способность и силу двигать своими членами. Эту способность оно, впрочем, получает еще в утробе матери: ибо мать на половине своей беременности чувствует движения членов образующегося младенца. Но движения младенца до рождения и в первые дни по рождении бывают более механические, бессознательные. Дитя в первые дни по рождении не умеет даже сосать груди матери и выучивается этому лишь после того, как мать несколько раз вложит ему в рот свою грудь и нальет молока. Точно также оно не умеет по рождении правильно владеть своими руками и ногами и только, спустя несколько месяцев, научается понимать назначение рук, а также научается обращать глаза в ту сторону, откуда слышит звуки, чего не умело сделать прежде. Замечательно, что дитя довольно долго по рождении не сознает своих членов, т.е. не понимает, что его ручонки и ножки принадлежат ему: случается, что оно, при прорезывании зубов, кусает свои собственные пальцы и начинает плакать, и это не один раз.

Так развивается душа ребенка, при помощи данного ему от Бога чудного организма! Оно мало по малу начинает знакомиться с окружающими его вещами, их употреблением;

оно начинает обогащаться разнообразными сведениями, а когда дитя начинает уже лепетать, то невольно обнаруживает свое любопытство, расспрашивая обо всем, что ни повстречается ему нового. Тут-то легко можно предугадывать об его природных дарованиях: ибо чем дитя любопытнее, тем оно пристальнее обращает внимание на все встречающиеся предметы, – тем, значит, оно лучшие имеет способности.

Глава восьмая. Об отношении нервной и других систем к душевной жизни

§153. Содержание главы и разделение

Изложив в предыдущей главе сущность отношения между душой и телом вообще, приступим теперь к исследованию отношения к душе отдельных органических систем. Но прежде всего надобно заметить, что одни из органических систем имеют отношение исключительно к познавательным способностям души и назначены к тому, чтобы душа могла через них мыслить, – такова нервная система и особенно черепной мозг, а другие системы имеют влияние более на пожелательные или деятельные способности, чем на познавательные, и способствуют к образованию так называемого темперамента. Сообразно с этим мы в настоящей главе рассмотрим несколько подробнее: каким образом нервная система становится орудием мышления, а также какое влияние имеют на мышление и другие системы?

А. Отношение к душе нервной системы

§154. Сущность сего отношения

В первой главе мы уже описали центр нервной системы и действия нервов чувствования и движения, но это описание было неполное: ибо оно было направлено к известной частной цели и в нем говорилось об этом предмете на столько, сколько было нужно для достижения этой цели. Теперь же мы должны определить подробнее: какое имеет влияние на душевные действия нервная система.

Чтобы ни говорили физиологи – теоретики, подобные Кленке, желающие все факты подчинить заранее составленной теории, но существенное назначение нервной системы есть то, чтобы впечатления внешних предметов на органы перенести к чувственному центру, где их воспринимает душа. Это есть факт, постоянно подтверждаемый опытной физиологией, которая удостоверяет, что без нервов нет чувствования, и человек чувствует и сознает только те из телесных перемен и раздражений, которые нервы доносят до мозга. Предположение, что периферии или внешние органы способны сами ощущать без всяких нервов, и что душа даже мыслит в них, но только бессознательно, всегда останется странною гипотезою. Потому то сам Кленке, приводя слова естествоиспытателя Окена: «каждая часть тела имеет раздражительность и чувствительность сама по себе, не заимствуя от нервов: ибо каждая часть есть ничто иное, как грубая нервная оболочка нервов, достигших своего совершенства» продолжает далее: «однако ж, нет сомнения, что чувствование свойственно одной нервной массе, и все чувствующие получает эту способность потому и в той степени, в какой оно представляет преобразование нервной массы. Поэтому все формации или ткани имеют различную степень чувствительности, смотря по степени преобразования основной ткани, а не по количеству нервов, к ним приходящих»²⁸. След., прибавим мы от себя, без нервов все таки нет и не может быть чувствования.

§155. Способ действия нервов

Г-н Кленке способ действия нервов, т.е. как нервы переносят впечатления от периферии к центру, объясняет след. сравнением: «Кто желает получить верное представление о первичных нервных волокнах и их действиях, пусть посмотрит на гальванический телеграф, как ближайший аналог с нервной деятельностью. Проволока гальванического телеграфа образует замкнутую цепь с двумя полюсами, представляющими между собою такое единство, что самое легкое изменение в одном полюсе действует и в другом полюсе, отстоящем от первого на несколько миль; но как только цепь будет прервана, то мгновенно полярность обоих полюсов теряется. Нервное волокно имеет такую же форму: оно периферическим концом своим заворачивается и, нигде не прерываясь, возвращается в центр к своему началу. В нем вращается эфирное вещество, деятельность подобная гальванизму, и только от различия линии, по которой происходит центрифугальное и центропетальное действие, зависит чувствующая или двигающая деятельность замкнутой цепи нервных волокон».

«Этим вещественно заметным способом центр нервной системы воспринимает впечатления из всех органических сфер и действует на них обратно».

«Первоначальные формы, как центральной, так и других нервов, суть сферические тела и цилиндрические трубки. Первые, известные под разными именами – нервных шариков, нервных пузырьков, или покрывочной массы, у Г. Валентина находятся повсюду при нервных трубках или первичных волокнах. Последние, имеющие вид волокон, служат проводниками между этими шариками покрывочной массы и прочими частями организма; они как тонкие нити проходят ко всем оконечностям тела, потом заворачиваются и сходятся в центр со своим началом. Итак в черепном мозге находится центральный пункт бесчисленных нитей, выходящих со всех органов, сближающихся в спинном мозгу и доходящих до него.

В нем находится их центр и заворот, куда они приходят и откуда выходят обратно»²⁹.

Здесь, в центральном органе, около этих бесчисленных заворотов нервных нитей, собирается шаровидная масса, нервные пузырьки, от изменения коих динамического или материального, зависит вся жизнь нервов, их действие, их проводимость. Все, что нервы проводят от органов, все впечатления внешних предметов на органы производят перемену покрывочной массы, и чем чаще и свободнее происходят эти изменения, чем лучше они развиты, и чем большее число пузырьков находится в соприкосновении с нервами, тем лучше и чище бывают чувствования души и её противодействия. При каждом новом впечатлении и при каждом новом чувствовании бывает новое состояние пузырьочной массы. При воспоминании прежде бывших состояний и представлений, надобно, чтобы эта масса пришла в прежнее состояние. Притом же, факт замечательный, открытый в новейшее время, что чем длиннейший путь проходят нервные нити сквозь эту покрывочную массу и чем изолированнее и короче путь волокна от периферии к центру – мозгу, тем сильнее бывает жизненная энергия. Это именно и происходит в мозгу более развитых животных, особенно у человека.

Не могу решить на сколько согласятся опытные, сведущие физиологи с тем мнением Кленке, что нервы чувствования и движения не суть две отдельные нити, а одна и та же нить, завороченная и замкнутая подобно цепи гальванического тока, и –перенесение впечатлений от органов к центру и противодействие от центра к перифериям суть ничто иное как гальванический, животный ток. Многие опытные физиологи отвергают однородность гальванизма с тем началом, который действует в нервах. Впрочем для познания души почти все равно как бы не решился этот спор. Для психологии достаточно и того, что положительно известно в этом отношении.

§156. Что собственно значит бессознательное мышление?

Здесь мы должны обратить особенное внимание на один физиологический факт, приводимый самим Кленке и имеющий интерес в том отношении, что он объясняет весьма просто то, что Кленке назвал бессознательным мышлением души. Мы сказали в предыдущем параграфе, что чем нервная нить, долженствующая пронести впечатление изолированнее, короче, тем она лучше проводит это нервное начало или нервный ток к мозгу и, след., тем отчетливее бывают чувствования: таковы нервы от органов пяти чувств; но не все нервы имеют это преимущество. Послушаем лучше самого Кленке. «Все ганглиозные нервы, хотя вопреки прежнему мнению ученых, имеют центральный заворот полюса в черепном мозге, однако же не идут непосредственно к этой центральной точке, но прежде встречают на пути особенные части, ганглии, которые состоят из так называемой центральной покрывочной массы и в разных местах прилегают к первичным волокнам нервов образовательной жизни. Цель их состоит в изменении происходящего здесь центрального, иннервационного действия. Но мы знаем, что нервный ток, относится ли он к чувствованию, или противодействию, бывает тем чище, изолированнее и яснее, чем изолированнее и короче путь волокна от периферии к центру: отсюда, чем отдельнее и далее проходит он в покрывочной массе черепного мозга, тем скорее впечатление становится чувствованием, а реакция возвышается в действие воли.

«Нервы образовательной, бессознательной жизни, т.е. пищеварительные, кровеносные, лимфатические и пр. не имеют этих преимуществ; и потому впечатления, проводимые ими в черепной мозг, остаются темными ощущениями, и только моменты сильного раздражения достигают сферы сознания под видом предчувствия и желания, темного ощущения органических состояний, безотчетного противодействия. Эти

моменты известны под именем месмеризма, сомнамбулизма, рабдомантизма и пр.»³⁰

Из всего этого можно видеть, что не все перемены нашего организма одинаково отражаются в черепном мозге, а потому не все производят одинаково отчетливые ощущения. В организме бывают и такие перемены, от которых впечатления редко доходят до мозга черепного, да и то в виде темных, бессознательных ощущений; – но эти самые темные ощущения, или, лучше, те самые перемены организма, кои не отражаются в душе и названы у Кленке бессознательным мышлением. Но мышление есть то, что душа сознала отчетливо; в него входят, как основания, лишь те впечатления и перемены организма, которые отчетливо отразились в душе. Напротив того, те из перемен и впечатлений, которые в душе не возбудили внимания, которые душа не внесла в формы своего мышления, остаются чужды душе совершенно, также как и те из явлений внешнего мира, кои не произвели впечатления на чувства, или если и произвели, но душа не обратила внимания на них. И так нет никакого основания называть сии органические перемены бессознательным мышлением души: ибо душа их не чувствует, и не мыслит о них. Самое выражение: «бессознательное мышление» заключает в себе противоречие в терминах.

§157. Об общем чувствовании

Содержание §22 органической Психологии Г. Кленке в высшей степени глубокомысленно и важно по своим следствиям. Сказавши, что пропорция нервных нитей чрезвычайно многочисленна, что весь организм со всеми своими частями сообщается бесчисленными нитями с черепным мозгом, что, след., по этим нервам идут бесконечные иннервационные токи до мозга и от мозга, Кленке прибавляет «Все нервные нити непрерывно проводят бессознательные, или достигающие сознания внешние впечатления в центральный орган; все нервные волокна центрифугальной иннервации непрерывно проводят сознательно, или без сознания, произвол души, волю жизненной идеи ко всем областям индивидуальной жизни, и из этой внутренней деятельности, из этой среды всей идеальной и реальной жизни необходимо должно произойти общее состояние индивидуума, которое в физиологии называется общим чувством».

Это общее чувство служит объяснением, каким образом происшествия всех сфер организма, их внешние влияния, наконец мышление, желания и реализация жизненной идеи, при известных обстоятельствах, становятся господствующим моментом сознательно основного строя души; как та бессознательная жизнь, которая течет по нервным нитям бессознательной ганглиозной массы к черепному мозгу и обратно, может возвыситься до степени сознательного момента, потому что так называемое общее чувство бывает возвышено до ненормального состояния.

§158. О деятельности собственно черепного мозга

Мы сказали выше, что все точки организма посредством первичных волокон имеют связь с черепным мозгом, от чего всякое состояние, или всякая перемена периферии, тотчас повторяется в мозгу. След., в мозгу сосредоточивается вся жизнь всего организма, в нем только душа и может сознавать и ощущать все свое тело. Посему, чем большее число первичных и лучше изолированных волокон приходят в него от каких-либо органических сфер, чем более центральных точек в мозгу, чем наконец более покрывочная масса волокон в мозгу, тем сильнее и яснее должно быть ощущение души. След., по строению, масс и прочим признакам черепного мозга можно уже некоторым образом судить и об умственном развитии человека; но, впрочем, не так решительно и непогрешимо, как многие думают.

Все высшие способности души имеют свой орган местопребывания и так сказать орудие в черепном мозгу, и каждое изменение, каждое действие души прежде всего обнаруживается в головном мозгу. Эта сила живая и деятельная, находящаяся в эфирных нервных пузырьках, гораздо подвижнее, чем гальванический ток. Довольно сказать, что каждое представление души (а сколько есть в душе представлений!), сопровождается особым состоянием известных частей покрывочной массы, которое снова возобновляется при повторении того же представления, так что мы не можем припомнить ни одного представления без того, чтоб не повторилось тоже состояние черепных частей. Такое повторение должно происходить также и тогда, когда душа желает долее и лучше помнить свои представления. В книге Кленке приводится превосходное сравнение Каруса, объясняющее способ действия души посредством черепного мозга. Нельзя отказаться от удовольствия выписать его: «Представьте себе комнату магика, которой стены покрыты многими зеркалами. Эти зеркала имеют свойство, – всякое изображение, проведенное к ним магнитным способом извне, отражать к магику, сидящему на середине комнаты, который,

взглянувши на него однажды, как бы берет его и хранит у себя на всегда, как свою собственность. Таким способом магик получает и хранит множество изображений, которыми всегда может располагать по своему произволу, при следующем впрочем условии: припоминая какое-либо из этих изображений, если захочет вновь его видеть, должен взглянуть на то зеркало, посредством которого он в первый раз получил его, и тогда, подобно молнии, оно мгновенно является перед ним чистым и ясным, если зеркало чисто и цело; темным – если зеркало тускло; не полным – если зеркало запачкано или разбито, и может совершенно не явиться, или остается не видимым – если зеркало совершенно разбито, или совсем тускло. Все эти зеркала остаются чистыми и целыми только при частом употреблении оных, т.е. необходимо частое прохождение подобных изображений извне, или повторительное смотрение на них изнутри, чтобы зеркало сохранило свое действие. Но мало по малу легко может случиться, что от недостаточного употребления, или внешнего повреждения и пр., все зеркала тускнеют и делаются для магика негодными к употреблению; они могут потерять способность магнитным способом привлекать новые для магика изображения, а он не будет в состоянии вызывать изнутри на старых зеркалах те изображения, которые сделались его собственностью. Несмотря на это, изображение, прежде доставшееся ему посредством зеркал, остаются на всегда; кто может сомневаться в том, что они хранятся у него в продолжение всей его жизни, хотя бы он никогда не мог устроить новой панорамы зеркал свыше данную ему силу?»³¹. В подтверждение того, что каждое почти представление должно иметь свой соответствующий орган в мозгу, или соответствующую перемену его частей, Кленке приводит пример больного, который вдруг потерял от местного поражения мозга одно представление – пить из стакана, между тем, как орудия представления остались без перемены, и во время питья ему нужно было только поддерживать стакан. Другой пример представлял один солдат, который, потеряв через трепанацию часть мозга, вдруг забыл числа 5 и 7 и едва после долгого времени мог снова выучить оные.

Но никто не в состоянии указать в мозгу органов сих частных представлений; ибо органы мозга, его пузырьки столь нежны, столь недоступны анализу, что невозможно их изучать даже и посредством лучших микроскопов.

§159. Замечание о сущности души

Воспользуемся предыдущими фактами, чтобы снова подтвердить то, что мы старались доказать в первой главе на основании устройства мозга, именно – нематериальность и неделимость того существа, которое воспринимает все впечатления мозга. В самом деле, те самые факты, которые указывают на тесную зависимость отправления души от мозга, вместо того, чтобы служить опорой материализму, составляют сильнейший, непоколебимый и ничем неоспоримый довод в пользу неделимости и духовности души человеческой.

Если бы кроме мозга не было в человеке единого, неделимого существа: то выходило бы, что способности человека суть отдельные субстанции, что ум принадлежит особым частям, воля – другим, желания третьим и т. д. Этого мало, предыдущие примеры показали, что для каждого представления есть свой особый орган, как напр., в предыдущем примере для представления 7 и 5 у солдата; но кто будет так прост, чтоб не видеть, что все эти мозговые пузырьки, весь мозг, есть только орудие одной неделимой субстанции, душевной монады, которая совмещает в себе все мысли и способности, которая пользуется мозгом как музыкант струнами инструмента, из которых при известных действиях извлекает желаемые звуки. Смешно думать, чтобы представления 7 и 5 заключались именно в тех атомах мозга, которых упомянутый солдат лишился, или которые повредились при операции: очевидно, напротив, что известные пузырьки были только органами для этих представлений. Когда же душа лишилась этих орудий, то позабыла на время самые представления; но после снова приучилась к ним т.е. по всей вероятности сделала орудиями этих представлений другие атомы, или пузырьки мозга. Посему, все приведенные до сих пор примеры влияний органических явлений на душевные представления, все эти факты, показывающие, в какой зависимости находится мышление от органических систем, не только не должны никого привести к той мысли, что душа есть

нечто телесное, есть как бы субстрат, эссенция организма, как можно подумать при чтении книги Кленке и подобных систем; но еще сильнее убеждают нас в невещественности души.

Представим себе, для большей наглядности, какую либо часть мозга, состоящую из 18 атомов, из которых каждый есть орган 18 разных представлений. Если в мозгу нет одной монады – души, одного нематериального существа, которое совмещает и сравнивает между собою все эти представления, то спрашивается: каким образом из этих 18 отдельных пузырьков или органов представлений могут составиться суждения? Не забудем, что суждение есть сравнение двух представлений; но положим, что для известного суждения нужно сравнить представления, заключенные в 1-м и 18-м пузырьках: кто же производит это сравнение? Сами ли 1-ый и 18-ый пузырьки? Но думать так было бы нелепо, ибо тогда в нас было бы столько же сравнивающих субстанций, сколько есть суждений. След., невозможно здравомыслящему человеку не видеть, не убеждаться, так сказать, осязательно, что в человеке есть какое то особое, непостижимое существо, которое соединяет в себе состояния всех этих атомов, которое сравнивает все эти бесконечные изменения мозговых пузырьков, отражающиеся в нем в виде ощущений.

Но внимательное рассмотрение этого вопроса может повести еще к дальнейшим соображениям. Мы говорили доселе о нервных токах, которые доводя до мозга впечатления, изменяют черепной пузырчатый покров; говорили, что без этого изменения, без этого напряжения частиц мозга, нет ни чувствований, ни представлений. Но спросим себя: в чем может заключаться сущность этого впечатления нервного тока на мозг? Какую именно перемену производят эти впечатления в микроскопических пузырьках мозга? Или иначе, в чем состоит сущность того отпечатка, того впечатления (*impressio*), которое нервные токи производят на мозг для возбуждения представлений, и которые снова должны повториться в мозгу, когда мы воспоминаем те же представления?

В ответ на эти вопросы и заключается разность нашего воззрения с воззрением Кленке и всех новейших психологов.

Мы глубоко убеждены в истинности нашего мнения: потому что в нем утверждает нас беспристрастный разбор всех физиологических фактов.

Кленке и все новейшие физиологи и философы думают, что эти самые впечатления, эти самые перемены пузырьков и суть ощущения или чувствования. Так что из этого следует, что в нас все видит, слышит, чувствует и пр. самый мозг. Этого мало, Кленке даже органы, или системы тела, почитает способными чувствовать, и – даже думает, что ёще страннее, что душа мыслит во всех органах; отсюда его бессознательное мышление. Но очевидно, что это мнение произошло от смешения впечатлений с ощущениями. Чувствует не мозг, тем более не глаз, не ухо или нос, а чувствует душа. В органах и даже в мозгу, в пузырьках мозга, происходит одна химико-механическая перемена, которая не есть ёще ощущение.

Кто силою мышления и анализа успел понять это различие и достаточно отделил в уме впечатления от самих ощущений, тому все физиологические факты представляются в новом свете. Для него многое, что прежде казалось непонятным, становится ясным. Но если бы даже это мое мнение оказалось неверным, т.е. если бы дальнейшие физиологические опыты и исследования доказали, что ощущения принадлежат именно самим органам или мозговым пузырькам, если бы, говорю, мнение Кленке и других об ощущающей материи, как основании организма, оказалось справедливым, чего по всем соображениям никак нельзя ожидать: то и тогда сказанного в начале сего § и также в первой главе совершенно достаточно для доказательства нематериальности души: ибо, предположивши также, что ощущения принадлежат мозговым пузырькам, никакой здравомыслящий человек не может сказать, чтоб сами эти пузырьки и сравнивали ощущения и делали суждения, потому что один пузырек или одна мозговая часть не может знать того, что происходит в других отделениях мозга.

§160. Значение частей мозга

В первой главе мы кратко упомянули о значении разных частей мозга: представим здесь еще некоторые подробности.

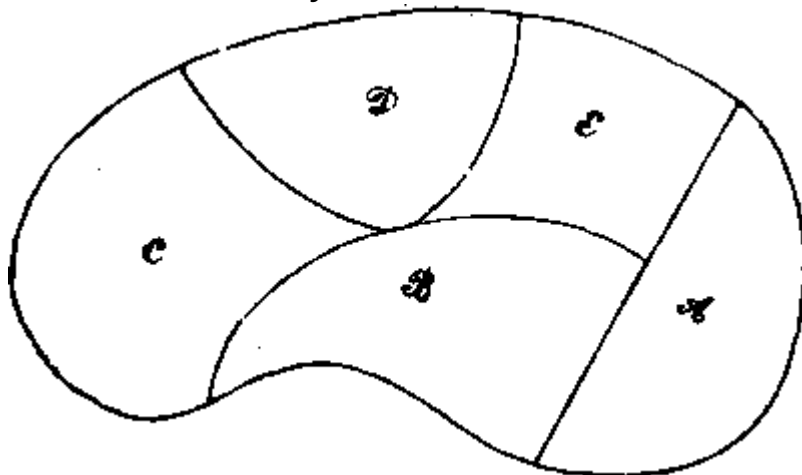
Припомним сначала опять то, что было сказано о способе прохождения нервов из периферии к центру черепа: из некоторых органов нервы не прямо идут к головному мозгу, а соединяются и перепутываются на пути прохождения со многими другими частями организма, (напр., с ганглиями), и потому они не могут вполне доносить до сознания нервного тока: таковы – нервы дыхания, кровообращения, легких и пр. Вот почему душа не чувствует, не сознает вполне некоторых телесных отправлений: напротив, когда нерв какого либо органа идет изолированно и по короткому пути к мозгу, и когда он более погружается в мозговые шарики: тогда все происшествия помянутого органа яснее отражаются в душе.

Черепной мозг разделяется по своему строению на три части: на малый мозг, четверохолмие, или продолговатый мозг, и большой мозг. Наблюдения и опыты многих физиологов показали, что поражения малого мозга расстраивают движения мышц и конечностей: след., малый мозг с мостом (pons) есть орган, коим душа производит движения. В нем проявляются желания, ясные или темные, влечения к внешним предметам и пр.

Большие полушария малого мозга содержат наибольшее число нервных волокон, кои прошедши длинный путь, становятся орудием высших способностей души, воли и сознательных стремлений. Здесь оканчиваются и большие нити зрительного нерва. – Что же касается до нервов слуховых, то и они без сомнения имеют свои завороты в малом же мозге.

Но главнейшее орудие для душевных способностей есть большой мозг. Наблюдения показали, что все нервные волокна, идущие от поверхности покровов, бесчисленные нервы туловища, особенно лица, имеют в нем свой центральный заворот. В большом мозгу душа устроила для себя орган сознания внешнего мира, умственных отправлений. Кленке

представляет, след. распределение пребывания душевных способностей в мозгу.

А. Малый мозг. – Место побуждений, вождений, движения, инстинкта, полового вождения, чувствования звука.

В. Четверохолмие.– Место образовательной деятельности и бессознательных её впечатлений и противодействий, центральный пункт симпатической нервной системы, место чувствования света.

С. Передней большой мозг. – Место умственного познания, рассудка, сознания, чувствования запаха.

Д. Большие полушария над четверохолмием. – Место сознательного чувствования и противодействия, происходящих из образовательной жизнедеятельности, высшей потенции общего чувства душеразположения.

Е. Большие полушария над малым мозгом. Место сознательного желания, произвола и высшего познания.

Что сказанное распределение верно, то, по словам Кленке, подтверждено множеством опытов, часть которых мы представили в первой главе и подобное описание коих находится во многих физиологиях³².

§161. Следствия из этого описания частей мозга

Из подробного изучения частей мозга и их соотношения между собою и к органам всего тела выходит, что нервная система, особенно нервный центр, имеет непосредственную связь и влияние на душу человека, и что по развитию мозговых частей можно судить о душевных его свойствах. Но это лишь отчасти. Вполне же безошибочно угадывать о всех способностях и состоящих душевных по знакомству с мозгом нет возможности: ибо вещество мозга столь утонченно, что не допускает никаких исследований. Преимущественное развитие той или другой части мозга дает нам право заключать о некоторых, особенных душевных состояниях. Вот, почему мозг и самая голова разных поколений людей устроены не в одной пропорции. Напр., у эфиопов гораздо значительнее развиты задние части мозга; и мы знаем, что у них умственные способности гораздо ниже, чем у прочих племен, за то страсти, стремления сильны и неукротимы.

Но, замечая это близкое отношение между развитием мозга и умственными способностями, не надобно смешивать причину и действие, или не надобно думать, что такой человек потому только был умен и даровит, что у него лучше развился мозг, а глупость другого была следствием того, что мозг его не был хорошо развит. Думать так было бы ошибочно. Здесь, как и везде, истина находится в середине между двумя крайностями. Не соглашаясь ни с мнением Кленке, которого главная мысль есть та, будто душа сама бессознательно образует себе органы, а след. и мозг, что не подтверждается опытом, – нельзя признать за истину и систему краниоскопов и других последователей Галля, полагавших, будто все развитие души, все ее состояния, все, страсти и стремления происходят в следствии явления в мозгу известных органов.

Кажется, что здесь эти два явления, т.е. развитие органов и душевные свойства, нельзя ставить в строгом смысле в отношении причины и действия. Думаю, что опытные физиологи согласятся с тем, что каждое из них может быть в одно и тоже

время и причиною и следствием. Душа и тело развиваются параллельно и под взаимным влиянием. Иное в организме обуславливается чисто психологическими свойствами, и наоборот – многие душевные явления суть следствия органических влияний. Возьмите, напр., того же самого Эфиопа, у которого всегда развивается задняя часть мозга; начните с малых лет образовывать его душу; упражняйте, как можно более, его умственные способности и, без сомнения, через несколько поколений у Эфиопа получится иначе развитый мозг. Это очень естественно. У всякого человека более всего развивается именно тот орган, который он упражняет чаще всего. Так, напр., у работников мускулы рук развиты сильнее всего, а у человека ученого более развиты мозговые части.

§162. О душевных болезнях, как следствии расстройства нервной системы

Болезненные состояния нервной системы производят произвольные нервные токи, которые часто возбуждают, в свою очередь, неправильные чувствования и представления. Душа некоторыми ненормальными напряжениями органов приводится к обману, теряет ясное сознание внешнего мира, теряет волю и пр.; это значит – душа теряет правильный способ мышления через расстройство органа; она, по выражению Кленке, играет на расстроенном инструменте.

Умопомешательство, по мнению Кленке, бывает всегда следствием лишь расстройства нервов или организма. Но не все физиологи и психологи согласны в том. Что касается до нас, то и мы со своей стороны думаем, что душа сама независимо от расстройства органов может впасть в расстройство в своих мыслях и представлениях и, кажется что если сличить все наблюдения над помешанными, то мнение это будет справедливее. В 5-ой главе этой Психологии было сказано, что некоторые душевные состояния, при высшем своем напряжении, могут переходить в помешательство, и это, кажется, независимо от нервных токов.

Физиологически, т.е. фактически, это разногласие ученых на счет главной причины душевных болезней можно было бы решить в двух случаях: 1-ое, если бы несомненно можно было доказать, что в некоторых случаях умопомешательства не было замечено решительно никаких следов расстройства органов. В таком случае ясно открылось бы, что душевная болезнь может произойти иногда от чисто психологических причин и независимо от расстройства органов. Или же, 2-ое, если бы можно было доказать, что во всех случаях помешательству предшествовало расстройство нервного тока. Тогда бы открылось, что душевная болезнь всегда зависит от одного расстройства органов. Но как двух этих наблюдений нельзя произвести своевременно и в достаточной степени: то вопрос этот навсегда останется нерешенным.

§163. О значении глаза и зрения по отношению к душе

Какие ощущения получает душа от впечатлений глаза – это было достаточно объяснено прежде; здесь мы рассмотрим обратное значение глаз, т.е., как душа выражает себя посредством этого органа.

Ни в каком органе душа не выражает себя и не обнаруживает так ясно своих чувств, мыслей и воли, как в глазах. Каждый человек и даже каждое высшее животное имеет свой особенный взгляд. Во взгляде выражаются различно не только разные состояния души, но одинаковые состояния у разных людей выражаются различно. Нервный ток, или иннервация, распространяется по всей поверхности глазной, сетчатой оболочки и даже, как показывают опыты, переходит за пределы глаза и достигает до других лиц и предметов. Этим только и можно объяснить влияние взгляда на некоторых зверей и людей. Многие животные не могут сопротивляться влиянию взгляда других животных. Взгляд змей и некоторых других хищных животных оцепеняет маленьких птичек. Некоторые люди взглядом своим укрощают диких зверей. Собаки часто понимают взгляд своих господ. Некоторые люди, вообще, имеют особую способность выражать энергию воли во взгляде.

Эти и многие другие примеры на самом деле подтверждают, что из глаз человека должна истекать какая-то тончайшая эфирная материя, быть может, тоже нервное начало, или нервный ток, и этим также можно объяснить влияние так называемого дурного глаза. Разумеется, что большая часть рассказов о дурном глазе бывает преувеличена; но нет сомнения, что основание их справедливо: ибо есть случаи, когда взгляд некоторых людей на самом деле действует дурно, особенно на детей. Состояния душевные, каковы: любовь, радость, гнев и пр., без сомнения, должны существенно изменить и нервный ток; и потому не удивительно, что глаза человека со злою душой испускают из себя дурной, вредный

ток, который может произвести вредное влияние на тех, к кому они обращены.

Но чтоб понять, от чего во взгляде так хорошо выражается душа, надобно помнить, что во взгляде человека участвуют не одни глаза, а все части лица, все черты физиономии. Лицевые мускулы способны выразить все состояния души разными линейными изменениями. Известно, что хороший физиономист живописец двумя, тремя линиями умеет выразить радость, страх печаль, зависть и пр. След., все сии чувства изменяют не только вид глаза, но и все черты лица; и взгляд зависти, или любви, выражается кроме глаз и всеми лицевыми мускулами.

Остается сделать здесь одно замечание. Зрительные нервы имеют свой заворот в четверохолмии там, где заворачивается много симпатических нервов, выходящих из разных систем, как-то: пищеварительной, кровеносной и проч., хотя сии последние нервы не проводят нервного начала до мозга, так что душа не ощущает состояния сих систем. Но случается в некоторых особенных обстоятельствах, когда бывает изменено состояние деятельности сих систем, что сии изменения посредством усиленного нервного тока достигают до сознания, от чего и зрительные первичные нервы, окруженные сими нервами, могут участвовать в этом измененном состоянии систем и сами приходят в особые состояния. Это служит объяснением многих случаев, когда человеку в болезни представляются разные субъективные цвета. Может быть, многие замечали, что иногда горящее пламя свечи кажется нам окруженным ореолом разных цветов: это бывает особенно после сытного стола. Этим же замечанием объясняются и те видения, какие представляются человеку во время различных болезней, напр., бред горячки, желтизна в золотухе и пр.

§164. О значении слуха и звуков

Значение звуков имеет ту важность, что посредством их душа выражает свои состояния; с другой же стороны, звуки и в ней самой возбуждают известные состояния. Особенно сильно действуют на душу музыкальные звуки, возбуждая в ней чувство приятного. Даже животные обнаруживают сочувствие к музыкальным тонам. Вообще высокие тона, следующие в быстром ритме, оказывают на душу увеселительное влияние; напротив глухие, низкие и медленные тоны производят в ней уныние. Но здесь много зависит от внутреннего состояния и настроения разных людей, что видно из того, что одна и та же музыка оказывает различное действие на разных особ. Музыка, располагающая одних к радости, к воодушевлению, других делает изнеженными, мечтательными. Звучность материала, употребленного для произведения тонов, также имеет свое влияние на различных лиц. Все эти влияния музыки находят свое оправдание в физиологических наблюдениях. Центральная, покрывочная масса первичных волокон слуховых нервов находится там, где сошлись все первичные волокна побуждений, воли, движений и пр. Вот, от чего происходит сильное влияние на волю и на движение ощущения звуков трубы, или воинственных криков, кои мгновенно возбуждают человека и вливают бодрость в душу. Сильный неожиданный звук, напр., внезапный выстрел, с такою силою устремляет нервный ток по слуховому нерву, что производит реакцию, именно потрясение всех членов, биение сердца и пр. Монотонный, часто повторяющийся звук для слуха несносен, и от продолжительного возбуждения покрывочной массы нервный ток приходит в расстройство. Известно, как странно действуют на некоторых людей особые звуки, как то писк, скрип, звук от смычка, водимого по струнам фальшиво. Такие звуки возбуждают даже судороги на коже человека.

Замечательно также в физиологическом отношении что первичные волокна слухового органа имеют тесную связь с такими же волокнами органов голоса. Волокна этих нервов

имеют свой центральный заворот в одной и той же части
черепного мозга, и покрывочная масса их так же должна
находиться в теснейшей связи. Отсюда и происходит, что
голос человека есть реакция, ответ на все впечатления слуха, и
все, что ухо сообщает душе, выражается голосом.

Б. О влиянии других органических систем на представления

§165. Основание сего влияния

Физиологические опыты и глубокие изыскания новейших ученых, трудом которых мы пользуемся в этих главах с чувством благодарности, определили с большой точностью и подробностью отношение к душе органических систем, каковы: мышечная, кровеносная, пищеварительная, лимфатическая. Укажем здесь главнейшие пункты сего соотношения в общих и кратких чертах; и при этом постараемся определить: какие взаимные перемены производят друг в друге душа и разные органические системы.

§166. Примеры из зоологии, доказывающие сие отношение

Рассматривая разные классы животных, можно заметить интересное явление, что они всегда обнаруживают свой особый характер души, смотря по преимущественному развитию какой-либо органической системы; именно, что основной характер их телосложения выражает и характер души.

У моллюсков, и вообще тех животных, которые имеют малое развитие дыхательных органов, обнаруживается робкий ленивый характер; напротив того, животные, имеющие высшее развитие легких, обладают характером живым, бодрым, подвижным; таковы: птицы, насекомые и проч.

Наблюдая над душеврасположением, т.е. над непрерывным переходом от радости к печали и наоборот, можно заметить, что такое душеврасположение находится только у тех животных, коих кровеносная деятельность достигла высшей степени развития. Напротив того, его вовсе незаметно у животных, кои лишены обширного развития кровеносной системы.

Эти и подобные наблюдения над царством животных не суть что-либо случайное, но основной закон жизни. Но в человеке сосредоточены и поставлены в равновесие все те органические системы, которые как бы рассеяны по многим классам животных. Человек тем отличается от всех животных, что в нем развиты в равной степени все системы, так что ни одна не преобладает над другой в такой степени, как в других животных. Посему в человеке каждая органическая сфера имеет свое равномерное отношение к душе и есть как бы телесное выражение души; каждая сфера должна быть выражением особого направления души. След., в каждой органической сфере человека находится какая-либо основная идея, и в тоже время каждая сфера, посредством своих нервных волокон, доводит до сознания известные впечатления. Первое можно узнать из наблюдений над основным значением органических систем и их нормальным и ненормальным состоянием. Что же касается до второго, т.е. до впечатлений, которые системы

доводят до сознания, это также увидим далее. Мы удостоверимся, как всякое состояние органической системы приводит к сознанию не только свойства жизненной её идеи, но даже происшедшие от влияния внешнего мира перемены сфер органических.

§167. Некоторые другие доказательства действия систем на душу

Врачи давно уже заметили, что страдания легких, кишечного канала, половых органов, печени и пр. имеют и в нравственном отношении свой особенный отпечаток и производят особые душевные состояния. Состояние крови здоровое, или расстроенное, отражается в душе точно также, как душа и свои состояния сообщает крови. Здоровое отправление или расстроенное состояние желудка, как всякому известно, также отражается в душе. Кленке прекрасно объясняет общее отношение крови к душе человека, а слова его о некоторых частных, исключительных явлениях так замечательны, что мы не можем не выписать их здесь, не смотря на то, что уже слишком много пользуемся этим правом. «Известное в суеверии открывание кладов посредством волшебного прутика есть так называемая рабдомантия индивидуума. Объяснение здесь очень просто. Каждый организм находится и развивается среди жизни природы, и потому находится в связи со всеми членами земной планеты: ибо каждая вещь, которую можно себе представить, зависит от совершенного сочленения всех бесконечных противоположностей и проходит в бесконечно-разнообразное внешнее притяжение и отторжение. Посему каждый организм получает впечатление от целой цепи планетных предметов: ибо существование оных зависит от взаимной противоположности и полярности. Каждое особое: существование изменяется всеми внешними предметами в большей или меньшей силе, вблизи или в отдаленности находящимися, и всегда противодействует оным, поскольку без этого противодействия оно вовсе не могло бы существовать. Каждое внешнее тело должно, поэтому находиться в таинственном взаимном отношении с организмом, и органические сферы, как способные принимать впечатления всех форм, существующих в природе, должны постоянно изменяться и возбуждаться к противодействию. Организмы, которые возвысились до известной степени самостоятельности

своею особенной, идеальной независимостью жизни, т.е. самосознанием, должны также освободиться и выйти из под влияния цепи планетной: ибо самостоятельность в индивидууме приобретается всевозможным обладанием над внешней природой. Поэтому идеи внешних существ и самые внешние предметы могут производить слабые только изменения в самостоятельном организме, и то большей частью в бессознательных жизненных сферах. Но с теми организмами, которые достигли меньшей самостоятельности, бывает совсем иначе. Животные большей частью находятся в такой тесной связи с теллурическим состоянием, что их всегда считали предвестниками будущих внешних изменений; они ощущают отдаленное действие тысячи внешних предметов, коих действие в нашем собственном организме ускользает от нашего ощущения».

«Есть такие организмы, которые по своему особенному образованию и основному строю постоянно находятся в живейшем отношении с членами теллурического организма, – организмы, коих подчиненность общей жизни гораздо очевиднее, нежели у многих других; или нервная система у таких неделимых бывает слишком восприимчива, и она, при малейших ощущениях и изменениях нервных частей, получает особенный строй и посредством сильной иннервации проводит оный к мозгу; или же болезненные состояния обыкновенных организмов причиняют иногда усиленное взаимное отношение к земной жизни, по которому впечатления становятся осязательнее и передаются противодействующим органам те, которые в прежнем нормальном состоянии индивидуума были для него незаметны. Таким образом, некоторые вдруг получают конвульсии при нечаянном приближении к угольным копям; другие в совершенной темноте узнают по чувству известные виды деревьев, падают в обморок при случайном прикосновении к липе, а иные, напротив, успокаиваются, прикасаясь к драгоценным камням, или чувствуют тоску при приближении к известным металлам. Посредниками всех этих ощущений и состояний душевных служат органические системы,

и перемены их строя передаются сознанию посредством изменяющейся нервной деятельности»³³.

Не менее замечательно то, что говорится у Кленке для объяснения магнетизма или сомнамбулизма. Надобно признаться, что если сомнамбулизм существует как факт, то для него лучшего объяснения и придумать нельзя. Мы не осмеливаемся, однако ж, утверждать здесь, чтоб сомнамбулизм мог существовать в таких размерах, в каких его хотят выставить многие; но с другой стороны – отвергать вовсе его бытие, есть крайность. Впрочем, из объяснения Кленке видно, что магнетизм и сомнамбулизм вещи, не невозможные.

§168. Влияние кровеносной деятельности на умственные отправления

Представления души беспрестанно движутся, круговращаются; человек не может долго остановиться на одном представлении, но беспрестанно переходит от одних представлений к другим. Беспрестанно возникают в душе, по неразгаданным законам, ряды новых мыслей и представлений. Но известно, что возбуждение представлений всегда соединено с нервным током; а поскольку сей последний находится в зависимости от кровообращения, то естественно заключить, что кровообращение имеет влияние на течение наших представлений. И так, чтоб решить, какое есть отношение между возникновением представлений деятельностью крови, надобно объяснить: во 1-х, какое имеет влияние на мышление состояние черепного мозга; во 2-х, какое имеет отношение нервный ток на самый черепной мозг, а через него на представления.

Мышление всегда находится в необходимой связи с деятельностью и устройством мозга: душа мыслит посредством мозга, который есть орган души, и орган самый необходимый, без которого человек, по крайней мере в земной жизни, также не может представлять и мыслить, как без глаз видеть, или без ног ходить. Черепной мозг, как орган для обширной сферы представлений, всегда совмещает особенные, сообразные с этим назначением явления и особое устройство. Большое пространство, большие размеры покрывочной массы представляют и большее поле для проявления душевной силы. Жизненное проявление души, её мышление, всегда происходит пропорционально устройству и утонченности мозга. Но все получаемое центральным органом, все внешние представления приходят в душу посредством нервного тока, устремляющегося от внешних органов к мозгу, и который не может не изменять пузырьчатой массы мозга. Сия последняя должна напрягаться, располагаться сообразно впечатлению и при каждом

возобновлении представления, снова должна придти в положение, в котором была прежде.

Но если, при всяком чувственном представлении, изменяются пузырьки мозга: то тоже самое должно происходить и в той покрывочной массе, которая окружена нервными волокнами, исходящими из всех органических сфер, напр., из кровеносной. Это доказывается присутствием в человеке общего жизненного чувства, которое есть соединение всех частных ощущений, приходящих из всех сфер организма. Это общее чувство принимает свои оттенки, когда какие либо обстоятельства вывели из равновесия частные притоки. Произшедшие в следствие того перемены в частных группах пузырьчатой массы проявляются тем же способом, каким и все другие.

Теперь скажем о явлении крови на нервные центростремительные токи.

Известно, что кровь беспрестанно притекает к центральным органам нервной системы, и притекает сравнительно в большом количестве: след. между кровью и нервным веществом беспрестанно происходит взаимный процесс, т.е. кровь беспрестанно образует и возобновляет нервное начало точно также, как и все прочие части организма. Потом, при быстром, свободном движении крови, нервный ток стремится сильнее, а при замедлении кровообращения соответственно замедляется и нервный ток. Сие отношение крови с нервным током можно подтвердить многими фактами. Напр., как скоро кровь раздражением от пищеварения устремляется более к пищеварительным органам, оставляя мозг, тотчас обнаруживается упадок и истощение нервного тока, и голова ослабевает. Когда питательный сок наполняет кровь и последняя тяжелеет, замедляет движение, в голове опять чувствуется тяжесть, вялость, склонность ко сну; когда от усиления дыхания, напр., при восходе на гору, мы чувствуем себя сначала живыми и бодрыми, то это происходит опять от усиления нервного тока. Вообще много есть примеров, которые доказывают, что кровообращение содействует или ослабляет нервный ток.

И так, если нельзя не признать, что перемены и напряжения малейших мозговых пузырьков имеют ближайшее отношение с деятельностью мозга, а кровообращение, со своей стороны, имеет сильное влияние на эти напряжения: то понятно и очевидно влияние крови на деятельность душевных представлений.

Тончайшие частицы крови окружают, проникают и химически соединяются с тончайшими пузырьками покровочной массы: след., кровь возбуждает, увеличивает, а иногда препятствует напряжениям и вообще отправлению этих мозговых частиц; почему состояние крови должно иметь влияние и на отправление представлений. От сего близкого влияния крови на представления происходит, что в человеке ряд представлений движется и волнуется подобно крови. Мы не в состоянии оставить представлений, возникающих невольно одно за другим, производящих полет мысли, в котором одни представления органически связаны с другими, что было нами объяснено прежде в статье об ассоциации идей.

§169. Физиологические факты, доказывающие предыдущее

Много есть физиологических фактов и примеров, доказывающих предыдущее. Весьма замечательно, напр., что сильно возбужденное кровообращение в лихорадке производит полет представлений, и так называемые субъективные ощущения. С другой стороны, если кровеносная деятельность замедлилась от сидячей жизни, и кровь делается тихою, венозною: то происходит и медленность представлений, так что каждое частное представление сильно укореняется в мозгу. Это задерживание особенного напряжения частиц мозга происходит от нервного тока, возбужденного однообразием жизни, и обнаруживается тем, что, при сидячей жизни, происходит часто преследование одной и той же идеи и одностороннее углубление в нее, от чего в человеке иногда рождается даже так называемая *idée fixe*.

Большая часть сновидений, бывающих вскоре после засыпания и не за долго до пробуждения, совершенно зависит от течения крови и прежних, наяву бывших, ощущений. Перед наступлением, или при неполном пробуждении, когда наши чувства иногда бывают в полубодрственном состоянии, ряды видений возникают перед нами: мы видим, чувствуем, обоняем и пр. совершенно субъективно. Если все эти явления сравним с состояниями крови, то увидим параллель между ними. Сильные и многочисленные сновидения всегда бывают следствиями измененной кровеносной деятельности: они бывают у людей, страдающих геморроем; – у женщины, которая расстроила месячные очищения и проч.

§170. Влияние пищеварительной системы на умственную деятельность

Не меньшее влияние имеет и пищеварительная система на умственную деятельность. Известно всякому из ежедневного опыта, что слишком сильное и деятельное пищеварение мешает и ослабляет умственные занятия. Всякий мог заметить над собою, что при слишком сытом желудке он уже не в состоянии легко размышлять. Отсюда пословица древних: *plenus venter non studet libenter*. Самое близкое объяснение сего явления находим в том, что принятые во время пищеварения и входящие вскоре после того в кровь частицы пищи еще слишком грубы, не уподоблены и неспособны к легкому возбуждению тонкого нервного тока, нужного для умственной деятельности, от чего происходит тупость, вялость и медленность соображений. Но человек обжорливый всего чаще подвергается этому физиологическому явлению, и след. оно не есть случайное. Но, сверх того, преобладание пищеварительной системы заключает и другие препятствия к умственной работе. Человек, преданный удовольствию стола, бывает всегда удовлетворен одним ощущением желудка, и не может выказать бескорыстной любви к науке и умственному труду. Самолюбие, которое, как увидим далее, имеет неразрывную связь с сильным развитием пищеварения, есть низшее стремление, есть желание, обратить в свою пользу все постороннее; но занятие наукой требует самоотвержения, требует способности находить удовлетворение не в себе, а в другой вещи. Вот от чего ни один эгоист не был истинно гениальным ученым, ни один обжора не достиг до какого-либо отличия в науках. Этим же объясняется и противоположное явление, именно, что все великие люди, гении, всегда отличались слабым пищеварением, а иногда и расстройством желудка. Но перемены и расстройства пищеварительной системы могут иметь влияние на душевные отправления и на более продолжительное время. Всякий и на себе и на других мог заметить, что испорченность желудка, дурное пищеварение, портит характер человека, делает его

раздражительным. При продолжительном и более глубоком повреждении желудка, может приключиться и помешательство. Именно, как в желудке отражается самолюбие, эгоизм: то, во всех случаях, когда у помешанного преобладает идея о самолюбии, гордости, когда обнаруживается явное преобладание эгоизма, можно признать, что помешательство произошло от расстройства желудка. Многие примеры сумасшествия подтверждают эту мысль. Если мы глубже станем наблюдать характер человека, который сделался раздражителен, зол от расстроенного пищеварения: то заметим особенность, которая ясно покажет нам связь этой раздражительности с его пищеварительной системой. Расстроенное пищеварение – есть угнетение, ослабление чувства самосохранения: отсюда человеку кажется, что все его гонят, все задирают его самолюбие. Эгоизм его, угнетенный в телесном своем проявлении, старается вознаградить себя мысленно, в проявлении душевном.

§171. О влиянии на умственные отправления других органических систем, как-то дыхательной, лимфатической, отделительной и пр.

Подобно описанному в двух предшествующих параграфах влиянию кровеносной деятельности на умственные отправления, такое же влияние на них производят и другие органические сферы, как то: дыхательная, лимфатическая и отделительная. Многочисленные факты и соображения, доказывающие эту мысль, можно найти в той же самой книге Кленке, из которой мы заимствовали все нужные опытные наблюдения для этого отдела нашей психологии. Особенно же замечательные и резкие явления, указывающие на частное соотношение между душой и отдельными органическими системами, легко может наблюдать решительно всякий над самим собою. Кому, напр., неизвестно, какое сильное влияние имеет на свободу и ясность течения наших мыслей легкий и чистый воздух, во время теплой, летней погоды; как напротив душа наша бывает угнетена, во время дурной, сырой погоды, или как неприятно действует на душу затхлый воздух в комнате, наполненной народом и пр. Особенно ярко выказывается влияние органических систем на душу в болезнях, в патологическом состоянии этих систем, прекрасно описанных у Кленке. Всякому известно, что больной не так мыслит и представляет, как здоровый; но притом состояние представлений больного бывает различно, по различию самих болезней, и смотря потому, какая именно система более расстроена.

Глава девятая. О темпераменте и характере

§172. Содержание главы

Как ни значительно влияние органических систем на умственные отправления, но еще большее и значительнейшее влияние имеют они на чувствования, или душевные состояния; так, что последние почти все суть результат органических впечатлений. В следствии постоянного и совместного действия всех органических систем, или в следствии преобладающего влияния одной какой-либо системы при содействии, впрочем, некоторых других обстоятельств, образуется так называемый *темперамент* человека. Посему рассмотрим в этой главе отношение к душе каждой отдельной органической системы, или различие темпераментов; но, прежде всего, покажем какое есть отличие между темпераментом и, собственно, характером.

§173. Различие между темпераментом и характером

Понятие темперамента и характера часто смешиваются, но между ними есть несомненное различие.

Темперамент есть общее настроение души или постоянный образ чувствований её, происходящей более всего от влияния органических систем, так что темперамент иногда принимают как исключительное свойство одной крови человека. След., он есть явление более непроизвольное, естественное, независящее от свободной деятельности, или умственных соображений человека. Характер, напротив того, означает более настроение воли; он есть нечто приобретенное в следствие, с одной стороны, умственного преобладания, а с другой – свободно направленной воли. В темпераменте выражается более телесная сторона человека, в характере – духовная; первый есть принадлежность всякого почти человека; второй бывает не у всех. Редкий человек может освободиться от влияния темперамента, но как скоро кто силою воли и энергией души усвоил себе известный характер, темперамент перестает мало-по малу в нем обнаруживаться. Наконец, мы увидим далее, что в образовании характера принимает участие большее число обстоятельств, а темперамент есть явление менее сложное.

А. Темперамент

§174. О главных видах темпераментов

Несмотря на чрезвычайное разнообразие темпераментов, не смотря на то, что в каждом почти человеке есть свой, особый признак, темперамент, их можно подвести, согласно с Кантом, под след. два рода с соответствующими каждому роду двумя видами:

а) Темперамент, происходящий от господствующей склонности к чувствованиям. Виды его:

1. При легком, умеренном возбуждении, легкое чувство сангвинического темперамента.

2. При более трудном возбуждении, глубокое чувство меланхолического темперамента.

б) Темперамент, происходящий от господствующей склонности к деятельной жизни.

1. При легком возбуждении, быстрый нрав холерического темперамента.

2. При более трудном возбуждении, хладнокровная рассудительность флегматического характера. Сделаем краткие замечания в оправдание такого деления.

Если наблюдать внимательно, как над отдельными личностями, так и над целыми племенами: то можно увериться, что некоторые люди и народы на самом деле имеют наклонность более к чувствованиям, внутренним движениям, нежели к деятельности; напротив того, другие более склонны к деятельной, трудолюбивой жизни и презирают всякие бесплодные порывы чувств. Таково, например, различие в характере жителей востока и запада.

Далее, два вида темперамента, сангвинический и меланхолический, соответствующее первому роду, именно состоят в преобладании известного рода чувствований и встречаются у жителей востока; напротив того, темпераменты холерический и флегматический обозначают более качества деятельности.

Отличительные качества сих видоизменений темпераментов суть след.: у людей с темпераментом

сангвиническим заметны ум и память счастливые, воображение быстрое и обширное, но преимущественно развито у них чувство, от чего вся их жизнь больше сосредоточена внутри. В жизни своей они более любят наслаждения чувственные, часто бывают легкомысленны и непостоянны. Они способны к быстрым переходам от одних состояний к другим. Глубокие страсти не их принадлежность. Что же касается до организма их, то самое название показывает, что этот темперамент есть более всего свойство крови.

Человек, имеющий меланхолический темперамент, еще более бывает сосредоточен во внутренней жизни; но из всех душевных состояний он более всего склонен к печальным ощущениям, к любви, к уединению. Он видит все в печальном свете, бывает склонен к раздражительности и пр.

Холерический темперамент заключает в себе признаки противоположные первым двум. Холерики обладают сильными чувствами и продолжительною волей. Они преданы сильным страстям, но более постоянны и настойчивы в своих стремлениях, чем другие. Они своенравны, самолюбивы, хитры, склонны к честолюбию. Темперамент сей есть принадлежность всех великих исторических людей, кои умели подчинить своим страстям других. Часто бывает, что темперамент меланхолический есть видоизменение сего последнего. Когда человек не достиг своих стремлений и сосредоточился внутри себя: то через это он впадает в задумчивость и делается раздражительным.

Хладнокровный или флегматический темперамент, как показывает само название, состоит в умеренных и даже весьма мало заметных чувствованиях и соответственно в малой склонности к жизни деятельной. Флегматик неподвижен в чувствах, как и в деятельности наружной.

Перейдем теперь к описанию тех видоизменений, какие производят в темпераменте разные органические системы.

А. О влиянии на темперамент мышечной системы

§175. Физиологические замечания об устройстве и назначении костной системы

Костная и мышечная системы имеют ближайшее отношение к нервной: ибо они служат как бы покровом и защитой последней, и в них проявляется устройство нервной системы только более в грубом виде. Скелет есть оболочка нервной системы; посему части его, ближайшие к высшим частям нерва, т.е. головной череп, своим развитием и устройством могут обнаруживать устройства и свойства самого мозга, а потому служить основанием для высших соображений. Величина черепного мозга находится в очевидной зависимости от величины и лучшего образования покрывочной мозговой массы; какое-либо особое преимущественное развитие одной из мозговых частей может отражаться и в черепе; след., по устройству его, можно судить, впрочем отчасти, и об устройстве мозга. На этом-то основании и построена вся система краниоскопии, т.е. суждение о способностях души по размерам черепа.

От костей, точно также, как и от других систем, идут свои нервы, переносящие нервный ток к мозгу; но ток этот бывает чувствуем в душе в редких случаях. Сюда относятся разве чувство силы и легкости, которое рождается в нас при лучшем состоянии костей. С упадком костей, или их расстройством, нервный ток доносит до души сознание вялости, тяжести. По направлению костей проявляется усиливающееся до боли чувство слабости. При болезненном состоянии костей, за каждым изменением температуры следует известное впечатление, усиливающееся до ужасной боли. Общее наше чувство, т.е. ощущение бытия, состояние всего организма, есть всегда следствие тех нервных токов, которые от каждой органической системы приходят до сознания. Так, напр., когда костная деятельность, или обыкновенное состояние костей нарушено, то нервные токи от них доводят это до сознания.

§176. Какие рождаются в душе состояния от мышечной деятельности?

Мышечная система есть тот орган, посредством которого человек вступает в деятельное отношение с внешним миром и посредством которого выражается реакция души на все внешние впечатления. Существование мышечных волокон указывает на существование такого органа, который передает им волю и сообщает им движение. Нервный ток, стремясь от действия воли душевной к оконечностям мышц, сообщает им известное отправление. Но так как от мышц также идут заворотами нервные волокна: то очевидно всякое движение и изменение их одновременно, посредством обратного тока, делается известным душе. Последние впечатления, т.е. впечатления, следующие за нервным током от мышц к мозгу, производят известные перемены в душе. Крепкая, живая, мышечная деятельность производит приятное чувство свободы, возвышает охоту, бодрость; напротив того, всякая слабая, расстроенная мышечная деятельность производит скуку; скопление в мозгу нервного тока, не сдержанного на движение, производит в душе уныние, меланхолию и даже помешательство. Свободными и быстрыми движениями душа вступает в самостоятельное отношение с внешним миром. Переменой места, касательно внешних предметов, и изменением их формы, душа, обнаруживает над ними свою власть, как бы подчиняет их себе, передает внешнему миру свои желания. Это обнаружение душою влияния над внешним миром есть проявление её свободы, сознание её самостоятельности; посему такие движения возвышают энергию души. Слабая, задержанная деятельность мускулов производит противоположное ощущение, т.е. уныние, слабость.

Вот почему врачи всегда советуют больным движение, – упражнение мышц: ибо только одно это упражнение, возбуждая в душе чувство влияния на внешний мир, через то самое возвышает душерасположение. Кроме того, мышечная

деятельность возвышает дыхание и кровообращение: след. действует на душу и посредством других систем.

Если вспомним, что сильное движение возбуждает деятельность всех почти органических систем, что нервный ток от всего организма быстро доходит и возвращается в сознание, что в этой усиленной деятельности состоит сущность здоровья, то лучше поймем значение мышц. Вот от чего так важно движение во многих болезнях, и от чего многие ипохондрики вылечиваются лишь одним движением.

§177. Мышечные движения – как выражение душевных состояний

Но мышечные движения имеют другое значение: именно, ими выражаются состояния души, соответствующие известным её чувствованиям. В гневе всегда обнаруживаются известные движения, стремление подчинить внешний мир; вот почему гневливого человека можно укротить, остановивши его движения. Радость также имеет свои движения; врачам известно, что самые веселые люди от продолжительной неподвижности теряют веселость и впадают в меланхолию и даже помешательство.

От такого тесного отношения между душевным расположением и движениями мышц происходит то, что радость и печаль соединены с известными произвольными, или произвольными сокращениями волокон; а с другой стороны вид известно сгруппированных движений всегда рождает известные представления в душе.

В радости все мышцы приходят в напряжение, выпрямляются, сгибаются и разгибаются; отсюда происходит бодрое положение тела, красивые, волнистые движения. Мускулы личной поверхности обеих верхних челюстей сокращаются; щеки делаются выпуклыми, поднимаются вверх, через это поднимаются углы рта и образуют улыбку.

Боль сопровождается другими противоположными движениями. Мускулы тела изнемогают, придают человеку стесненный, особенный вид; углы рта протягиваются и сгибаются в дугу, щеки делаются плоскими, мускулы, отводящие губы, напрягаются и рот невольно раскрывается.

Гнев выражается также в движении мышц. У рассерженных напрягаются более мышцы груди и движутся личные мускулы, лежащие около носа. Замечательно также, что в гневе происходят произвольные сокращения желчного пузыря, вытесняющие желчь; это обстоятельство изъясняется тем, что печень есть продолжение дыхательной сферы, которая сильно участвует в гневе. Вот почему в гневе разливается желчь.

Страх, как чувство некоторым образом противоположное гневу, сопровождается и противными мышечными движениями. Замечательно здесь суживание лицевой плоскости, которое сообщает физиономии испуганного заостренный вид.

Б. О влиянии на темперамент кровеносной системы

§178. Предварительные положения

Самое общее и основное положение отношения между душой и кровообращением есть то, что сие последнее производит душеразположение. Это общее положение Карус, знаменитый Немецкий физиолог, выразил так: «Психея, без кровеносной системы, или системы, заступающей её место, совершенно не имела бы душеразположения (Gemüth) точно также, как без нервной системы она была бы лишена способности иметь познания»³⁴. Под именем этого душеразположения, происходящего от крови, не надобно понимать то, будто кровообращение сообщает душе какое-либо частное представление о несчастьи или о каком-либо радостном событии, и от того душа приходит в веселое расположение, или в уныние. Органические сферы, особенно кровеносная, своим действием сообщают душе только общее настроение, располагают более или к радости, или печали; словом, предрасполагают душу к такому или другому состоянию. Это действие кровеносной системы на душу происходит от того, что кровеносные сосуды, по анатомическому исследованию, окружены самыми тонкими нервными нитями, кои все приносят к мозгу обратные токи, сообщаящее душе все перемены кровотоечения.

Основное положение это подтверждается всеми фактами. Наблюдения врачей именно доказали явную параллель между состоянием крови и душеразположением. Человек веселый тотчас теряет свою веселость, как скоро, по каким либо обстоятельствам кровь его ослабела в своем течении; напротив того, самый хладнокровный, или скучный человек, развеселится при заметной быстроте и легкости кровообращения.

Такие перемены в движении крови производят также питье вина, прием некоторых лекарств и проч. Действия всех сих средств согласно подтверждают сказанное о душеразположении. При совершенно нормальном состоянии, впечатления нервов, сопровождающих кровеносные сосуды, не достигают до сознания; но в упомянутых здесь случаях они

передают душе и производят изменения её расположения. Многие опыты доказали, что все нервы, идущие от тех органических сфер, кои называются образовательными, как то: пищеварительной, лимфатической и особенно кровеносной, имеют свой центральный заворот в четверохолмии. След., все впечатления от них могут изменять покровочную массу той части мозга, в которой душа имеет орган своего расположения.

Но чтобы не быть односторонним и потому ложным, не надобно забывать и обратного действия души на кровеносную систему, – действия, подтверждаемого тысячью случаев и объясняемого ими вполне. Представления и состояния чисто душевные, не зависящие ни от каких органических действий, производят изменения крови и её движения. Стыд заставляет кровь приливать к сердцу; страх и забота удаляют её от конечностей также к сердцу. Внезапное какое либо известие радостное или печальное производят соответствующие перемены кровообращения. Какие-либо несчастные обстоятельства производят в душе уныние и изменяют состав крови. Во всех этих случаях действие крови изменяется вследствие нервного тока, устремленного из мозга, по одному влиянию чисто душевных представлений. Душа сама независимо от состояния крови приходит в веселое или грустное расположение от своих собственных представлений. Замечательны поэтому примеры произвольного влияния воли на кровообращение. Карус рассказывает об одном молодом человеке, который силою воли мог ускорять или замедлять биение пульса.

После сих общих положений перейдем к частным объяснениям соотношения души и кровеносной системы.

§179. Почему кровообращение производит душеразположение?

Чтоб решить этот вопрос, надобно иметь в виду значение крови. Кровь есть как бы жидкое мясо, она есть орган, который дополняет, заменяет и исправляет все повреждения других органов. Кровь, то сближается с воздухом, чтобы принять от него кислород, то погружается глубоко в организм, чтобы каждому месту доставить свой питательный элемент. Чем быстрее, чем чище и лучше движется кровь: тем она более соответствует своему назначению, и тем впечатления от неё на душу бывают приятнее, и душеразположение возвышается. Напротив того, чем кровь движется слабее, чем она гуще, испорченнее, тем нервные токи, от неё идущие к мозгу, доставляют душе впечатления тяжелые, и душеразположение падает. Это возвышение и понижение душеразположения действительно всегда следует за кровообращением. Каким образом, напр., выпитый стакан вина производит веселое расположение? Вино усиливает движение крови, заставляет пульс биться сильнее, и через это возвышает расположение души. Но когда это состояние проходит, наступает упадок и ослабление души. Точно также, если человек и в веселом расположении принимает средство, ослабляющее кровообращение, то настроение его духа скоро изменяется. Врачи, часто пробовавшие многие лекарства, пришли на счет сего к согласным результатам. В доказательство всего здесь сказанного можно привести много и других фактов. Известные продолжительные состояния, происходящие, напр., от характера флегматического, производят окостенение внутренних артериальных оболочек, что особенно замечено у англичан. Наблюдая над самими собою, мы можем увериться, что всякое радостное известие возбуждает биение сердца, и мы чувствуем тогда какую-то легкость. Продолжительная печаль производит порчу крови в венных сосудах, и кровь получает темный, траурный цвет; между тем продолжительные радостные впечатления возбуждают артериальную кровь.

Во многих болезнях состояние души и крови отражается друг в друге.

В. О влиянии на темперамент пищеварительной системы

§180. Общее значение системы пищеварения

Пищеварительная система есть такой орган тела, который можно назвать преимущественно органом самосохранения. Посредством желудка, человек уподобляет себе всякое способное к его поддержанию вещество, т.е. превращает в свое тело всякую пищу, сохраняет себя на счет посторонних вещей. Это действие организма в душе отражается сродным ему представлением или чувством, именно эгоизмом: ибо эгоизм есть стремление души, подобное стремлению желудка, уподобить себе, сделать для себя годным все постороннее. Это отражение действия пищеварения в душе происходит посредством многих нервов, которыми пищеварительная сфера сообщается с мозгом и которые доносят до него свои токи, возбуждающие в душе известные представления.

§180. Физиологические факты

Наблюдения и опыты доказывают, что у всех эгоистов преобладает система пищеварения. Люди, которые любят много есть и пить, обнаруживают явное самолюбие, так что, по словам Каруса, всякого упитанного обжору без дальнего исследования можно причислить к эгоистам. Это оправдывается не только примерами частных лиц, но и целых народов.

Тесное соответствие эгоизма с пищеварительной системой обнаруживается и при патологических явлениях: ибо, как скоро система пищеварения расстроена, некоторые люди делаются сварливы, обидчивы, что проходит с восстановлением здоровья. Известно также простое ежедневное явление, что при получении какой либо радости тотчас чувствуется стремление к удовольствиям стола. Эгоист в самом даже выражении лица представляет характеристическое явление: потому что взгляд его представляет особый тип. Далее, повторительное употребление в пищу каких либо однородных веществ сообщает и пищеварительной системе особое состояние, особую восприимчивость. Кто, напр., всегда употребляет растительную пищу, у того и желудок имеет иное расположение, чем у того, кто привык к животной пище. Но это состояние желудка невольно отражается и в душе и может изменить склонности и расположения, как это и оправдывает ежедневный опыт. Жители напр., северных частей Европы, наиболее употребляющие пищу животную, явно обнаруживают и большое самолюбие; напротив, жители южных стран, довольствующиеся одними лишь растительными веществами, менее склонны к эгоизму.

Г. Влияние на темперамент системы дыхания

§182. Значение дыхания для организма и отражение его в душе

Дыхание имеет высокое значение для организма. Посредством дыхания организм заимствует из внешней природы существенный её элемент – кислород. Когда кровь устремляется к легким, то он вступает в самое ближайшее соотношение с воздухом, разлагая его, чтоб заимствовать кислород. При этом сама кровь переменяется в составных частях; ибо в ней перегорает все постороннее, ненужное для организма, и делается через то красною. Таким образом до соединения с воздухом венная кровь бывает лишняя для организма, а после соединения она обновляется, становится живою и полезною. Поэтому организм посредством дыхания одушевляется во всем своем составе через освобождение ненужной части и приобретение нужного важного деятеля.

Такое благотворное действие дыхания отражается в душе ощущением бодрости, веселости и самостоятельности. Иной постоянно бывает весел, бодр; другой, напротив, уныл, боязлив и малодушен. Эти два состояния происходят ближайшим образом от состояния их дыхательной системы. Даже всякий из нас испытал, какая бывает в нас бодрость, веселость и ясность на чистом воздухе; напротив того, как бывает тяжело, скучно в стесненном, тяжелом воздухе. Сильное движение, быстрое дыхание целительного воздуха, возбуждая всю жизнь организма, возвышает чувство бытия, которое становится заметнее при этом сильном напряжении. Посему слово *πνεύμα* имеет глубокое значение, и в книге Бытия лучше, нежели во всяко физиологии, объяснено это глубокое отношение дыхания к жизни, *и вдуу в лице его дыхание жизни и бысть человек в душу живу (Быт.2:7)*. Прекрасно выражается Карус в своей физиологии: как через соединение с земным магнетизмом увеличивается сила магнита, повешенного к магнитному меридиану земли, как увеличивается действие солнца на земные тела, при их совпадении с прямою линией напряжения солнечной среды с земным центром, как несомненно энергия

матери возбуждает жизнь зародыша: так возбуждается жизненная энергия эпителигориической твари, когда, при всей целости жизни, она вступает во взаимное действие с теллюрическим организмом³⁵.

Это благотворное влияние дыхания на душу производится посредством нервных токов, проходящих по нервным волокнам, соединяющим систему дыхания с мозгом. Но не должно думать так, будто бодрость, веселость могут быть следствием только исключительно этого отношения. Есть много других причин, рождающих те же явления; но система дыхательная служит как бы выражением и органом этих душевных явлений. Кто с открытым духом имеет готовность воспринимать все внешние явления, кто, подобно кислороду при вдыхании, усваивает себе все внешние факты, того называют добрым, веселым.

§183. Ближайшее физиологическое исследование сего соотношения

Физиологическое наблюдение показывает, что самое сильное или слабое, самое здоровое или болезненное существование находятся в тесном отношении с системою дыхания. Слабое дыхание всегда соединено с недостаточным развитием костной и мышечной систем. Животные, имеющие слабое дыхание, напр., рыбы, моллюски, имеют мышечную систему мало развитую. Птицы и насекомые, имеющие сильное дыхание, обладают и значительным развитием системы костной. Само различие полов, касательно их силы и крепости, всегда обнаруживается разностью дыхания. Мужчины имеют сильнейшую систему дыхания, чем женщины. Женоподобные мужчины имеют слабую речь и голос, а мужеподобные женщины грубый, мужеский голос. Словом, все факты показывают, что дыхание представляет внутреннюю крепость, или слабость человека. Голос, который есть следствие дыхания, обнаруживает состояние дыхательной системы. Речь громкая, резкая, ясно показывает сильную грудь, а речь слабая указывает на слабое дыхание. Из всех этих фактов ясно следует, что система дыхания должна иметь ближайшее отношение к состоянию душевному, возбуждая в ней ощущение жизненности, бодрости и веселости, или же производя противоположные состояния. Но чтобы сильнее в этом убедиться, обратимся к ежедневным опытам. Всякий испытал над собою, как различно наше душевное расположение на чистом, свежем воздухе, и в душной, городской атмосфере. В горных местах человек чувствует себя счастливым, веселым, – он там иначе смотрит на вещи; словом, он там другой человек. Напротив того, человек, живущий в спертом воздухе, чувствует давление на грудь и во сне видит страшные вещи. Еще замечательнее душевные проявления расстроенного дыхания в болезнях: напр., то странное явление в некоторых чихотных, что они обнаруживают разительную бодрость, не верят своей опасности и иногда пред самой минутою смерти мечтают о

долгой жизни и счастье, объясняется тем, что дыхание у них приняло ненормальное напряжение; кровь их, не будучи возобновляема достаточно в пищеварении, стремится в вену, и здесь улетучивается. Напротив, люди удушливые, хотя бы и при слабой степени болезни, становятся чрезвычайно мрачными и малодушными.

Д. Отношение лимфатической системы к темпераменту

§184. Основания сего отношения

Чтобы видеть основание, по коему можно заключать об особенном отношении лимфатической системы к душе, приведём слова Каруса. «Чтобы положить основание тому учению, которого опыт мы сделали впервые, надобно помнить, что лимфатическая система служит дополнением пищеварительной; ибо в нее поступает питательный сок (chylus), выработанный в желудке, чтоб перейти в кровь»³⁶.

Поэтому пустота лимфатической системы возбуждает в душе желание пищи твердой и жидкой и отражается в ней вожделением, стремлением к внешнему. Наполнение её возбуждает в ней удовлетворение – и сходное с ним чувство довольства, пресыщения, равнодушия.

§185. Физиологические доказательства сказанного

Наблюдения и опыты физиологические подтверждают сказанное здесь. Оба эти явления лимфатической деятельности, т.е. её оскудение и переполнение, выражаются в душе: первое – стремлением к улучшению, приобретению внешнего; второе – самодовольствием, желанием уединенного спокойствия и равнодушием к тому, что прежде нам нравилось. Такие явления особенно явственны при патологическом состоянии лимфатической системы. Лимфа может быть или особенно пустой, или же слишком наполненной, сильно возбужденною или же торпидною, как бы парализованною. В первом случае являются в человеке вожделения, желания и мечтательность. Всякий может заметить, что многие особенно мечтательны бывают на пустой желудок, когда человек чувствует голод и пр. Люди плотные не бывают столь мечтательны, как люди тощие, худые. Напротив того, равнодушие и пресыщение внешнею жизнью бывает следствием наполнения лимфатических сосудов. Когда же система эта подвержена бесчувственности в некоторых болезнях, напр. в водяной, происходит совершенное бесстрашие, неподвижность духа; больной водяною не обнаруживает ни малейшего желания к приобретению. Известно также, что люди флегматического сложения не бывают жадны и не обнаруживают вожделений. Если же лимфатическая система возбуждена, раздражена через меру, как у чахотных, у золотушных, в таком случае в душе обнаруживается стремление к лучшему, надежда и пр.

Е. Значение системы отдельной

§186. Физиологическое значение отделений

Отделения в организме суть последний акт крови, оканчивающей свое назначение и возвращающейся в стихийные элементы. Кровь начинает свое брожение в дыхании; обновившись в нем, кровь отделяет после того некоторые продукты, как то: желчь, слюну, которые должны еще выполнить особое назначение, а другие её части, которые уже не нужны организму, тотчас отделяются из него в виде пота, мочи, слез и пр. Посему отделения представляют разрешавшийся, жидкий организм. Центр отделительной системы есть печень. поскольку же отделения суть как бы противоположный полюс дыхания, то они имеют и противоположное душевное проявление, т.е. выражение уныния, печали, тоски и пр.

Из всего сказанного доселе в этой главе следует, что кровь своею разнообразною деятельностью производит так называемое душеразположение. Обращение крови, т.е. стремление, то к внешнему миру, то к организму – производит в душе самое движение душеразположения. Кровь, стремясь к внешнему миру воодушевляется и производит в душе веселость, бодрость, а с другой, приходя в печень к своему окончанию, как к разрешению, возбуждает в душе чувство дисгармонии. Движение, уподобление крови, её окисление от воздуха, выражает в душе бодрость, веселость; противоположное ее действие, т.е. уничтожение, разрешение, отражается в ней угнетением.

§187. Доказательства сказанного

Человек в спокойном состоянии находится как бы в равновесии с самим собою и с внешним миром. Душеразположение его соответствует нормальному движению крови. Напротив того, беспокойное душеразположение есть расстройство, разъединение однообразия и нормальности в действии крови. Как скоро чувство собственного бытия помрачено, то являются различные страсти, беспорядочные состояния. Таковы, напр., уныние, происходящее от потери единства с самим собою, тоска и пр. душевные состояния, более противодействующие неприязненным внешним предметам, напр., досада, гнев и пр. Во всех сих состояниях организм становится вялым, пищеварение ослабевает, отделения увеличиваются, силы падают и пр. Среднее между сими двумя состояниями есть сострадание. Оно есть как бы поставление себя на место другого и принятие его печали и расстройства на себя. Сострадание всегда сопровождается известными отделениями, напр., отделением слез; иногда увеличивается именно то органическое отделение, которое должно служить пособием для страждущего, напр., отделение молока у матери. Мать, которая сильно любит своего ребенка, более отделяет молоко; но у той, которая рассеяна, оно отделяется в весьма малом количестве. Замечательно, что у некоторых женщин, и даже у мужчин, тронутых видом беспомощного ребенка, невольно образуется в груди молоко. У людей, удрученных тоскою и унынием, увеличиваются отделения, ослабление питания, желчные разливы; у них развивается сверх того венозность крови, признак, что кровь – жидкий организм обугливается, стремится к смерти. Если эти состояния достигают высшей степени, то умирание крови отражается в душе ощущением или стремлением к самоубийству. Известно также, что мгновенный испуг производит сильные отделения. Замечательно, что во время досады и гнева – когда человек стремится к уничтожению внешнего, – обильно отделяется слюна. Слюна в этом

состоянии у многих животных бывает ядовитой, напр., в бешеном состоянии собаки. Даже у людей рассерженных слюна делается вредною. Но так как кровь в гневе в большом количестве притекает к воротной печени, где она умирает, то человек чувствует угнетение, упадок, давление. Известно также, что всякое патологическое страдательное состояние печени соединено с изменением душевного расположения. Отсюда название желчный человек. У людей, страдающих печенью, всегда заметно особенное влечение к скорби, к самоуничтожению, или наклонность к гневу. Люди, подвергнутые разлитию желчи, имели часто наклонность к самоубийству.

§188. Темперамент есть свойство собственно души

Из всего, сказанного доселе о тех влияниях, какие весь организм и отдельные системы его имеют на душу, явствует, что все душевные расположения, все виды приятных и неприятных ощущений, удовольствий и печалей, словом, весь темперамент человека есть следствие взаимного влияния и совместного бытия души с телом. Видели мы, что кровообращение производит душеразположение; дыхание – бодрость, веселость, или же робость, малодушие; печень, гнев, досаду или соболезнавание и пр., но сами эти состояния, т.е. сами ощущения бодрости, веселости, гнева находятся в душе, а не в организме: они суть душевные явления, происходящие иногда вследствие органических перемен, и иногда совершенно независимо от сих последних. Было бы нелепо, напр., думать, что, когда я получаю какое либо известие, и во мне родились радость, гнев, досада, или сожаление, мрачность, – эти состояния произошли от каких либо органических причин. Они произошли независимо от них, и в свою очередь могут произвести, и действительно производят перемены именно в тех органических сферах, кои им соответствуют. Далее, необходимо еще прибавить, что воля человека может несомненно уменьшать и даже уничтожать эти органические влияния на душу. В этом легко могут удостовериться все наблюдающие над собою. Положим, напр., известное болезненное состояние той или другой сферы должно производить в душе известное ощущение, напр. раздражительность. Но много есть таких людей, кои очень хорошо сознают, что их раздражительность, недовольство происходят от болезненного состояния, стараются преодолевать себя и успевают сохранить бодрость и спокойное состояние духа. Только люди с мало развитым самосознанием и слабою волею вполне подчиняются своим органическим влияниям и следуют своему природному нраву, но люди с более развитыми понятиями и крепкою волей мало-по малу научаются вполне владеть своими чувствами.

Б. О характере

§189. Определение характера

Под именем характера разумеется тот постоянный и общий образ деятельности человека, который всегда бывает следствием единообразного настроения всех душевных сил и след., выражает внутреннюю сущность души, т.е. умственные и нравственные её особенности. Из этого очевидно, что в образовании характера принимают участие все силы и способности человека, и что характер человека есть, можно сказать, весь человек. Отсюда же очевидно и то, почему исследование о характере должно быть заключительною главою психологии. В этом опыте изучения души мы старались, чтобы предыдущее всегда подготовляло последующее и чтобы сие последнее всегда было следствием предшествовавшего. Вот почему о характере мы пишем теперь, когда уже исследовали все, что составляет характер.

§190. От чего зависит различие характеров?

В образовании характера, как было сей час замечено, участвуют все силы и способности души, но не всегда в одной и той же степени. Большею частью в характере замечается преобладающее влияние одних способностей перед другими. В этом состоит основание того разнообразия в характерах, которое замечается в людях, и по которому каждый человек, можно сказать, имеет свой собственный характер. Если деятельность воли строго подчинена расчетам ума, то происходит характер благоразумный, расчетливый, хладнокровный, хитрый. Если она более подчиняется движениям сердца или чувств, то происходит характер чувствительный, добрый, сострадательный и пр. Если человек увлекается сильными чувствами, действует всегда без больших соображений, но быстро: то значит характер у него пламенный, быстрый, иногда опрометчивый и пр. Всякая, не только отдельная способность, но и отдельное чувство может овладеть волею и управлять деятельностью. Если человек предан одной какой либо страсти, одному стремленью: то у него образуется и характер сообразный с этой страстью. Таковы бывают характеры людей честолюбивых, гневливых, гордых и пр.; словом, множество обстоятельств могут разнообразить до бесконечности людские характеры. Посему-то и весьма трудно подвести все характеры под известное деление на роды и виды. Но сверх преобладающего влияния той или другой способности, разнообразие характеров происходит и от различных внешних влияний.

§191. Влияние климата на образование характера

Влияние местности и климата на образование характера весьма сильно, и известно всякому, так что на сие не требуется доказательств. От этого влияния и происходит народный характер разных племен и различных стран. Очевидно само собою, что в климате благорастворенном, теплом, на почве плодородной и изобильной, в воздухе свежем и здоровом, характер человека развивается иначе, чем в климате нездоровом, суровом и пр.. Если даже всякая жизненная личность иначе чувствует себя и поступает в свежем и приятном воздухе, иначе в воздухе нездоровом, удушливом: то тем более должно признать влияние воздуха, когда оно продолжается во всю жизнь.

Жители, напр., долин имеют иной характер чем жители возвышенных стран. В характере последних преобладает склонность к самостоятельной жизни, в сердце –чувство свободы. В особенности же замечателен в этом отношении характер жителей гор. Влияние здорового климата, чистого, вольного, горного воздуха проявляется на них самым разительным образом. Они всегда отличаются мужеством, бодростью, веселостью, верностью. В них и наружные и внутренние свойства носят ясный отпечаток влияния климата. Они любят свободу и независимость, которую они вдыхают как бы вместе с воздухом.

Еще более уверимся мы во влиянии климата на характер, если припомним из истории, как племена, переселившиеся из одной страны в другую, напр., переселенцы из Испании, Германии и других стран в Америку, перерождаются совершенно, изменяясь еще более по темпераменту, чем по наружным своим свойствам. Такое влияние климата на характер объясняется тем, что климат совершенно преобразует организм человека, а через то изменяет и душевные свойства, кои, как видели прежде, имеют от них большую зависимость.

§192. Влияние воспитания на образование характера

Образ воспитания имеет еще сильнейшее влияние на образование характера. Воспитание именно к тому и должно быть направлено, чтоб изменить или установить нравственный темперамент человека, и разумное воспитание всегда сообщает человеку известное, на всю жизнь остающееся, настроение. Чтобы увериться в этом, сравним двух людей, из коих один воспитан по всем правилам благоразумия, а другой был оставлен на произвол природы. Какое заметно огромное различие между ними, различие во всех способностях, во всех наружных и внутренних свойствах. Начиная с простых движений, с употребления своих рук и ног, и до самых высших действий ума и сердца, воспитание кладет особый отпечаток на все. Это удивительное различие человека цивилизованного от дикаря, которое делает их будто двумя разными существами, основано именно на воспитании³⁷.

В человеке необразованном страсти необузданны, действия его подчинены всегда грубым, животным чувствам: весь он, так сказать, более приближается к животному, нежели к человеку. Человек образованный, напротив того, следует более внушениям ума чем стремлению страстей. Не говорю, чтобы в нем не было тех же чувств и страстей, какими природа наделяет всех вообще своих детей; но страсти эти в нем проявляются совсем не так, как у необразованных: они в нем смягчены, подчинены рассудку.

Воспитание именно должно быть направлено к преобразованию естественного человека. То еще нельзя назвать воспитанием, или образованностью, когда человек научился искусно маскировать свои страсти и пороки, или сообщил им блестящий лоск. Напротив того, образование должно умерять или же уничтожать природную грубость чувств.

§193. Влияние религии на характер

Влияние религии на характер бывает самое глубокое и неотразимое. Это доказывается и историей и различием в характере народов, исповедующих различные веры.

Стоит только слегка сообразить, какую перемену в мыслях и делах народов произвела христианская вера, чтоб удостовериться в этом. Христианская вера изменила мысли человека, переменила их чувства, сообщила им кротость, человечность, дала воле другое направление и, указав новые цели стремлений, установила новые отношения между людьми, указав им любовь и братство как основы общественного благополучия; словом, она совершенно преобразила людей во всех отношениях.

Но чтобы лучше видеть влияние религии, сравните в настоящее время двух человек: Христианина и магометанина. Пусть оба будут вполне сообразны своим религиям, вполне проявляют в себе идею их. Какое между ними можно найти сходство? Ни малейшего! По характеру своему, это будут как бы совершенно особые существа. В то время как один из них будет исполнен самых кротких чувств; в то время, как душа и сердце его вполне преданы высшим и благороднейшим помыслам: другой питает в себе другие противоположные чувства и стремления. Магометанин исполнен самым нестерпимым фанатизмом. Он стремится к грубейшим чувственным удовольствиям, считает всякого иноверца животным, имея самые низкие и нелепые понятия о добре и зле. Сверх того это грубое понятие о неизбежной судьбе совершенно подавляет его способности, энергию воли, и делает существом тупым и мечтательным.

§194. Влияние на характер образа правления и гражданского устройства

Влияние образа правления и исторической судьбы народа на образование отдельных характеров не менее значительно и не менее замечательно. Чтоб увериться в этом, всего лучше сравнить подданных государства, управляемого мудрым, твердым монархом под твердыми законами, с подданными тех государств, в которых вместо твердых законов господствует произвол тиранической власти. Возьмите, напр., характер Персиянина, характер скрытный, низкий, коварный, подавленный страхом, рабский, и сравните с характером Европейца, и вы уверитесь в отличии их. Особенно резко проявляется различие характера женского пола от образа их жизни в Европейских и Азиатских государствах,

§195. Врожденны ли человеку характер и темперамент?

Из предыдущего ясно следует, что характер всякого отдельного человека и целых народов образуется или под влиянием многих, совместно действующих причин, или же при исключительном влиянии одной какой либо причины. Это замечание несколько приближает нас к решению предложенного здесь вопроса. В самом деле, характер человека на столько можно признать человеку врожденным, на сколько те причины, под влиянием которых он образуется, предшествуют его образованию и устанавливают его формирование. поскольку человек рождается в известном климате, воспитывается в известной религии, под влиянием известных политических и нравственных правил, в особенности же получает свой организм от известных родителей, то все это заранее определяет будущий его характер. Но поскольку характер, как мы сказали прежде, образуется через свободную деятельность, то его должно считать более приобретенным, чем врожденным. Что же касается собственно до темперамента, то его надобно признавать более врожденным, чем приобретенным: ибо темперамент есть следствие органических влияний на душу; но известно, что происхождение от известных родителей имеет сильное действие на образование темперамента. Физиология объясняет, что тело человека, исходя от семени родителей, получает свойства того организма, из которого оно произошло, а вместе с тем человек наследует, при малых исключениях, и все душевные качества родителей, т.е. их темперамент. Отсюда объясняется то замечательное явление, что семейный характер какого либо человека на целые века переходит от поколения к поколению, а иногда целые даже народы носят на себе отпечаток характера своего предка. Впрочем, этому явлению содействуют, кроме того, многие подобные обстоятельства. Младенец, воспитываясь в кругу известного семейства, заимствует первые впечатления и первые мысли от тех людей, кои его окружают. На него неотразимо действуют примеры его

окружающих. Итак что же удивительного, если он наследует и понятия, и чувства, и предрассудки, и весь темперамент своих родителей, и передает тоже самое своему потомству? Но не должно думать так, будто бы только что родившийся младенец уже имел какой-либо зачаток или зародыш известного характера: в нем есть только возможность к усвоению более одного характера, чем другого, есть условия, которые его будут делать способным к принятию известного характера и трудному усвоению другого.

Сама возможность воспитания нравственного, т.е. сообщения человеку известного нравственного состояния, показывает, что влияние природных склонностей не так неизбежно, чтоб их нельзя было, если не уничтожить, то значительно ослабить, и чтоб сильная воля человека не могла сопротивляться природным влечениям.

§196. Заключение главы

Мы представили в этом втором отделении результат трудов новейших Германских ученых, старавшихся ближайшим образом исследовать отношение между душой и организмом. Но, да не подумают, чтоб этими трудами окончательно был решен тот существеннейший пункт сего вопроса, который был поводом тысячи теорий и гипотез, и всегда останется неразгаданною тайною природы. Какой же это вопрос? Он состоит именно в том, каким образом перемены органические могут окончательно отражаться в душе, а с другой стороны, как душа может действовать на тело? Чтоб этот вопрос сделать более понятным, возьмем след. частный случай. Впечатление органа зрения от предметов, как известно, передается посредством зрительного нерва к известному пункту мозга, и производит в нем некоторую перемену, – теперь, каким образом душа воспринимает эту перемену в виде света или формы предмета? Или с другой стороны: в душе явилась воля двинуть какой либо член: каким образом она может сообщить толчок тому нерву, который должен передавать волю в виде движения органу? Судя по тем представлениям, какие мы имеем о внешних предметах, мы знаем только один способ по коему предметы могут действовать друг на друга, именно способ непосредственного прикосновения; но мы несомненно убедились, что душа есть существо совершенно непохожее ни на что материальное: поэтому как она может воспринимать органические впечатления, или перемены и раздражения мозга и как, с другой стороны, может сообщать толчок телу? Словом, как можно объяснить окончательное соединение души с телом? Этот вопрос, повторяю, навсегда останется нерешенным.

Карус, Кленке и другие новейшие психологи поступили странным образом с этим неизбежным вопросом. Они не решили его, чего и сделать нельзя, а обошли, или лучше, уничтожили его тем, что признали организм тождественным с душой, называя его внешним проявлением идеи или души, а душу или психею – творцом своего организма.

Чтобы несомненно и окончательно увериться, что таково именно мнение Кленке в его органической Психологии, обратим внимание на след. слова его: «Пищеварительная система соответствует самосохранению, поддержанию телесного требования. Это побуждение самосохранения не есть что либо присущее веществу, образованному в тело, ибо вещество получает определенное пребывание в смешении и форме только потому, что идеальная сила, представляющаяся в природе особенною сущностью, монадою, становится в ней явлением только тогда, когда избранное вещество разоблачает от всех качеств, происшедших в ней самостоятельно, или в следствии прежних, переходных форм и во время зависимости от чуждой монады, преобразует ее в собственные свойства и задерживает. И так побуждение к самосохранению зависит от идеальной силы, которая у животных и человека называется душою, и которой высшее проявление у человека, через восприятие Божественного Духа, становится субъективным духом, психеей»³⁸.

При внимательном рассмотрении сих слов, откроется много такого, чего никак нельзя принять здравомыслящему философу, не только что христианину. Обратим во 1-х, внимание на то, что эта идеальная монада или душа «избранное вещество», то есть, посторонние тела, принимаемые в пищу, преобразует в собственные свойства и задерживает, т.е. уподобляет их себе; но если эта идеальная монада, душа, одним словом, уподобляет себе принятые внутрь вещества: то очевидно следует, что она сама есть монада материальная, телесная; ибо иначе она не могла бы придать материи своих свойств, или лучше преобразовать материю в себя, уподобить ее себе. Но это предположение, будто душевная монада есть материальная, хотя бы она была и нераздельная, весьма ложно и заключает в себе тысячи несообразностей, о которых было говорено в первой главе этой психологии. Наука нигде не открыла и не может признать, чтоб одна какая-либо материальная монада, или один физический атом мог так разниться от других атомов, как душа наша разнится вообще от всякой материи. Далее, в приведенных словах заключается

мнение, что душа становится духом, или субстанцией самостоятельной, через восприятие Божественного Духа. Это мнение может быть понято и принято только с точки зрения пантеистической, но будучи рассматриваемо вне пантеизма, оно включает в себе то противоречие, что из тысячи людей только один обладает духом субъективным: ибо из тысячи только разве один действительно воспринимает Духа Божественного.

И так повторим еще раз, что нет никакой возможности в самом деле разгадать сущность отношения души с организмом. Иногда лучше и честнее признать невозможность решения вопроса, нежели решить его ко вреду и в противность другим признанным и утвержденным истинам.

Глава десятая, прибавочная. Несколько слов о бессмертии души

§197. Основные доказательства бессмертия души

В заключение нашего труда скажем несколько слов о бессмертии души и её назначении.

Само собою разумеется, что бессмертие не принадлежит к тем из свойств души, которые можно изучать посредством опыта и наблюдений. Несмотря на то, одна только опытная психология предлагает самые твердые основания, из которых, по умозаключению, можно увериться в этой истине точно так же, как она одна дает вернейший способ для изучения и всех прочих свойств души. Опытная психология несомненно доказала две истины, которые должны и могут быть основаниями учения о бессмертии: а), что душа есть субстанция, отличная от организма, имеющая свою самостоятельную личность, проявляющуюся в сознании и воле; б), что она беспрестанно усовершенствуется.

Из этих двух истин, посредством цепи умозаключений, выводятся доказательства бессмертия души человеческой. Рассмотрим сначала первое положение.

Если душа есть субстанция самостоятельная, а не временное свойство, или частный вид бытия другой субстанции: то смерть её может быть только двоякая: или она должна умирать подобно телу, т.е. разложившись на составные части, или должна уничтожиться от действия какой-либо посторонней субстанции. Но, ни тот, ни другой образ смерти для неё существовать не может.

Душа не может умереть подобно телу, ибо она не состоит из частей. Наше тело умирает от того, что стихийные его начала разлагаются, взаимная их связь, сила, которая их заставляла жить в известной форме, ослабевает, органы его, так сказать, стираются подобно колесам машины и все составные его части возвращаются в первоначальное свое состояние, а именно в землю, в воздух и пр. Но душа есть субстанция простая, чуждая всякому смешению. В ней нет не только никаких частей, но ничего материального; она – нечто противоположное материи; след., она не может разложиться.

Второй род смерти, т.е. уничтожение от действия какой либо посторонней силы, не может иметь места не только по отношению к душе, но и по отношению самой даже материи: ибо и она изъята от уничтожения. Если мы в природе замечаем беспрестанное исчезание одних тел и возникание других, то это вовсе не значит, чтоб при этом на самом деле исчезали сами составные части тел. Исчезает их частный вид бытия, частное, случайное соединение, но не само их содержание. Если тысячи деревьев сгнивают в земле, или даже сгорают в огне, то исчезают деревья, но не углерод, не кислород, и не другие их составные части. Болота и реки высыхают, но вода их испаряется в воздухе и снова возвращается в землю. Словом, масса материи на земном шаре всегда одна и та же: ибо всякий отдельный атом существует постоянно, только в разных видах и соединениях. Если же уничтожение невозможно для материального атома, то оно тем менее возможно для души. Ибо кто или что в состоянии ее уничтожить? На нее не имеют влияния стихии мира; что же касается до существ разумных, то один только Бог в состоянии лишить ее бытия; но разумеется, что Он этого не сделает.

§198. Душа есть существо беспрерывно совершенствующееся

Душа человеческая есть существо беспрерывно совершенствующееся и в этом отношении она, быть может, еще более, чем во всех других отношениях, противоположное со всеми материальными и видимыми существами. Всякой материальной субстанции положена известная форма развития, далее которой она не может перейти. Всякий род растения развивается только до известных пределов, за которыми начинается обратное движение; всякое животное точно также возрастает и совершенствуется по наружной форме до известных пределов. Но совершенствование души не может иметь пределов в отношениях теоретическом и практическом.

В первом отношении душа может и должна бесконечно усовершеншаться: ибо мысль человеческая не знает предела, ум человеческий не только не удовлетворяется известною степенью развития и известною суммою познаний, напротив того, с каждым новым познанием он делается, так сказать, ненасытнее, каждое новое приобретение становится для него основанием и ступенью к другим завоеваниям в области наук и открытий. Таковы же все способности души. Воображение человека не знает для себя границ; память его не ослабляется и не подавляется множеством сведений; словом, все доказывает нам, что душа в самих способностях и силах своих заключает возможность и залог для вечного бытия и вечной деятельности. Способности души непохожи на колеса и пружины машины, которые стираются и уменьшаются ежеминутно; напротив, чем более и дольше они работают, тем становятся крепче и сильнее. То явление, что способности человека ослабевают на старости, нисколько не противоречит сказанному здесь. Ибо очевидно, что это видимое ослабление способностей происходит от ослабления органов мышления, от которых способности души находятся в столь тесной зависимости, как это было сказано выше.

Еще замечательнее способность человека к постоянному, нравственному совершенствованию. Человеческая душа непрерывно и вечно может делаться выше и лучше в нравственном отношении, утверждаясь в добре, приближаясь мыслями и желаниями к Творцу, к этому бесконечному идеалу, который, чем ближе мы подходим к Нему, тем кажется далее от нас. Разумеется само собою, что противоположное состояние, т.е. непрерывное и вечное пребывание во зле столько же возможно для души, как и вечное совершенствование в добре.

Но на земле, как всякому известно, душа далеко не достигает совершенства ни в теоретическом, ни в практическом отношении. Не говоря о людях необразованных и о детях, кои едва начинали жить: но даже и те, кои достигли до высшей степени развития, доступной для человека на земле, очень живо чувствовали, что они только положили слабое начало своему совершенствованию, и что им остается бесконечное поле для будущей деятельности.

§199. Нравственное доказательство

Но самое высшее и лучшее доказательство бессмертия души есть доказательство нравственное, т.е. заимствованное из рассматривания земной жизни человека по отношению к вечной правде Божией.

Не нужно много усилий ума и наблюдательности, чтоб заметить что земная жизнь человека представляет тысячи несообразностей с нравственным законом неизменной Божеской правды. Не распространяясь много, довольно сказать, что на земле весьма часто, даже большею частью, добродетель не находит себе вознаграждения, а зло наказания, что люди достойнейшие в нравственном отношении терпят часто все несчастия и лишены утешения, а злые и порочные наслаждаются полным благополучием. Всякий прямой и беспристрастный ум понимает, что такой порядок не естественен, а может быть временным, и что должно наступить время, когда безусловная правда нравственная должна воцариться вполне, а это возможно лишь при бессмертии души нашей.

Если рассматривание физического мира приводит человека к мысли о Боге, премудром Творце и благом Промыслителе, и доказывает нам, что весь физический мир управляется им: то тем более должны мы предположить, что и мир нравственный, мир наших деяний, должен иметь такого же Правителя, ибо нравственный мир выше мира физического. Но предположивши это, не должны ли мы согласиться и с тем, что Творец и Правитель нравственного мира должен вознаградить и исправить эту нравственную несообразность земной жизни через будущие воздаяния.

§200. О значении человека

Если же душа человеческая бессмертна, и если она, в следствие своей сущности способна к непрерывному усовершенствованию, то из этого легко можно заключить о назначении человека. Назначение это, без сомнения, в том и состоит, чтобы непрерывно и бесконечно усовершеншаться, как в умственном, так в особенности в нравственном отношении. Эту утешительную истину, о которой ум наш может лишь гадать, вполне объясняет и несомненно доказывает Христианская вера. Опираясь на Божественное откровение, она учит нас, что человек во всем своем составе, т.е. и по телу и по душе, сотворен для вечной жизни, сообразной с его земными заслугами. Она внушает нам, что земная жизнь есть только приготовление для будущей вечной жизни. Кто в продолжение своей земной жизни приучил свою душу к добру, тот и в будущей жизни найдет для себя высшую награду в том самом добре; но чья душа прониклась злом, для него послужит наказанием, на том свете, самое зло. Но эта высокая мысль, которую внушает нам Откровение, поразительным образом соответствует тем результатам, до которых доходит психолог, наблюдающий и изучающий природу и свойства души.

Примечания

¹ - Слово монада употреблено здесь в смысле нераздельности, простоты.

² - Заметим здесь, что привычка, описанная в этом §, хотя вводит в заблуждение на счет способа наших ощущений, т. е. заставляет нас думать, что мы чувствуем, так сказать, вне самих себя; но она весьма благодетельна и даже необходима для жизни нашей, ибо в следствие этой привычки мы уверены непоколебимо в бытии внешнего мира и изучаем внешние предметы. Следовательно природа устроила мудро, поставив нас в необходимость приобретать эту привычку.

³ - Все эти факты, а также бóльшая часть физиологических наблюдений всего первого отдела этой Психологии, заимствованы из физиологии Г. Жемчужникова, отчасти же из физиологии Валентина.

⁴ - Смотри Журнал «Русский Вестник» за 1856 год, № 4-й. Смесь.

⁵ - Физиология и Анатомия соч. Жемчужникова.

⁶ - По К.....у.

⁷ - Эта Психология составлена по руководству Германского ученого Фишера и может считаться лучшей между всеми напечатанными на отечественном языке.

⁸ - В §170 упомянутой Психологии говорится: «На первом главном процессе мышления, развитии отношений тождества, основывается интразитивное положение, образования понятий и системы, понимание, сказательное умозаключение – Второй подчиненный процесс мышления, – развитие причинённых отношений обнимает тразитивное положение, причинное суждение, вывод и пр. В этих двух главных процессах мышления, как и во всех других действиях души, отражается двусторонность её существа: развитие отношений тождества исключительно принадлежит сознанию и есть мышление в мышлении, напротив того, развитие причинных отношений, принадлежат воле, не есть действие в мышлении».Эту выписку

мы сделали с той целью, что бы всякий беспристрастный читатель видел, можно ли из такового языка составить ясное понятие о предмете речи! Что это за варварски ломающие язык слова; интразитивное и тразитивное? Или каково вам нравится еще: мышление в мышлении и действование в мышлении? Можно смело ручаться, что из сотни человек, прочитавши эту тираду, ее могли как-нибудь понять только двое или трое – остальные, быть может, только воображали, что понимают её. Но ни одна эта Психология написана таким языком: она в сравнении с другими философскими сочинениями, изданными в наш век на русском и иностранных языках, отличается еще величайшею ясностью. Казалось, что все философы последнего времени соперничали в том, кто кого перещеголяет в темноте языка, как будто достоинство философских практиков полагали в их непроницаемых для простых смертных глубин; и как будто философия взяла привилегию на темноту и непонятность! А в сочиненных по философии, вышедших на русском языке, к этому присоединилось еще новая язва: это – страсть испещрять и затемнять речь кстати и некстати иностранными терминами. Обращаемся к суду беспристрастных умов: могут ли они чистосердечно сказать, чтобы все эти иностранные слова: объект, абсолют, функция, нигилизм, иннервация, субстрат, потенция, тенденция, реализация, абстрактный, индивидуализация, схематизм, аподиктический, категорический, и тысячи других, наводнивших русские книги, были нужны и полезны для чего бы то ни было? Мы не говорим сколько от них терпит чистота языка: это не требует доказательств; но мы смело утверждаем, что из десяти таких слов девять весьма удобно могут быть заменены русскими равносильными словами и от этого нисколько не изменится мысль, которую ими хотят выражать. Не отвергаем, что есть случаи, когда необходимо прибегнуть к иностранному слову; но досадно то, что ими многие хотят щеголять, хотят через них доказать свою ученость и глубокомыслие.

⁹ - Вид людей, лишенных от природы некоторых орудий к самоусовершенствованию, не достигших до полного развития способностей, всегда возбуждает в душе много мыслей. Видя,

напр. глухонемого, который имеет все понятия образованных людей, невольно спрашиваешь себя, как он удерживает в памяти различные идеи, мысли? Мы, т.е. люди, имеющие все чувства название всех вещей и предметов сохраняем в памяти более по звукам, которыми они выражаются. Когда я вижу на бумаге и читаю умственно слова: памятник, вода, человек и проч., то хотя не произношу громко этих слов, но в уме моем ясно представляю те звуки, которые происходят при их произношении; но немой не имеет представления о звуках. Следовательно, когда он смотрит на эти слова, то ему представляются не звуки, но вероятно фигуры тех предметов, кои означены сими словами; и когда он вспоминает сии слова в уме, то они представляются ему не звукообразно, а фигурально, т.е. представляются фигуры самих букв, составляющих сии слова. Представим же себе глухо-немо-слепого: Как выучить его чему-нибудь? Как передать ему разные мысли или названия разных вещей? И возможно ли передать ему отвлеченные идеи? В какой форме он может сохранять в уме идеи и мысли? Сообразивши все это, легко понять, как трудно должно быть образование такого существа. Осязание заменяет ему все чувства, все средства к образованию, и надобно стараться, чтоб он одним этим средством достиг до понимания всего. Девочке, о которой мы выше упоминали, обыкновенно давали осязать известную вещь, а потом обозначали её название на её пальцах. После долговременной разлуки, она узнала мать свою, ощупавши у ней на груди крест, знакомый ей с младенчества, и при этом обнаружила нежные детские чувства.

¹⁰ - Здесь кстати сделать замечание о том, имеют ли животные какие либо способы к сообщению друг другу своих ощущений и сообщают ли их? Тысячи опытов и наблюдений над нравами и жизнью животных, особенно животных, живущих обществами, показывают нам, что они умеют передавать друг другу свои ощущения и, кажется, достигают этого посредством одной интонации голоса. Вот один любопытный случай, бывший со мною. Однажды, в начале лета, я вышел рано утром прогуляться. Проходя мимо небольшой рощи, я заметил под

одним деревом молодого вороненка и стал приближаться к нему: вдруг, прямо над собою, я услышал пронзительное карканье самки, которая, вероятно, сторожила его. Она сильно билась, налетала на меня, кусала со злости ветви дерев, но видя, что я схватил вороненка, и особенно услышав жалобный его писк, мгновенно поднялась над рощею и стала каркать самым отчаянным образом, как бы призывая кого-то на помощь. Не прошло и двух минут, как налетала целая стая ворон, и дружно принялась отбивать у меня добычу. Опыт этот я повторял несколько дней сряду. Очевидно было, что ворона особым криком своим успевала передавать другим чувство страха и гнева, и как бы просила их о помощи. Этот и другие опыты ясно показывают, какое благодетельное орудие даже простые односложные звуки для передачи душевных движений и сколько представлений рождается в душе от одних интонаций голоса.

¹¹ - Сколько произошло бесполезных дроблений, сколько внесено темноты и запутанности в Психологию от желания, во что бы ни стало, быть оригинальным, глубокомысленным. Что означают, напр., сии слова: «рассудок, как мыслительная способность души, есть сознание, которое свободно движется внутри познаний» (см. Психол. Новиц. §166). Как ни стараюсь не могу понять, что такое свободное движение сознания, да еще внутри познания! Если, рассудок есть движение сознания в познаниях, то выходит что душа не рассудком приобретает познания, а двигается им внутри готовых познаний; но эта мысль противоречит назначению рассудка, ибо рассудок должен умножать познания составлением суждений, сличением представлений и проч. Но еще более затрудняюсь, когда читаю дальше: «Существенное направление рассудка есть мышление, есть движение сознания в познаниях как творчество, но в отличие от него, направленное к истине». Мышление есть существенное отправление не одного рассудка, а всей души со всеми её силами и способностями. Хорошо мышление, в котором не участвует память, воображение, умозаключение и проч.: но пусть так! Пусть мышление есть существенное отправление рассудка, но что такое само мышление?

«Свободное движение сознания в познаниях». Откуда же рождаются наши познания, если мышление только двигается в готовых познаниях? Мне всегда казалось, что человек познания свои приобретает через мышление, а тут выходит не то. Нет! Истинно бесполезно так выражаться! Не объясняют ничего такие выражения, не внушают они никаких светлых мыслей, а только питают ум призраками, вместо действительности!...

¹² - Но, быть может, Кант разумел не физическое, а математическое тело? Но понятие о математическом, или лучше о геометрическом теле, есть условное и, так сказать, сокращенное: ибо в Геометрии для известных целей условились из всех свойств тела рассматривать одно только протяжение, а в полном понятии о теле тяжесть есть один из важнейших признаков.

¹³ - Известно, что все математические решения основаны на подобных тождественных предложениях. Все теоремы её приводятся к аксиомам, которых истинность понятна уму и видна сама собою. Прибавьте к этому язык математический, язык удивительно точный, определенный, орудие строгого анализа, и вы увидите отчего происходит эта завидная и желанная но не достижимая для других наук ясность, точность и неопровержимость математики.

¹⁴ - Сочинение последнего: Органическая Психология, переведено в прошлом 1856 году Г. Пестичем на Русский язык.

¹⁵ - Это название у него означает душу.

¹⁶ - См. §5 Органической психологии Кленке.

¹⁷ - Смотр. Физиол. Валентина, стр. 4.

¹⁸ - Смотр. §4.

¹⁹ - Там же.

²⁰ - §7.

²¹ - §4.

²² - Смотр. §13.

²³ - Смотр. §73.

²⁴ - § 35.

²⁵ - § 35.

²⁶ - § 35.

²⁷ - Многие быть может почтут излишними столь долгие рассуждения и опровержения, но они имеют близкое отношение к рассматриваемому нами вопросу. Отдавая полную справедливость глубоким соображениям упомянутых выше ученых, мы хотели только показать здесь, как трудно опытные наблюдения подчинить началам той философской теории, которая чужда всякому опыту. Исключая это обстоятельство, во всем прочем, мы готовы первые отдать полную справедливость глубокой учености их и первые воспользуемся приводимыми ими наблюдениями для объяснения различных сторон душевной жизни.

²⁸ - Смотр. § 12.

²⁹ - § 20.

³⁰ - § 19.

³¹ - § 36.

³² - § 31.

³³ - § 31.

³⁴ - Смотр. орган. Психологии Кленке § 56.

³⁵ - Смотр. Псих. Кленке § 94.

³⁶ - § 86 той же книги.

³⁷ - Чрезвычайно замечательно, как изменяется характер диких детей Кавказа, с малых лет воспитавшихся в заведениях Русского Государства. Два брата горца, из коих один вырос в горах, а другой воспитался в каком-либо корпусе столичном, становятся столь различными друг от друга, как два человека, принадлежащие двум различным нациям. Правда, что иногда природные склонности так сильны, что их ничем не истребишь, и под наружностью образованного человека, упомянутые лица скрывают иногда все прежние наклонности, но изменение большей частью бывает все-таки разительно.

³⁸ - § 79.